

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

ИВАЩЕНКО Кристина Борисовна

**СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРАВА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

И.Н. Сенякин

Саратов – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Общие вопросы структуры современной системы российского права	20
ГЛАВА II. Содержание и структура предмета правового ре- гулирования	41
ГЛАВА III. Материальное право — определяющий комплекс норм в системе российского права	59
ГЛАВА IV. Понятие, юридическая природа процессуального права и особенности его системы	74
ГЛАВА V. Функции материального и процессуального пра- ва в механизме правового регулирования	99
ГЛАВА VI. Диалектика взаимодействия материального и процессуального права	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Коренные преобразования в социально-экономических, политических и управленческих сферах российского общества объективно влекут за собой модернизацию всей системы российского права и в особенности таких ее крупных структурных блоков, как материальные и процессуальные подсистемы. Их разбалансированность по отдельным направлениям создает реальную угрозу обеспечения законности и правопорядка в стране. Такое положение наблюдалось ранее, сохраняется оно и сейчас.

Подтверждением этого может служить тот факт, что в течение последних 15 лет функционирование основополагающих кодифицированных актов Российской Федерации в области процессуального права выявило немало недочетов в их содержании и структуре механизма процессуально-правового регулирования. За столь непродолжительное время в действующие Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ был внесен не один десяток изменений, которые затрагивают их основополагающие институты и принципы. Нестабильность в развитии процессуального права преимущественно кроется в несовершенстве законотворческой практики, в сохраняющемся дисбалансе материальной и процессуальной частей правового регулирования.

Стремительное развитие общественных отношений, сопровождаемое достаточно затяжным кризисом в российской и мировой экономике, безусловно, требует всестороннего совершенствования материального и процессуального законодательства. Такая работа должна проводиться систематически и обстоятельно. В противном случае неизбежны ошибки законодателя. Даже беглый анализ изменений, внесенных в Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ за последние годы, показывает, что далеко не всегда причиной корректировки здесь выступает

объективная необходимость. Нередко законодатель находится в состоянии постоянного поиска, ориентированного на правоприменительную практику.

Значительное число норм и институтов процессуального права предметно и функционально связаны с материально-правовыми предписаниями, обусловлены последними. Ввиду этого законодательная трансформация норм материального или процессуального права должна проводиться с учетом имеющейся общей закономерности их диалектической взаимосвязи. В рамках системы права должен быть соблюден баланс между такими противоположными тенденциями ее развития, как динамика и стабильность, специализация и унификация.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации призвано решить многие насущные проблемы в этой области. Отраслевая перегруппировка норм процессуального права вызывает необходимость дальнейшего уточнения предметов регулирования трех важнейших кодифицированных актов — с одной стороны, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а с другой, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Исследователи справедливо обращают внимание на сохраняющийся дуализм в вопросе регламентации административного судопроизводства, который выражается в том, что наряду с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации существует третий раздел Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, который называется «Производство в арбитражном суде первой инстанции по делам, возникающим из административных и публичных правоотношений». «Складывается ситуация, в которой суды общей юрисдикции руководствуются Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, а арбитражные суды — нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. При этом в двух нормативных актах наличествуют принци-

ально различные подходы: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации рассматривает дела об административных правонарушениях, а положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в свою очередь, на них не распространяются»¹.

Наряду с дальнейшим развитием административного судебного права как самостоятельной процессуальной отрасли актуализируется вопрос и о формировании административно-процедурного законодательства, специально регламентирующего порядок осуществления публичного управления, включая процедуры принятия административных правоприменительных актов. В данном случае наряду с практическими усугубляются и теоретические проблемы по надлежащему обоснованию разграничения норм процессуального права и процедурных предписаний материального права, которые не имеют окончательного решения в отечественной юридической науке ввиду давнего спора между сторонниками «узкого» и «широкого» понимания юридического процесса. При этом не до конца разрешенным остается вопрос об отраслевом статусе нового массива норм административно-процессуального регулирования, его структуре. Сам же Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации вызвал значительное число критических замечаний со стороны ведущих ученых-правоведов и практиков.

Кроме того, набирает обороты дискуссия вокруг необходимости разработки и принятия единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Вышеобозначенные вопросы понятия, системно-структурного строения, соотношения и взаимодействия материального и процессуального права в России по настоящий момент не получили требуемого комплексного раскрытия на уровне общей теории права, а накопленные отраслевыми юриди-

¹ Майоров В.И. Генезис административного судебного права: теоретико-методологические проблемы // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 1. С. 7.

ческими науками знания по указанной проблематике пока не удостоились всестороннего обобщения.

Практическое решение указанных проблем во многом зависит от уровня развития и познания системы российского права, ее структурных подсистем и элементов. Сообразно этому весьма актуальными для российского правоведения продолжают оставаться направления исследований, связанных как с общими проблемами учения о делении права на материальное и процессуальное, так и с отдельными моментами понимания отграничения процессуальных норм от процедурных предписаний материального права, функциональных и предметных различий процессуального и материального права, основных форм их взаимодействия и различия.

В последние годы на этом пути проведена значительная по объему и весьма плодотворная по содержанию работа. Однако изучение основных аспектов соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права, вызывающих значительный теоретический и практический интерес, по-прежнему требует к себе самого пристального внимания.

Правотворческая активность сегодня во многом не дает ожидаемых результатов по установлению гармоничного соотношения материальных и процессуальных частей системы российского права. Далеко не все материально-правовые предписания обеспечены надлежащей процессуально-правовой защитой. Наряду с этим наметилась негативная тенденция по расширению практики нейтрализации норм материального права со стороны процессуальных правовых предписаний. Формы такого проявления различны.

В силу изложенного исследование теории и практики соотношения материального и процессуального в праве является одной из актуальных задач отечественной юриспруденции, что и побудило автора к выбору обозначенной темы диссертации.

Степень научной разработанности темы. Вопросы структурного содержания системы российского права и критериях его деления на отрасли

периодически рассматривались на уровне общей теории и являлись предметом обсуждения ряда научных дискуссий (1938–1941 гг., 1955–1958 гг., 1982 г., 2001 г.) однако этот анализ проводился без учета сложной диалектической связи между материальными и процессуальными нормативно-правовыми предписаниями. Такой угол зрения остался без внимания участников научных споров.

Отдельные аспекты данной проблематики затрагивались в трудах ученых-теоретиков: Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, М.И. Байтина, С.Н. Бра-туся, В.М. Баранова, Н.В. Витрука, Н.А.Власенко, В.П. Мозолина, Д.Е. Петро-ва, С.В. Полениной, И.Н. Сенякина, А.Ф. Черданцева, Ц.А. Ямпольской и др.

Что же касается теоретических основ понимания процессуального пра-ва, его системы, структуры и отдельных элементов, то они заложены в рабо-тах таких исследователей, как: С.С. Алексеев, А.Т. Боннер, А.М. Васильев, В.М. Горшенев, Н.И. Краснов, И.А. Иконницкая, П.Е. Недбайло, Ж.И. Овсе-пян, В.Н Протасов, М.С. Саликов, В.Д. Сорокин и др.

В числе специальных общетеоретических работ по проблеме процессу-ального права, подготовленных в последние годы, можно выделить: Бессо-нов А.А. Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Борисова Л.Н. Общая теория процессуальных норм права: ав-тореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; Колобкова Л.В. Процес-суальные нормы в российском праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007; Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003; Лазарева О.В. Правовая процедура. Саратов 2004. и др.

Материальной составляющей системы российского права незаслужен-но уделяется недостаточное внимание: отсутствует его развернутое опреде-ление и понятие; описание сущностных черт, специфики предмета регулиро-вания; не представлена в общетеоретическом плане собственная структура материально-правового блока.

Проблема соотношения материального и процессуального права впервые привлекла широкое внимание научного юридического сообщества в связи с выходом в свет коллективного труда «Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980». В последующем к ней вернулись в 2003 г. на совместной Всероссийской научно-практической конференции Министерства юстиции РФ и Уральской государственной юридической академии «Современные проблемы взаимодействия материального и процессуального права России: теория и практика». Однако здесь в основном затрагивались отраслевые аспекты соотношения и взаимодействия материального и процессуального права. В качестве постановки проблемы был обозначен вопрос о парности этих категорий. Данные свойства позволяют глубже понять их специфику и детерминированность в процессе правовой регламентации общественных отношений.

Следует отметить, что комплексного общетеоретического монографического исследования, посвященного вопросам соотношения материального и процессуального права, на сегодняшний день нет.

Объектом диссертационной работы выступает совокупность юридически значимых общественных отношений, связанных с формированием, функционированием и совершенствованием материального и процессуального права в России.

Предмет исследования составляют наиболее общие закономерности функционирования и развития материального и процессуального права, их понятие, структура, формы и уровни взаимодействия.

Цель диссертационного исследования заключается в формировании комплексной общетеоретической модели системно-структурных и функциональных связей материальной и процессуальной составляющих системы российского права, их соотношения и основных аспектов диалектического взаимодействия.

Достижение указанной цели обусловило постановку и последовательное решение следующих **задач**:

дать общую характеристику современной системы российского права, ее структурного построения и тенденций развития;

под критическим углом зрения рассмотреть различные подходы к пониманию структуры права, предмета правового регулирования, функций права, дифференциации права на материальную и процессуальную составляющие;

обобщить имеющиеся знания по вопросу предмета правового регулирования и предложить собственное видение его понятия и элементного состава;

уточнить понятие и характерные признаки материального права, особенности его структуры и предмета правового регулирования;

сформулировать авторское определение процессуального права и раскрыть содержание его отличительных признаков;

дополнить общее учение о функциях права знаниями о специфике функционирования материального и процессуального права;

разработать общетеоретическую модель структурно-функциональных связей материального и процессуального права, форм и способов их диалектического взаимодействия;

обосновать ряд практических предложений, направленных на обеспечение баланса материальных и процессуальных предписаний в системе российского законодательства.

Методологическая основа диссертационного исследования. Философско-мировоззренческой базой работы является материалистическая диалектика и вытекающие из ее содержания наиболее общие принципы познания, с помощью которых были раскрыты основные факторы взаимодействия материальной и процессуальной составляющих системы российского права на уровнях отрасли, института, ассоциаций и отдельных норм.

В процессе описания содержания, структуры и функционирования материального и процессуального права активно применялся системный и структурно-функциональный подходы. Посредством логического и формально-юридического методов были уточнены понятия материального и процессуального права, критерии их разграничения.

По отдельным вопросам темы был применен исторический подход, что позволило более полно изучить причины и условия трансформации материального и процессуального права.

Кроме того, в ходе исследования применялся сравнительно-правовой метод при сопоставлении предмета регулирования, содержания, структур и функций материального и процессуального права.

Нормативную базу диссертации составили: Конституция Российской Федерации; международно-правовые нормы и принципы, обозначенные в международно-правовых актах; федеральные законы; подзаконные нормативно-правовые акты федерального уровня; законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Федерации.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой одно из первых комплексных общетеоретических исследований соотношения и диалектики взаимосвязи материального и процессуального права как относительно самостоятельных блоков структуры российского права.

Специфика диссертации состоит в детальном раскрытии вопросов разграничения предметов регулирования материального и процессуального права, их места и роли в правовом воздействии на общественные отношения, определении особенностей их функционирования, что нашло отражение в следующем:

представлены авторские суждения по вопросу понятия и структуры предмета правового регулирования;

уточнены предмет правового регулирования и функциональная характеристика материального права;

расширены знания о понятии, сущности, структуре и содержательных особенностях процессуального права;

дополнено теоретическое обоснование соотношения норм процессуального права и материально-процедурных предписаний права;

предложено авторское видение специфических функций материального и процессуального права;

обобщены данные отраслевых юридических наук о системных связях материальной и процессуальной составляющих системы российского права;

выработан ряд предложений по недопущению нейтрализации действия материального права со стороны процессуально-правовых предписаний;

выдвинут комплекс новых аргументов в объяснении выбора критериев разграничения материальных и процессуальных норм права и др.

Решение указанных задач на общетеоретическом уровне позволяет, по мнению автора, уточнить и развить отдельные положения учения о системе права и его функциях; восполнить пробелы в разграничении материального и процессуального блоков системы российского права; сформулировать авторские дефиниции материального и процессуального права, их функций; уточнить и систематизировать знания о генетических, структурных и функциональных связях данных блоков системы права.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Доказывается, что наиболее полное исследование системы права возможно с опорой на следующие методологические установки: теоретическое моделирование структуры права не должно исчерпываться делением его на нормы, институты, подотрасли и отрасли, оно требует учета и функциональных аспектов его конструкции в виде градации на материальное и процессуальное, регулятивное и охранительное, частное и публичное; целостность системы права определяется наличием в ней связей координации, субординации и иных между ее элементами и подсистемами; в структурном от-

ношении право предполагает выделение двух уровней: по горизонтали и вертикали; включает в себя диалектическое единство его предметной и функциональной организации, что делает недопустимым превалирование одной из них; система права является незавершенной и не самоорганизующейся по причине необходимости человеческой деятельности для ее формирования и реализации на практике (самоорганизующейся можно признать лишь правовую систему общества в целом); отдельные подсистемы и элементы системы права имеют собственную специфическую структуру, которая диалектически подлежит включению в общее построение права; важнейшими свойствами, объясняющими динамику системы права, являются ее интегративность и дифференцированность.

2. Для разграничения предмета правового регулирования материального и процессуального права следует принимать во внимание градацию правовых явлений на регулятивные и охранительные. Обращаясь одновременно к признаку материальности в праве, необходимо учитывать положение о том, что в большей степени материальными будут именно регулятивные нормы и правоотношения. Процессуальное же право не имеет своим непосредственным предметом регулирования фактические экономические, политические, социально-культурные и иные общественные отношения. Последние есть предмет специально-юридического действия материального права. Непосредственным предметом воздействия со стороны процессуального права выступают материально-правовые отношения, но не вся их совокупность, а лишь требующие вмешательства в целях их защиты и охраны от различного рода нарушений или возникших иных препятствий в их реализации.

3. Обосновывается вывод о том, что само понятие материального права не следует смешивать с философской категорией «материя», а также с существующим в науке делением социальных явлений на материальные и идеологические. Под материальным правом предлагается понимать единую относительно самостоятельную нормативно-правовую подсистему, объеди-

няющую ряд отраслей права, а также некоторые нормы международного права, имеющую своим предметом непосредственного правового регулирования экономические, политические, социально-культурные и иные отношения, структурно включающую в себя регулятивные нормы первичного характера, охранительные нормы материального содержания, а также организационно-процедурные правовые предписания. *Отличительные признаки материального права* состоят в следующем: предписания, закрепляют формы собственности, юридическое положение лиц и их имущества, определяют порядок образования и структуру государственных органов, устанавливают правовой статус граждан, основания и пределы ответственности за правонарушения и другие; предметом непосредственного, прямого регулирования материального права выступают экономические, политические, административно-управленческие, трудовые, семейные и иные общественные отношения; первичный, определяющий характер материального права в отношении процессуального, что воплощается в учредительном характере конституционного права, являющегося по своей природе базовой материальной отраслью права; предназначение и социальная ценность материального права выражаются в его основных общих и специально-юридических функциях (политической, экономической, социально-культурной, информационно-идеологической, учредительной, регулятивной, охранительной); оно оказывая регулирующее воздействие, влечет возникновение, изменение и прекращение материальных регулятивных и охранительных правоотношений.

4. Структура материального права рассматривается в двух основных срезax: отраслевом (предметном) и функциональном. В отраслевом аспекте структуру материального права составляют предписания конституционного, гражданского, административного, уголовного, трудового и ряда иных отраслей права. В функциональном отношении все нормы материального права можно подразделить на регулятивные и охранительные. При этом следует констатировать преобладание в материально-правовом блоке именно регулятивных пред-

писаний. Функциональный подход позволяет выделить в структуре материального права три подгруппы норм:

регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений, определяющие их праводеееспособность, а также фактические основания возникновения, изменения и прекращения;

охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права, определяющие субъектов юридической ответственности, деликтоспособность, а также основания освобождения и исключения юридической ответственности;

организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера, предусматривающие основания и порядок реализации процедурных материальных правоотношений по регистрации сделок с недвижимостью, начислению пенсий, и т.д.

5. Уточняется определение процессуального права в качестве единой относительно самостоятельной нормативно-правовой подсистемы, объединяющей ряд отраслей российского права, имеющих своим предметом непосредственного регулирования охранительные правоприменительные отношения, напрямую связанные с отправлением правосудия, функционально направленных на организацию процедур, обеспечивающих беспрепятственную реализацию материальных нормативных предписаний посредством преимущественного использования императивного метода правового регулирования.

6. Предлагается авторская дефиниция процессуальных норм права, которые определяются как издаваемые государством нормативно-правовые предписания, направленные на регулирование правоприменительных отно-

шений охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений.

Характерные признаки процессуальных норм, отражающие их природу и назначение в системе права, обусловленные предметом и методом регулирования процессуального права, сводятся к следующему: сфера распространения действия процессуальных норм связана с правоохранительной деятельностью государства, основным субъектом осуществления которой являются судебные органы; в силу преимущественно властно-публичного характера отношений и императивного метода регулирования процессуальные нормы максимально «категоричны» в своих требованиях; содержание процессуальных норм связано с установлением порядка и способа совершения действий участников правоприменительных отношений охранительного характера, а также конечной формы их выражения; особенности структуры процессуальных норм. Предлагается выделить следующие критерии классификации процессуальных норм: их отраслевая принадлежность; уровень обобщения; время действия; функциональная роль; содержание и характер предписаний.

7. Аргументируется вывод о том, что процессуальное право, будучи составной частью системы права в целом, представляет собой по отношению к ней подсистему, которая, в свою очередь, образует собственную структуру. Выделяются следующие уровни в строении процессуального права: общепроцессуальный; отраслевой; уровень институтов процессуального права; ассоциаций процессуальных норм, отдельных норм права.

Оговаривается, что в системе процессуального права наличествуют три самостоятельные и полноценные процессуальные отрасли — гражданское процессуальное, арбитражное и уголовно-процессуальное, а с определенными

ми оговорками отраслями процессуального права, находящимися в стадии формирования, следует назвать конституционно-процессуальное и административно-процессуальное право.

Такая градация объективна и отражает логическую целостность системы российского права.

8. Констатируется, что специальное рассмотрение функций материального и процессуального права не только позволяет глубже проникнуть в суть процесса функционирования права, но и выделить один из важнейших аспектов диалектического взаимодействия данных правовых блоков: «цель – задача – функция – результат». Диалектика взаимодействия рассматриваемых подсистем права раскрывается на уровне осуществляемых ими функций следующим образом. Регулятивное воздействие на наиболее значимые общественные отношения материальное право в отличие от процессуального осуществляет напрямую. Процессуальное же право связано преимущественно с организацией процедур, обеспечивающих в итоге беспрепятственную реализацию материальными предписаниями своей прямой регуляции общественных отношений. Прямого регулятивного воздействия на общественные отношения процессуальное право не оказывает, его функции направлены во внутрь правовой системы, на преодоление препятствий в начавшемся или начинающемся процессе реализации норм материального права. С учетом изложенного предлагается закрепить в теории права классически выделяемые общесоциальные и общеправовые функции исключительно за материальным правом, а для процессуального права выделить особые функции, к числу которых необходимо отнести процедурно-обеспечительную, восстановительно-компенсационную и организационно-управленческую.

9. Доказывается целесообразность подразделения *диалектических связей материального и процессуального права на два типа*: системные и частные. Традиционно формы и способы связи материального и процессуального права проявляют себя на следующих уровнях механизма правового регулирования: на уровне отдельных норм, институтов и отраслей права; на

уровне праводеееспособности; на уровне субъектного состава правоотношения материального и процессуального; в рамках судебного решения, имеющего смешанную материально-процессуальную природу; на уровне института иска с его двойственной природой; в рамках института доказывания, а точнее в ходе юридической квалификации в процессе правоприменения, которую ряд исследователей вполне обоснованно именует динамическим аспектом их взаимодействия; в рамках установления и реализации таких смешанных материально-процессуальных институтов, как амнистия и помилование; на уровне понятий и терминов, технико-юридических конструкций; на уровне предмета правового регулирования; на уровне осуществляемых функций материальным и процессуальным правом; в рамках процессов интеграции и дифференциации в системе права в целом.

10. Выделяются следующие основные способы воздействия материального права на процессуальное:

материально-правовые предписания являются важнейшим фактором, определяющим содержание и структуру процессуального права;

влияние материального права на формирование институтов процессуальной праводеееспособности на правовой статус лиц, участвующих в деле;

определение материальным правом таких элементов конструкции иска, как предмет и его основание;

обеспечение со стороны материального права охраны процессуально-правовых предписаний;

установление правил распределения судебных расходов, исходя из общих идей материального законодательства в сфере восстановления прав и законных интересов;

влияние норм материального права на конструирование смешанного института мирового соглашения и др.

В качестве основных форм и способов воздействия процессуального права на материальное предлагается выделять следующие:

использование по аналогии предписаний процессуальных отраслей права к понятиям материального закона;

устранение из содержания материального закона отдельных норм по процессуальным основаниям (соображениям);

раскрытие содержания отдельных бланкетных норм материальных отраслей права посредством обращения к процессуальным нормам;

стимулирование действием процессуального права дальнейшего совершенствования и развития материального права;

придание новому материальному закону обратной силы при помощи процессуальных средств;

исключение действия отдельных материально-правовых предписаний путем признания материального закона неконституционным.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее результаты будут способствовать дальнейшему изучению направлений, уровней и форм взаимосвязи материального и процессуального права, а также их взаимообусловленной трансформации в процессе совершенствования российского законодательства. Благодаря разработанной автором основы общетеоретической концепции единства и взаимодействия материального и процессуального права становится возможным дальнейшее уточнение отдельных вопросов системного понимания права и осуществляемых им функций.

В понятийные ряды общей теории права вводятся уточненные научно-правовые абстракции «материальное право», «процессуальное право», «предмет правового регулирования материального права», «предмет правового регулирования процессуального права», «функции материального права», «функции процессуального права», «структура материального права», «структура процессуального права», что существенным образом развивает и дополняет теорию системы права.

Диссертация содержит ряд научно-практических рекомендаций и предложений, направленных на установление баланса предписаний материальной и процессуальной составляющих системы российского права. Определяются место и роль материального и процессуального права в механизме правового регулирования.

Представленные доктринальные основы модели диалектического взаимодействия материального и процессуального права могут быть использованы в ходе мониторинга нормативно-правовой базы Российской Федерации и определения ее качественного соответствия основополагающим требованиям системной организации права.

Отдельные теоретические положения диссертации могут применяться в учебном процессе при преподавании курсов «Теории государства и права», «Проблемы теории государства и права», при написании квалификационных работ.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные положения исследования были озвучены в ходе методологических семинаров, проводимых Саратовским филиалом Института государства и права РАН. Основные теоретические положения и выводы исследования отражены в 6 статьях автора, опубликованных в журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации обусловлена предметом, целями, задачами и логикой проведенного исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Современные исследования вопросов системного строения российского права связаны преимущественно с динамикой отраслевой дифференциации его нормативно-правовой материи. Из всех срезов структуры права внимание правоведов по-прежнему сконцентрировано именно на его отраслевом делении, на процессах образования новых отраслей права, на дискуссиях вокруг критериев подобной правовой градации. Обсуждение данной проблемы длится уже более 70 лет. Первая дискуссия прошла в предвоенные годы XX столетия (1938–1941 гг.). Основной упор ее участников был сделан на обосновании объективного критерия деления системы права на отрасли и институты. После длительных споров и взаимных упреков было выражено общее мнение: выделить в качестве критерия предмет правового регулирования как определенную совокупность однородных общественных явлений. Все были единодушны в том, что специфика и многогранность этих отношений способствуют образованию все новых и новых отраслей права. Было определено и структурное содержание предмета правового регулирования, куда включались: социальные факты и социальная практика, субъекты и объекты регулируемых отношений и т.д.

Короткое затишье по этой проблематике было нарушено в середине 50-х годов прошлого столетия. Ученых стал интересовать вопрос о том, что деление отраслей только по предмету правового регулирования практически сводится к системе общественных отношений, что не совсем правильно и точно.

Новая трехлетняя дискуссия (1955–1958 гг.) выявила необходимость выделения дополнительного критерия, которым был назван метод правового регулирования как совокупность средств приемов и способов воздействия на общественные отношения. В каждой отдельной отрасли должен быть свой

метод (или совокупность методов), отражающих специфику регулируемых отношений. Как и предмет, метод имеет свою структуру, содержательные компоненты: участников общественных отношений, их праводеееспособность, ответственность и т.д.

Посредством метода правового регулирования власть оказывает нужное воздействие на поведение участников общественных отношений. К специальным методам правового регулирования относятся: убеждение и принуждение, императивный и диспозитивный методы, метод равенства сторон и т.д.

Ведущая роль в паре предмет–метод отводится предмету правового регулирования как материальному критерию. При всем своем разнообразии они тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга. Казалось бы, достигнут консенсус в этом вопросе, выработан приемлемый вариант критериального деления системы права на отрасли, однако все резче высказывались сомнения по поводу универсальности данного критерия.

Очередная дискуссия по теме «Система советского права и перспективы ее развития» развернулась в 1982 г. Ее участники вновь обратились к предмету и методу правового регулирования как главным критериям выделения отраслей права. Однако высказанные суждения в который раз не внесли ничего нового в данную проблематику. Каких-то конкретных, новаторских предложений на этот счет не прозвучало.

Тем не менее научная ценность данной дискуссии заключалась в том, что некоторые ее участники предложили пересмотреть вопрос о соотношении системы права и системы законодательства и в этом был определенный резон.

Чтобы глубже познать рассматриваемые явления, необходим анализ такого взаимодействия. Система права и система законодательства — явления тесно связанные, но не тождественные. Они представляют собой два аспекта одной и той же сущности — права, выражая его форму и содержание. Существовать без законодательства право не может, а широкое понимание

законодательства и есть право. Нельзя рассматривать структурное содержание системы права полно и всесторонне без органичной связи с системой законодательства. Между ними много общего, особенно в структурно-содержательном плане. Вместе с тем, как известно, они различаются между собой и это различие просматривается по многим параметрам.

Во-первых, базовый элемент системы права — норма, а системы законодательства — нормативно-правовой акт.

Во-вторых, по объему содержания законодательство богаче, шире, нежели система права.

В-третьих, отрасли законодательства не имеют единого предмета и метода в отличие от отраслей права.

В-четвертых, система права объективна по своей сути, а система законодательства больше подвержена субъективному фактору и т.д.

Выстраивание правильного соотношения системы права и системы законодательства — важнейшая научно-практическая задача.

И еще на один важный аспект в этой связи следует обратить внимание. Речь идет о соотношении системы права и системы законодательства с правовой системой общества. Следует сразу оговориться, что последнее — явление более широкое, объемное, включающее в свой состав, помимо других элементов (отрасль, институт, законность, правопорядок, правовые отношения, субъективные права и обязанности, гарантии их осуществления и т.д.), право и законодательство. Без них правовая система общества мертва, так как не будут функционировать все ее перечисленные структурные институты, ибо их организационная основа лежит в плоскости права и законодательства. Как унифицированная модель правовая система концентрирует в единое целое всю правовую надстройку общества, делает ее упорядоченной и органичной.

Выделяют различные правовые системы: федеральную и региональную, национальную и межнациональную и т.д. Следует отметить, что крите-

рии подобной классификации не разработаны. По какому признаку делятся эти системы, каковы основы такой дифференциации — не ясно. Особенно спорно выделение правовых систем субъектов Российской Федерации, ибо там отсутствуют обязательные ее элементы типа отраслей уголовного, гражданского, процессуального права, а также такие самостоятельные органы, как армия, суд, налоговые органы и т.д. Кроме того, весьма затруднительно, практически невозможно, провести различие между правовой системой общества и его правовой надстройкой. Структурные элементы того и другого во многом дублируются.

Таким образом, в отечественной юриспруденции остается немало нестыковок в подходах к делению системы права на отрасли и институты, а также сопутствующим им явлениям. Этим и объясняется тот факт, что в 2001 г. в Московской юридической академии прошла очередная научная конференция на тему «Система российского права». Участники четвертой дискуссии пришли к выводу о том, что ранее поставленная проблема в современный период осталась неразрешенной. Понятие «отрасль права» оказалась настолько размытым, неконкретизированным, что имеющейся трактовкой стало затруднительно пользоваться на практике. Однако других аргументированных предложений по вопросу новых критериев предложено не было. Понятие «отрасли права и критерии их классификации» осталось в прежнем формате.

Еще сложнее обстояло дело с выделением процессуальных отраслей, ибо они производны от материальных и как бы призваны их «обслуживать», так как без материальных норм не могут существовать. От качественного содержания процессуальных отраслей зависит эффективность механизма реализации права. И здесь особо важную роль играют критерии их выделения. Сложность и разноплановость современных общественных отношений обусловили необходимость выделения, кроме традиционных (уголовного и гражданского процессуального права), еще и административного, арбитраж-

ного и конституционного процесса. Их нормативное оформление — дело будущего, а критериев выделения — настоящего.

Совершенно очевидно, что из поля зрения ученых зачастую ускользает тематика о наиболее крупных блоках (подсистемах) в структуре российского права, к числу которых, несомненно, следует отнести материальное и процессуальное право. Данное структурное подразделение системы права признается и упоминается в абсолютном большинстве научных и учебных трудов государственно-правовой направленности как само собой разумеющийся факт, не требующий развернутого и, уж тем более, специального комплексного теоретического объяснения, что, на наш взгляд, не стоит рассматривать как аксиому.

В итоге вопрос о дифференциации нормативно-правовых предписаний на материальные и процессуальные по настоящий момент не получил своего должного раскрытия в рамках общего учения о системе и структуре российского права. Указанный пробел в научно-теоретическом познании системы права, безусловно, подлежит пусть и запоздалому, но восполнению, ибо позволяет осуществить дальнейшее планомерное и расширенное изучение структурного строения нормативно-правового материала.

Современные авторы, как и их предшественники, склонны считать российское право именно как сложноорганизованную систему, представляющую собой внутренне согласованное единство однородных подсистем и элементов. В ряде случаев наблюдается фактическое отождествление понятий системы и структуры права, где система трактуется как внутреннее его строение, включающее в себя такие взаимосвязанные элементы и части, как нормы, институты и отрасли права. Отдельные исследователи делают акцент не только на статических характеристиках системно-структурного строения российского права, но и ратуют за необходимость рассмотрения его динамических параметров. Так, О.А. Бастрыкина выделяет такие свойства системы

права, как гомогенность, открытость, незавершенность (динамичность), упорядоченность, функциональность и др.¹

Особо следует выделить работы Д.Е. Петрова, посвященные общетеоретическому рассмотрению интеграции и дифференциации структурных образований системы российского права в качестве важнейших параметров ее динамического развития. Исследователь вполне справедливо утверждает о необходимости изучения структурных образований системы права в динамике сквозь призму категорий «интеграция» и «дифференциация», подчеркивая закономерный характер диалектической связи данных тенденций в трансформации права. Таким образом, Д.Е. Петров обосновывает необходимость учета при общетеоретическом описании системы современного российского права дополнительно еще двух ее свойств — интегративности и дифференцированности² и анализирует структуру права с опорой на отмеченные категории, все же концентрируя свое внимание преимущественно на его отраслевом строении³, важность которого сложно переоценить, а тем более отрицать. Несмотря на это, стоит все же задуматься над вопросом о достаточности исключительно такого подхода для полноты и объективности общетеоретического моделирования системного строения современного российского права. Исследователи с определенной долей успешности продолжают развивать данное направление научных изысканий, о чем свидетельствуют их достаточно многочисленные труды⁴.

¹ Подробнее об этом см.: *Бастрыкина О.А.* Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 18–19 и др.

² См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2015. С. 12–13.

³ См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. С. 205–245; *Его же.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004.

⁴ См., например: *Асадов А.М., Драхенберг Т.В.* К вопросу о системе отраслей права и критерии отраслевой дифференциации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (15 марта 2011 г.): в 2 ч. СПб., 2011. Ч. 1. С. 34–43; *Беликов К.А.* Дифференциация системы права: критика традиционных

Справедливости ради следует отметить, что все же выходят в печать отдельные работы, напрямую, затрагивающие проблему материального и процессуального в структуре российского права. Число подобных трудов невелико, но в них обращено внимание на отдельные, весьма важные общетеоретические и отраслевые аспекты понимания материально-процессуальной градации права¹.

Трансформация системы российского права в содержательном и структурном аспекте предстает как непрекращающийся процесс изменения старых и появления новых ее элементов и подсистем, расширения численного и качественного состава ее предметно-функциональных связей. Развитие права причинно-следственно обусловлено эволюцией соответствующих сфер соци-

критериев, выдвижение новых подходов (с позиций субъекта права) // Юридическая мысль: научно-практический журнал. 2007. № 3 (41). С. 5–16; Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Ее же*. К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // Право и государство: теория и практика. М., 2011. № 6 (78). С. 10–14; Драхенберг Т.В. К вопросу о телеологическом критерии дифференциации системы российского права // Проблемы права. 2012. № 2. С. 176–181; Курдюк Г.П. Отрасль права как элемент системы права (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004; Мартышин О.В. О дифференциации отраслей права // Труды Московской государственной юридической академии: сборник статей. М., 2002. № 9. С. 32–34; Попондопуло В.Ф. Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 26–37; Разуваев Н.В. Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. 2002. № 3. С. 31–55; Реутов В.П. Развитие взглядов на отраслевую дифференциацию права // Проблемы развития российского законодательства: сборник статей. Пермь, 2002; Свирин Ю.А. Теоретические проблемы отраслевого деления системы российского права // История государства и права. 2011. № 9. С. 32–34 и др.

¹ См., например: Бабенко Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013; Бессонов А.А. Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; Макаров О.В. Новеллизация российского гражданского материального и процессуального права: основное содержание и результаты // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2016. Т. 3. С. 234–239; Марочкин С.Ю. Материальные и процессуальные вопросы применения норм международного права в судебной практике // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 42–45; Стариков Ю.Н. Российское административное право: к вопросу о соотношении материальных и процессуальных норм // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 53–58; Чеглаков К.В., Яковлев А.В. Процессуальные отрасли в системе современного российского права // Мир юридической наук. 2010. № 3 (март). С. 11–19.

альной жизни, подпадающих под его регулятивное воздействие. Увеличение темпа общественных преобразований в России с необходимостью вызывает интенсификацию переустройства системы права, что должно находить надлежащее отражение в юридической науке. Одними из аспектов усложнения нормативно-правовой материи выступает не только рост числа новых структурных образований в российском праве, но и качественное изменение соотношения материальной и процессуальной составляющей на отдельных участках правового регулирования.

Следует подчеркнуть, что в теории сущность ряда изменений структуры и содержания права либо вовсе не раскрыта, либо рассматривается вскользь, либо подменяется опять-таки вопросами сугубо отраслевого деления нормативно-правовых предписаний. Большинство публикаций направлено на исследование новых комплексных образований российского права в качестве самостоятельных отраслей, что зачастую является преждевременным, недостаточно обоснованным или вовсе не соответствующим реальному положению дел. Ввиду этого количество выделяемых отраслей в структуре права измеряется двузначными цифрами, что, в свою очередь, вызывает размывание как самого понятия «отрасль права» и ведет к теоретическому моделированию весьма «аморфной» структуры права с нечеткими критериями ее дифференциации.

К примеру, А.А. Головиной удалось найти в работах различных авторов почти 60 так называемых «новых отраслей права», абсолютное большинство из которых, по ее вполне верной оценке, вряд ли таковыми являются в настоящий момент и, скорее всего, не станут таковыми в будущем¹. Так, выделяются олимпийское, спортивное, корпоративное, инвестиционное, торговое, бухгалтерское, транспортное, горное, ювенальное, церковное, образова-

¹ См.: Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 3–4 и др.

тельное, миграционное, военно-уголовное и иные отрасли права¹. Правоведы в своих изысканиях не могут прийти к единодушному мнению в вопросе природы, места и роли обозначенных правовых образований в системе российского права. В юридической литературе их рассматривают не только в качестве отраслей права, но и комплексных правовых институтов, подотраслей права, отраслей законодательства и т.п. Все это усугубляется отсутствием четких воззрений в общей теории права по вопросу соотношения системы права и системы законодательства.

¹ См., например: *Алексеев С.В.* Источники и система олимпийского права // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 4. С. 3–10; *Алытова А.В.* Место корпоративного права в системе российского права // Хозяйство, право и наука: сборник научных трудов. Иркутск, 2011. Вып. 5. С. 158–168; *Барышев М.А.* Место инвестиционного права в системе российского права и законодательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 2 (72). С. 154–158; *Батрова Т.А.* Спорные вопросы предмета и системы торгового права // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 27–30; *Белых В.С.* Понятие банковского права и его место в системе права России // Государство и право. 2011. № 4. С. 5–13; *Бережная Е.А.* К вопросу о системе бюджетного права // Финансовое право. 2011. № 6. С. 9–13; *Бринчук М.М.* Особое место и особая роль экологического права в правовой системе России // Экологическое право. 2010. № 5. С. 2–11; *Бунина С.Г.* Потребительское право в системе современного российского права // Современное право. 2007. № 9. С. 2–5; *Васильева И.Н.* К вопросу о нормах, правоотношениях, предмете и системе ювенального права России // Кулагинские чтения. VIII Всероссийская научно-практическая конференция. Ч. III. Чита, 2008. С. 107–111; *Гарбар А.В.* Страхование и страховое железнодорожное право как элементы правовой системы России // Российское законодательство на рубеже веков: традиции и перспективы развития: сборник научных трудов. Хабаровск, 2007. С. 43–50; *Даадаев С.Г., Котов В.В., Чадин М.В.* Бухгалтерское право как инновационный элемент российской системы права // Государство и право. 2008. № 10. С. 89–92; *Ефимцева Т.В.* Место инновационного права в системе российского права // Предпринимательское право. Приложение к журналу. 2010. Вып. 3. С. 51–54; *Клюкин Б.Д.* Горное право и его место в системе российского права // Проблемы совершенствования методики преподавания эколого-правовых и аграрно-правовых учебных дисциплин в юридических вузах России.: материалы Всероссийского научно-методологического семинара. М., 2007. С. 83–97; *Комарова И.А.* Место конституционно-процессуального права в российской системе права // Право и практика. 2010. № 7. С. 94–99; *Никовский А.А.* Основные факторы формирования комплексных образований в современной системе права // Право и образование. 2007. № 8. С. 139–145; *Петюкова О.Н.* Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 146–147; *Русакова Е.М.* Образовательное право в системе российского права // Юридическое образование и наука. 2010. № 3. С. 22–25; *Стрельникова И.А.* Понятие и место транспортного права в системе права России. М., 2009; *Хабриева Т.Я.* Миграционное право в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 10. С. 22–26; *Шарапов С.Н.* Военно-уголовное право в системе отечественного права // Право в вооруженных силах. 2007. № 6. С. 113–121 и др.

В погоне за открытием все новых и новых структурных составляющих в праве упускаются из виду вопросы пределов подобной дифференциации правового материала, обратного процесса по его интеграции и унификации, более крупных объединений, иных форм системной трансформации права. При этом происходит подмена понятия «комплексный институт системы законодательства» категорией «отрасли права». При всей сложности рассматриваемой проблемы следует согласиться с мнением С.В. Полениной, высказанным почти полвека назад, не потерявшим своей актуальности и не утратившим точности отражения существа дела: «... Совокупность «пограничных» межотраслевых комплексных институтов только тогда и постольку может квалифицироваться как самостоятельная отрасль права, когда и поскольку она приобретает качественно новые свойства и, следовательно, утрачивает признак комплексности»¹.

Еще на один важный нюанс указывает Н.А. Власенко, обращаясь к вопросу о системном строении права и его отражении на номенклатуре научных специальностей юриспруденции: «Безусловно, ни одна система, в том числе такая живая, как право, не может функционировать в идеальном состоянии. Этому, как подсказывает системный подход, противостоят так называемые «возмущения», как внутренние, так и внешние. Результатом этого является бурное образование, где-то хаотичное появление новых отраслей права, дифференциация уже сложившихся (гражданское право, финансовое право, конституционное право и др.). В последние годы это хорошо было видно в процессе обновления Номенклатуры специальностей в юриспруденции. Комиссией ВАК РФ было принято решение опубликовать все материалы дис-

¹ Поленина С.В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71.

куссий по этому непростому вопросу. Эти дебаты ярко отразили уровень динамики системы права»¹.

Все чаще в науке и практике ставится вопрос о пределах количественного роста нормативно-правовой материи, а также ее дифференциации по различным направлениям, сферам и уровням правового регулирования. В настоящее время актуализируется проблема установления оптимального числа кодифицированных актов в России и отраслей законодательства², нахождения баланса в реализации двух важнейших тенденций развития права — интеграции и дифференциации.

В юридической литературе высказываются порой прямо противоположные суждения по поводу необходимости осуществления дальнейшей дифференциации предписаний, институтов и отраслей в системе российского права. Отдельные авторы выступают с критикой, по их мнению, излишней специализации нормативно-правовых актов, проводимой законодателем в течение последних 20 лет. В частности, неоправданным признается выделение в качестве кодексов: Семейного, Трудового, Жилищного, Лесного, Земельного, Градостроительного и некоторых других³. Указанные акты не следует считать кодифицированными, так как они содержат нормы права разной отраслевой принадлежности, поэтому их следовало бы именовать не кодексами, а обычными федеральными законами: о семье, о земле, о градостроительстве и т.д. Как результат, предлагается свести число кодексов к минимуму в сфере частного права, оставив лишь один — Гражданский кодекс РФ.

Согласно данной точке зрения дифференциация частного права должна проявляться, прежде всего, в рамках единого кодекса. Лишь в виде исключения В.Ф. Попондопуло допускает дробление частного права, которое может

¹ Власенко Н.А., Мацкевич И.М. Модернизация специальностей в юриспруденции / отв. ред. Н.И. Аристер. М., 2012; *Их же*. Паспорт специальностей научных работников по юриспруденции. М., 2016.

² См.: Щелокаева Т.А. Сколько кодексов нужно России? // Правоведение. 2009. № 4. С. 102–108.

³ См.: Попондопуло В.Ф. Указ. раб. С. 26–37.

отражаться в обычных законах, регулирующих ту или иную сферу частной жизни общества, при условии допущения субсидиарного применения норм Гражданского кодекса к отношениям, регулируемым этими законами. Разделение же норм частного права между несколькими кодексами (Гражданским, Торговым, Трудовым, Семейным и т.д.) автор считает архаичным подходом, характерным для стран с плюралистической системой частного права (например, Германии и Франции) и непродуктивным в современных условиях¹.

С таким подходом к дифференциации частного права и его специализации в законодательстве сложно согласиться. Напротив, архаичным следует признать монистический подход к строению частного права. Весь ход исторического развития системы права подтверждает усиливающуюся тенденцию дифференциации частноправового регулирования, включая постепенное отделение норм трудового, семейного права от отрасли гражданского права и т.д. Возвращение к более простой структуре системы права, на наш взгляд, само является неким поворотом к прошлому, что явно не отвечает современным потребностям развития экономики, политики и иных сфер общественной жизни.

Другой вопрос — где пределы дифференциации частного права, за которыми должна последовать интеграция правовой материи, но не в примитивном виде простого объединения, а в более сложной форме и необходимого уровня разнообразия правового регулирования социальных связей? В самом общем виде пределы дифференциации устанавливаются обратной тенденцией — интеграцией права. Диалектика же указанных процессов не означает поглощения одного другим, сведения лишь к одной из этих противоположностей.

Представляется, что правы все же те исследователи, которые, отмечая увеличение интенсивности процессов дифференциации в различных частях

¹ См.: Попондопуло В.Ф. Указ. раб. С. 32–33.

системы российского права, признают его закономерным, естественно-необходимым в современных условиях. Л.Л. Кругликов вполне обоснованно критикует позицию авторов, согласно которой уголовное право достигло максимальных пределов дифференциации в области уголовной ответственности еще в 1996 г., и подчеркивает непрерывность данного процесса. «Так, если в УК 1960 года дифференциация затронула около половины статей, в УК 1996 года в первоначальной редакции — около двух третей, то ныне — уже почти три четверти. Это свидетельствует о продолжающемся процессе углубления дифференциации ответственности и наказания в сфере, якобы еще в 1996 году достигшей максимума возможного»¹.

Обратимся и к проблеме современного понимания категорий «система права» и «структура права», что является, на наш взгляд, необходимым первоначальным этапом в теоретическом исследовании места и роли материальной и процессуальной составляющих в общей структуре российского права.

В последние годы значимость общей теоретико-правовой разработки системы права также признается многими учеными-юристами. Об этом свидетельствует огромное количество публикаций, посвященных различным аспектам указанной проблематики. Только за последнее десятилетие были проведены два значимых всероссийских научных мероприятия, специально посвященных обсуждению современной трактовки проблемных вопросов познания системы права². Однако, как справедливо отмечается в специальной литературе, многие вопросы остаются до конца не исследованными. Большинство авторов сосредоточивают свое внимание на рассмотрении либо ме-

¹ Кругликов Л.Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. Ежегодник. 2011. № 5. Вторые Бабаевские чтения «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника». С. 277.

² См.: Мозолин В.П. Система российского права (тезисы докладов на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. в Московской государственной юридической академии) // Государство и право. 2003. № 1. С. 107–113; Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник научных статей. Материалы V ежегодной Международной научной конференции, 19–22 апреля 2010 г. / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М., 2011.

тодологии, либо истории изучения системного строения российского права, либо на отдельных аспектах этой проблемы¹. При всей значимости данных исследований приходится констатировать, что комплексной общепризнанной теории системы российского права по настоящий момент юриспруденцией не создано.

Соотношение понятий «структура» и «система» в процессе познания права рассматривалось и продолжает раскрываться в целом ряде работ российских правоведов. При этом можно наблюдать диаметрально противоположные позиции ученых по данной проблеме. В частности, в литературе высказана точка зрения о фактическом тождестве указанных понятийных конструкций, что позволяет отказаться от одной из них. Подобное видение вопроса во многом обусловлено устоявшейся в учебной юридической литературе трактовке системы права как ее внутреннего строения и приводит отдельных авторов к выводу о возможности отказа от категории «система права» в пользу понятия «структура права»². Однако согласимся с мнением Д.Е. Петрова о неточности и методологической ошибочности такой позиции. В общей теории систем разграничение рассматриваемых категорий выступает обязательным требованием теоретического моделирования сложных явлений и процессов. При этом если понятие «структура» призвано отразить преимущественно внутреннюю организацию системы, то категория «система» охватывает внутреннюю организацию, многообразие ее элементного состава, а также системообразующие и иные связи и отношения отражаемого феномена. В связи с этим Д.Е. Петров совершенно верно отмечает, что познание системы права с необходимостью предполагает раскрытие его структуры, а системный подход включает в себя в качестве составной части структурный,

¹ См., например: *Азми Д.М.* Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

² Подробнее об этом см.: *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 17–18 и др.

и именно поэтому зачастую так и называется системно-структурным¹. Автор соглашается с мнением В.И. Червонюка о том, что структура права, как и система права, относится к базовым, фундаментальным понятиям правоведения, а замена одного из них другим является недопустимым².

Кроме того, критической оценке необходимо подвергнуть утверждения тех исследователей, которые полагают, что категория структура поглощает собой понятие системы в оценке права³. Подобная терминологическая путаница не добавляет ясности в понимании сложного строения права и его системных связей.

Представляется наиболее проработанной по рассматриваемому вопросу позиция Д.Е. Петрова и Д.А. Керимова, согласно которой структуру не следует трактовать в качестве связи, взаимоотношения элементов, ибо это приводит к нивелированию различий между понятиями «структура» и «система права»⁴. Недопустимо отождествление совокупности элементов с целым сложным феноменом, который в рамках системного подхода включает и системные связи, и функциональные отношения.

Наиболее полное исследование системы права возможно осуществить с опорой на следующие методологические установки:

право надлежит рассматривать как целостную систему, что предполагает ее содержательную и структурную обособленность от внешней среды;

право характеризуется наличием особой специфической структуры, не сводимой к простому перечислению составляющих ее элементов и подсистем;

¹ См.: *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 72.

² *Червонюк В.И.* Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск первый: Категория системы права в общей юриспруденции // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 18.

³ См.: *Кашанина Т.В.* Структура права. М., 2012. С. 156 и др.

⁴ См.: *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 190–199.

система права носит объективный характер, хотя и находит преимущественное формальное выражение в сконструированной законодателем системе нормативных правовых актов;

структура права не исчерпывается делением его на нормы, институты, подотрасли и отрасли, что требует учета и функциональных аспектов его строения в виде градации на материальное и процессуальное, регулятивное и охранительное, частное и публичное;

целостность системы права определяется наличием связей координации, субординации, генетических и управленческих между ее элементами и подсистемами¹;

все многообразие системных связей права должно выражаться в теоретической модели его структуры;

структурное построение права предполагает выделение двух уровней: по горизонтали и по вертикали;

структура права с необходимостью включает в себя диалектическое единство его предметной и функциональной организации, что делает недопустимым превалирование одной из них;

система права является незавершенной и не самоорганизующейся по причине необходимости человеческой деятельности для ее формирования и реализации на практике (самоорганизующейся можно признать лишь правовую систему общества в целом);

теоретическая модель системы права строится на обязательном учете общих закономерностей возникновения, функционирования и развития как системы в целом, так и ее отдельных подсистем, элементов;

отдельные подсистемы и элементы системы права имеют собственную специфическую структуру, которая диалектически подлежит включению в общее структурное построение права;

¹ Подробнее о системных связях права см.: *Черданцев А.Ф.* Системность норм права // Толкование права и договора: учебное пособие для вузов. М., 2003. С. 31–48.

структура и содержание системы права детерминированы как внешними, так и внутренними условиями ее формирования и функционирования;

важнейшими свойствами, объясняющими динамику системы права, являются ее интегративность и дифференцированность.

Таким образом, с учетом изложенных отправных посылок под структурой права в данной работе нами будет пониматься его внутреннее строение, закономерные связи элементов, подсистем и блоков, их взаимное расположение, обеспечивающее его органическую целостность.

Обращаясь к макроуровню построения системы российского права, в общем виде поддержим необходимость выделения следующих составляющих:

1. Подразделение всех отраслей права на интегрирующие и предметные. К первым следует отнести международное и конституционное право. Вторую группу составляют все остальные отрасли, корреспондирующие первым.

2. Градация отраслей права на фундаментальные (отправные) и специализированные (производные).

3. Материальное и процессуальное право как важнейший уровень предметно-функциональной дифференциации в системе права.

4. Позитивно-регулятивное и охранительное право как проявление функционального разделения «труда» в структуре российского права.

5. Публичное и частное право — один из макроуровней системы права, обусловленный внешней средой и преимущественно предметной дифференциацией.

Материальное и процессуальное право в самом общем виде представляется необходимым трактовать в рамках общей структуры российского права в качестве крупных подсистем, объединяющих правовые нормы, институты, отрасли. Следует поддержать точку зрения Е.Г. Лукьяновой, выделяющей материальные и процессуальные составляющие права в виде правовых блоков, «предметы правового регулирования которых составляют комплексы

общественных отношений, объединяемые близостью своих объективных свойств, и в основу системообразования которых положены такие признаки, как функциональная направленность, задачи, цели правового регулирования и некоторые юридические особенности»¹.

При этом еще в советской юридической литературе наличествовала обоснованная позиция о месте и роли подобного среза в строении системы права, его актуальности и неразработанности в теории. На тот период в системе права выделялось всего лишь две процессуальные отрасли — уголовная и гражданская.

Процессуальными считались исключительно те нормативные предписания, которые охватывались указанными отраслями. О трактовке материальной отрасли права не было и речи, равно как и о правоотношениях, и т.д. «Гражданское право само по себе никто не называет «материальным», не называют «материальным» само по себе колхозное, трудовое, земельное и другие отрасли права. Такого наименования нет ни в одном из существующих изложений системы нашего права, нет его и в заглавиях учебников по соответствующим отраслям права, и в законодательных актах. Необходимость в дополнительном эпитете «материальное» появляется только при обращении к процессу»².

Действительно, следует согласиться с Е.Г. Лукьяновой в том, что в теории права по настоящий момент отсутствуют четкие общеправовые признаки материального и процессуального права.

«Материальное право, — по мнению авторов юридического энциклопедического словаря, — это юридическое понятие, обозначающее правовые нормы, с помощью которых государство осуществляет воздействие на общественные отношения путем прямого, непосредственного правового регули-

¹ Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 58.

² Шакарян М.С., Сергун А.К. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Труды Всесоюзного заочного юридического института. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 64.

рования. Нормы материального права закрепляют формы собственности, юридическое положение имущества и лиц, определяют порядок образования и структуру государственных органов, устанавливают статус граждан, основания и пределы ответственности за правонарушения и т.д. Объектом материального права выступают, таким образом, хозяйственные, имущественные, трудовые, семейные и иные отношения. Фактическое (материальное) содержание данных отношений составляет объективную основу, применительно к которой нормы материального права определяют взаимные права и обязанности их участников»¹.

В качестве основных тенденций развития системы современного российского права можно выделить следующие:

интенсификация процессов отраслевой и межотраслевой дифференциации нормативно-правового материала;

расширение сфер общественной жизни, подпадающих под регулирование системы права;

усложнение общей структуры права и ее отдельных составных частей, а также увеличение числа предметных и функциональных связей в ней;

дальнейшее формирование новых отраслей процессуального права, их обособление от материально-правовой части права — административно-процессуального права и конституционно-процессуального права;

усиление интегрирующего влияния федерального компонента системы права на региональную ее составляющую;

возрастание значения судебной практики на процесс совершенствования системы российского права;

увеличение числа коллизий между системой российского права и международным правом.

¹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С. 167.

В числе наиболее значимых, актуальных и перспективных задач в деле дальнейшего формирования общетеоретической модели системы права следует назвать следующие:

определение понятия, юридической природы и специфики структурного строения материального права;

дальнейшее обоснование необходимости «узкого» понимания процессуального права;

четкое разделение материально-регулятивных процедурных норм и норм процессуальных отраслей права;

раскрытие наиболее общих закономерностей соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права;

отражение критериев дифференциации процессуального права на отдельные отрасли и обоснование необходимых условий для формирования новой отрасли процессуального права;

устранение противоречий в понимании проблемы соотношения системы права и системы законодательства;

дополнение и уточнение критериев отраслевого деления системы права;

рассмотрение технико-юридических правил и средств обеспечения надлежащего уровня унификации понятий и предписаний материального и процессуального права;

изучение новейших ассоциаций и общностей правовых норм в структуре материального и процессуального права;

исследование противоречий между материальным и процессуальным правом и определение основополагающих средств для их разрешения и др.

Существующие в отечественном правоведении теоретические знания о структурном строении системы права, их противоречивость, сложность определения соответствующего элементного состава, а главное, неясность вопроса о самой структуре современного российского права в целом

свидетельствуют не только о необходимости переосмысления существующих в обозначенной области научных положений, но и предполагает разработку новых гипотез и концепций, ориентированных на сочетание преемственности и новаций в дальнейшем развитии общей теории системы права.

Учение о системе и структуре российского права не должно ограничиваться вопросами отраслевой дифференциации. Классическая схема строения права в виде «норма — институт — отрасль права» требует дальнейшего развития и дополнения знаниями о структурно-функциональном делении права на материальное и процессуальное, частное и публичное, регулятивное и охранительное. Представляется, что упомянутые срезы в структуре права имеют немаловажное значение для понимания его системной организации, сущности и социального назначения наряду с отраслевым строением. При этом указание на материальное и процессуальное должно найти отражение как в понятии структуры права, так и в определении категории «система права». Выделение материальной и процессуальной подсистем в структуре российского права органично дополняет знания о предметных связях в рамках отраслевой концепции построения права теоретическими сведениями о его функциональных связях в аспекте крупных правовых блоков нормативно-правовой материи, что составляет одно из наиболее перспективных направлений дальнейшего развития общего учения о системе и структуре права.

ГЛАВА II. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ПРЕДМЕТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Решение основных вопросов заявленной темы о природе, соотношении и диалектике взаимодействия материального и процессуального права требует предварительного обращения к проблеме предмета правового регулирования. Последний выступает важнейшим критерием деления права не только на отрасли, но и на крупные правовые блоки, к числу которых относятся материальное и процессуальное право. Понимание предмета правового регулирования требует уточнения исходных положений, напрямую затрагивающих суть дифференциации права на материальную и процессуальную составляющие.

Проблема предмета правового регулирования не достаточно раскрыта в науке общей теории права. Ее анализ сопряжен исключительно с продолжающейся уже не один десяток лет дискуссией о системном строении права. Однако детального рассмотрения данная категория фактически не получила до настоящего времени, за исключением двух диссертационных работ общетеоретического характера¹. Представляется, что учение о предмете правового регулирования находится лишь на начальном этапе своего развития и преимущественно затрагивает один из аспектов системного построения права — отраслевой. Другие же срезы и уровни дифференциации права в увязке с рассматриваемой категорией упоминаются эпизодически и в ходе раскрытия проблемы самого правового регулирования либо выделения той или иной отрасли права.

Специфика же предметов правового регулирования материального права в его соотношении с процессуальным и вовсе не раскрывается в ком-

¹ См.: Лукашев М.А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007; Долгополова М.В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.

плексном виде на уровне общей теории права. Обращая внимание на этот аспект проблемы, М.А. Лукашев замечает, что «вопрос о предмете правового регулирования в научной и учебной юридической литературе справедливо признается информационно недостаточным; научную теоретическую разработку этого вопроса на данном этапе развития юридической науки нельзя считать состоявшейся и завершённой, в современных учебниках, за редким исключением, не существует параграфов, посвящённых этому феномену. Даже в процессе проведения трех известных дискуссий XX века, посвященных системе права, предмет правового регулирования не был обозначен как самостоятельная категория права. В отраслевых юридических науках предмету правового регулирования также не уделяется должного внимания, хотя общим проблемам правового регулирования посвящено немало работ»¹.

По укоренившейся в юридической литературе точке зрения предмет правового регулирования выступает наряду с методом системообразующим критерием деления права на отрасли. Под предметом правового регулирования предлагается понимать то, что подлежит регулированию правом, а именно определенные виды общественных отношений. При этом структуру предмета правового регулирования составляют такие элементы, как: субъекты, участники — индивидуальные и коллективные; само поведение субъектов, выраженное в форме действий или бездействий; объекты, на которые направлены действия субъектов отношений (различного рода вещи, услуги, работы и т.д.); фактические обстоятельства, вызывающие возникновение, изменение или прекращение подобных отношений².

В самом общем виде безотносительно отраслевого деления права понятие «предмет правового регулирования» призвано очерчивать границы специально-юридического воздействия на общественные отношения. Другими

¹ Лукашев М.А. Указ. раб. С. 3.

² См.: Матузов Н.И. Предмет и метод правового регулирования как основания деления права на отрасли и институты // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1999. С. 353.

словами, предмет выступает понятием, вмещающим в свой объем все то, что в социальной жизни подпадает под регулирование правом. Наряду с этим понятие «предмет правового регулирования» применяется и в отношении отдельной отрасли права, что предполагает выделение у последней собственной сферы однородных общественных отношений, подпадающих под ее специально-юридическое воздействие. Подобная сфера общественных отношений носит родовой характер для отдельно взятой отрасли права и далее дифференцируется уже на отдельные подвиды, что и позволяет в теории и на практике выделять отраслевые институты¹.

Многие авторы позиционируют именно предмет правового регулирования в качестве основного материального критерия выделения отраслей права, отмечая его объективное содержание, независимость от воли законодателя. Общественные отношения, включаемые в предмет правового регулирования, характеризуются наличием следующих признаков:

отличаются определенной степенью устойчивости и повторяемости;

отражают взаимодействие нескольких субъектов по поводу согласования определенных значимых интересов;

поддаются внешнему контролю за ходом их реализации со стороны государства и общества;

объективно требуют правовой регламентации в силу их особой значимости для удовлетворения интересов и потребностей личности, общества и государства².

Следует поддержать позицию о доминировании предмета правового регулирования в построении отраслевой структуры системы российского

¹ См.: *Вопленко Н.Н.* Принципы построения системы права // Очерки общей теории права. Волгоград, 2009. С. 365.

² См., например: *Гойман В.И.* Традиционный подход к построению системы права (предмет и метод правового регулирования как основания построения системы права) // Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 238; *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов, 2011. С. 312.

права, который фактически диктует необходимость выделения конкретной отрасли, детерминируя одновременно использование определенного набора методов правового регулирования. Последний зависит в некоторой степени и от воли законодателя, что позволяет исследователям говорить о некоторой субъективности метода в отличие от предмета правового регулирования. Вместе с тем Н.И. Матузов справедливо отмечает, что оба указанных критерия играют важную роль в построении системы российского права, одновременно тесно взаимодействуя друг с другом¹.

В целях полноты и объективности рассмотрения данного вопроса необходимо упомянуть и о трактовке предмета правового регулирования как поведения участников общественных отношений. Согласно приведенной позиции предмет правового регулирования скрыт в первую очередь в самой специфике поведения или деятельности людей. Именно последние и поддаются правовому регулированию в качестве явлений объективного мира².

Сторонники этой точки зрения акцентируют внимание на том обстоятельстве, что в рамках отдельных статей нормативно-правовых актов дается указание не на регулирование общественных отношений, а на регламентацию отдельных действий сторон правоотношения³. Так, например, п. 1 ст. 810 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что заемщик обязан совершить действия по возврату займодавцу полученной суммы в сроки и в порядке, которые установлены договором займа. В соответствии с пп. 1 и 8 ст. 32 Налогового кодекса РФ налоговые органы обязаны соблюдать налоговую тайну и обеспечивать ее сохранение посредством воздержания от совершения определенных действий. Другой пример содержится в п. 3 ст. 511 Гражданского кодекса РФ, согласно которому покупатель вправе, уведомив поставщика,

¹ См.: Матузов Н.И. Указ. раб. С. 354.

² См.: Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 115–118; Ребане И.А. О построении системы отраслей советского права // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 102–103 и др.

³ См.: Гуреев В.И. Предмет правового регулирования: теория и практика // Юридический мир. 2013. № 7 (199). С. 47.

совершить действия в виде отказа от принятия товара при просрочке поставки, если в договоре поставки не предусмотрено иное. Подобный характер изложения норм права в статьях нормативных правовых актов не имеет смысла отрицать. Однако этот факт не противоречит трактовке предмета правового регулирования в качестве общественных отношений. Именно фактические взаимно направленные действия субъектов и составляют материальное содержание общественного отношения.

Думается, что отсутствует какое-либо противоречие в позициях исследователей, понимающих под предметом правового регулирования общественные отношения и поведение субъектов. По сути речь идет об одном и том же. Кроме того, действующее законодательство, напротив, подтверждает органическое вхождение действий (бездействий) в структуру и содержание регулируемых правом социальных отношений. Так, в ч. 3 пп. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ предусматривается, что гражданское законодательство регулирует именно отношения между субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и иными лицами. В пп. 3 ст. 3 того же законодательного акта закрепляется, что отношения, указанные в пп. 1 и 2 ст. 2 настоящего Кодекса, могут регулироваться также и указами Президента Российской Федерации. Другим примером выступает ч. 1 ст. 2 Налогового кодекса РФ, согласно которой указанное законодательство о налогах и сборах регулирует опять-таки властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов и сборов, а также общественные отношения, возникающие в ходе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, их должностных лиц и отношения по привлечению к ответственности нарушителей налогового законодательства.

Статья 1 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (в ред. от 29 июля 2017 г.) имеет название «Предмет правового регулирования и цель настоящего Федерального закона». Согласно данной статье Закон регу-

лирует общественные отношения, связанные с формированием, особенностями инвестирования и использования инструментов, предназначенных для жилищного обеспечения военнослужащих, а также для иных целей¹. Статья 2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.) также уже в названии определяется как «Предмет регулирования настоящего Федерального закона». В соответствии с предписанием, содержащимся в указанной статье, предмет регулирования настоящего Закона составляют общественные отношения, сопряженные с поступлением на государственную гражданскую службу Российской Федерации, ее прохождением, прекращением, а также с установлением правового статуса федерального государственного гражданского служащего или государственного гражданского служащего субъекта РФ².

Приведенные примеры не следует расценивать в качестве некоего расхождения в российском законодательстве относительно предмета правового регулирования, как это пытаются представить сторонники трактовки его в качестве поведения субъектов³. В общих нормативных предписаниях законодательства определяется именно предмет правового регулирования той или иной отрасли права в виде определенной совокупности однородных общественных отношений, а в статьях, регламентирующих конкретные виды и само содержание отдельных отношений, упор справедливо и оправданно делается уже на конкретные действия или бездействия субъектов. В данном случае приходится констатировать отсутствие противоречия как в самом законодательстве, практике правового регулирования, так и в теории права. Согласимся с позицией С.Н. Братуся, И.В. Павлова, И.С. Самощенко и других исследователей, которые обратили в свое время внимание на столь важное

¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3532; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4816.

² См.: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2018. № 1 (ч. I). Ст. 7.

³ См.: Гуреев В.И. Указ. раб. С. 47–48.

обстоятельство, свидетельствующее о том, что именно через специально-юридическое воздействие на поведение субъектов право и осуществляет регулирование общественных отношений, направляя их движение. Из отдельных поступков и складываются индивидуальные конкретные социальные отношения, а их совокупность образует предмет правового регулирования, который есть не что иное, как объективный результат целого ряда поведенческих актов¹.

Изложенную позицию отстаивает и развивает Д.Е. Петров, вполне точно указывая на следующий момент: «Право воздействует на волю и сознание людей, регулируя их поведение. Но право регулирует не всякое поведение, а лишь то, которое затрагивает интересы других субъектов, то есть поведение в общественных отношениях... Таким образом, общественное отношение — это взаимосвязь поведения субъектов, обусловленная пересечением их интересов; зависимость поведения одного от деяний другого, взаимозависимость деятельности субъектов»².

В ходе анализа предмета правового регулирования как совокупности общественных отношений также надлежит учитывать две составляющие в содержании последних — объективную и субъективную. Объективную сторону общественного отношения выражают сами действия (бездействия) его участников, что, в свою очередь, фиксируется в сознании людей, но самое главное для правового регулирования отражается в соответствующих документах — правоприменительных актах, договорах и т.д. Субъективная же сторона общественного отношения представлена мотивами поведения, которые обусловлены интересами и потребностями его участников. Единство объективной и субъективной составляющих и образует искомое содержание

¹ См.: *Братусь С.Н.* Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. 1979. № 11. С. 26; *Павлов И.В.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 8–9; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1962. С. 243–245 и др.

² *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004. С. 101.

общественных отношений¹, что позволяет некоторым образом уточнить ранее обозначенную общую структуру предмета правового регулирования.

Требует дополнительного рассмотрения и вопрос о целесообразности включения в структуру предмета правового регулирования социального факта, в частности, такой его разновидности, как юридический факт. Так, Д.Е. Петров со ссылкой на рассуждения Р.О. Халфиной и В.Б. Исакова отстаивает утверждение о неправомерности включения фактов в предмет правового регулирования. Соглашаясь с мыслью о едином источнике предмета правового регулирования и юридических фактов в виде социальной действительности, автор отмечает, что определенная группа фактов (события, не зависящие от воли и сознания людей) вовсе не может быть урегулирована посредством правового воздействия. Деяния же могут быть урегулированы правом лишь в случае их включения в содержательную связку с деяниями другой стороны в рамках общественного отношения, что и составляет предмет правового регулирования. С учетом изложенного согласимся с позицией, в соответствии с которой юридический факт выступает в качестве связующего элемента между нормой права и общественным отношением как предметом правового регулирования².

Однако наибольший интерес в рамках настоящего исследования вызывает идея Д.Е. Петрова о градации предмета правового регулирования на общий, родовой, видовой и непосредственный (или конкретно-единичный), что позволяет в перспективе ставить вопрос о специфике предметов регулирования материального и процессуального права. Под общим предметом предлагается понимать всю совокупность общественных отношений, подпадающих под действие права, что, в свою очередь, позволяет отождествлять его с объектом правового регулирования в целом. В качестве родowego, видowego и

¹ См.: *Петров Д.Е.* Отрасль права /под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004. С. 103.

² См.: *Петров Д.Е.* Отрасль права /под ред. М.И. Байтина. С. 105; *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 287.

непосредственных предметов правового регулирования, по версии автора, выступают соответственно социальные отношения, регламентируемые отраслью, институтом и отдельной нормой права¹. Подобное видение проблемы поддерживают и другие исследователи. В частности, Д.М. Азми указывает на продуктивность рассматриваемой точки зрения для более полного, детального уяснения структурной сложности современной системы российского права².

В итоге отдельно взятая отрасль права осуществляет регулирование определенного круга, сферы общественных отношений как некоей части общего предмета (объекта) правового регулирования. В рамках же отрасли права относительно обособленные ее институты имеют своим специфическим предметом регулирования уже вид общественных отношений в границах соответствующей сферы. Норма права упорядочивает конкретную группу типовых, повторяющихся общественных отношений. Таким образом, дифференциация самого предмета правового регулирования предопределяет, детерминирует соответствующий процесс деления системы права на подсистемы и элементы. При этом анализируемая градация видов предмета правового регулирования может быть дополнена определенным промежуточным звеном, что обусловлено объективным делением права на материальное и процессуальное. Последнее обстоятельство оправдывает постановку проблемы о выделении наряду с общим и родовым предметом правового регулирования еще и межотраслевого предмета, присущего крупным правовым блокам системы права, объединяющим внутри себя целый ряд ее отраслей. Думается, что дихотомия права на материальное и процессуальное объективно обусловлена спецификой их предметов правового регулирования.

¹ Подробнее об этом см.: *Петров Д.Е.* Отрасль права /под ред. М.И. Байтина. С. 106; *Его же.* Отрасль права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 18–19; *Его же.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права /под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2015. С. 208.

² См.: *Азми Д.М.* Правовая структуризация и систематика. М., 2010. С. 200; *Ее же.* Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М., 2014. С. 291.

Различие в регулируемых общественных отношениях материальным и процессуальным правом является важным моментом в понимании их природы и сути предметной и функциональной дифференциации в системе права. Именно предмет правового регулирования предстает в качестве отправной точки понимания деления нормативных правовых предписаний на материальные и процессуальные, что выступает по отношению к системе права внешней детерминантой ее дифференциации. Предмет правового регулирования, взятый в единстве его структурных составляющих (субъекты, объекты общественных отношений и их объективное и субъективное содержание), выступает необходимым объективным критерием обнаружения не только отраслей, институтов и норм в праве, но и его более крупных подсистем. При этом следует подвергнуть критике позиции тех авторов, которые преувеличивают значение одного из компонентов предмета правового регулирования и в этом видят новацию в изучении процессов дифференциации права. Например, В.И. Иванов во главу угла ставит некую общую отраслевую цель, которая и определяет, по его мнению, характер общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования данной отрасли права, и не зависит при этом от других компонентов взаимодействия¹. В результате подобного теоретического шага допускается преувеличение субъективной стороны предмета правового регулирования, к которой и относится цель как элемент сознательной деятельности людей. Одно лишь целеполагание не в состоянии объяснить многоуровневое строение системы российского права.

Наряду с вышеуказанными моментами в юридической литературе также заостряется внимание и на вопросе о том, какие общественные отношения составляют предмет правового регулирования — фактические, юридические или иные? М.Ф. Казанцев предлагает проводить четкую грань между фактическими общественными отношениями и отношениями долженствования. К

¹ См.: *Иванов В.И.* Исследование предмета правового регулирования системным методом // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 324. С. 223–225.

числу последних исследователь причисляет правовые, моральные отношения. Он пишет: «Одновременное существование между субъектами связанных между собой правовых, иных должностующих отношений и фактических общественных отношений не должно приводить к смешению правовых и фактических отношений»¹. Далее М.Ф. Казанцев справедливо указывает на определенную условность подобной градации социальных отношений, ибо правовое отношение также является фактом реальной действительности и уже в силу этого вполне может именоваться фактическим. Несмотря на это, автор предлагает следующую схему процесса правового регулирования: «норма права — правовое отношение (в виде взаимных прав и обязанностей) — поведение субъектов — фактическое общественное отношение». Подобная позиция имеет право на существование. В целях же настоящего исследования представляет больший интерес идея о том, что материально-правовые отношения в случаях их конфликтной реализации требуют дополнительного правового регулирования со стороны процессуальных правоотношений, что делает процесс достижения итогового результата более длительным и сложным. В таких случаях возможно описание ситуации посредством следующей схемы: «материальная норма права — материально-правовое отношение, реализующееся с нарушениями и препятствиями — нормы процессуального права — процессуальные правоотношения по устранению нарушений и препятствий в содержании материально-правового отношения — фактическая реализация материальной нормы в виде итогового общественного отношения».

Уже в этом аспекте мы отчетливо можем наблюдать существенное различие в предметах правового регулирования материального и процессуального права. Процессуальное право не имеет своим непосредственным пред-

¹ Казанцев М.Ф. Общетеоретические проблемы учения о предмете правового регулирования // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 420–447.

метом регулирования фактически экономические, политические, социально-культурные и иные общественные отношения. Последние есть предмет специально-юридического действия материального права. Непосредственным предметом воздействия со стороны процессуального права выступают материально-правовые отношения, но не вся их совокупность, а лишь те из них, которые требуют вмешательства в целях их защиты и охраны от различного рода нарушений или возникших иных препятствий в их реализации. Таким образом, в процессе правового регулирования наблюдается своеобразное удвоение воздействия права на общественные отношения посредством дополнительного возникновения надстроечных производных от материально-правовых процессуальных отношений.

Необходимо задаться вопросом: где же пролегает граница в предмете правового регулирования между материальным и процессуальным правом? На наш взгляд, на данный вопрос наиболее полный и точный ответ дает В.Н. Протасов. При этом ученый подчеркивает весьма важное обстоятельство в установлении предметного разделения материальной и процессуальной составляющей системы права: «И в самой большой степени материальные и процессуальные явления смыкаются друг с другом в сфере юридической процедуры, здесь они имеют самое большое число общих моментов, и здесь наиболее сложно провести между ними разграничительные линии. Поэтому на современном этапе решения проблемы разделение материального и процессуального как раз и является главной задачей установления соотношения между процедурой и процессом, отграничение последнего от иных разновидностей юридической процедуры»¹.

Речь идет о делении всех юридических процедур на два основных вида — материальные и процессуальные. Особняком от них стоит расположить процедуры в рамках правотворческой деятельности, которые не входят в круг наших интересов ввиду избранной темы исследования. Для материаль-

¹ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 33.

но-правовой процедуры в качестве предмета регулирования выступает материальное регулятивное правоотношение, в котором и реализуется позитивное правомерное поведение его участников. Для процессуальной процедуры характерно исключительно в качестве предмета регулирования наличие материального охранительного отношения. Таким образом, В.Н. Протасов оригинально и вполне обоснованно предлагает решить вопрос о разграничении норм материального права, устанавливающих процедуры позитивного регулирования общественных отношений, и норм процессуального права, направленных на реализацию охраны уже имеющихся материальных правоотношений или на защиту тех, чье возникновение сопряжено с определенными препятствиями, на основе еще одной дихотомии в структуре права в виде регулятивного и охранительного права.

Следует отметить, что структура правоотношения во многом схожа со структурой предмета правового регулирования. Следовательно, через специфику материальных и процессуальных правоотношений можно показать специфику содержания и структуры предметов правового регулирования материального и процессуального права.

Сущность градации права на материальное и процессуальное подметил также А.М. Васильев, позицию которого полностью разделил и поддержал В.Н. Протасов. Основным признаком материальности нормы права исследователи считали их тесную связь с тем слоем общественной структуры, генезис которого не связан напрямую с существованием и функционированием самого механизма правового регулирования или во всяком случае, как подчеркивали авторы, наименее зависим от него. Полагаем уместным воспроизвести дословно мнение А.М. Васильева по столь сложной проблеме: «При любой позиции в вопросе понимания процессуальной формы нельзя, однако, отрицать того, что определение роли правовых норм в механизме правового регулирования выявляет два основных типа нормативно-правовой регламентации. Первый обеспечивает непосредственную регламентацию существую-

щих отношений и непосредственно зависит от их реального содержания, жестко им детерминирован. Фактическое, независимое от законодателя содержание общественных отношений составляет ту объективную основу, применительно к которой формулируются нормами права субъективные права и юридические обязанности участников регулируемых отношений и через такую форму юридической связи оказывается государственное воздействие на ход их развития. Второй не столь тесно связан содержанием регулируемых отношений, и амплитуда законодательного усмотрения здесь большая, ибо речь идет о нормах как бы «второго» порядка, создаваемых в качестве гарантий осуществления первых и потому указывающих на способы их реализации, условия защиты установленных субъективных прав и юридических обязанностей. Как бы терминологически ни обозначать («регулятивные и охранительные», «материальные и процессуальные» и т. д.) факт этого явления, оно зафиксировано наукой и получает свое отражение в выводах теории государства и права»¹.

Материальное право содержит предписания, закрепляющие формы собственности, правовой статус субъектов, юридическое положение имущества, порядок образования и деятельности органов государственной власти; основания и меры юридической ответственности, способы защиты права и др. Предметом материальной подсистемы права выступают отношения регулятивного характера в сфере предпринимательской деятельности, в сфере труда, брачно-семейные отношения и иные. Нормы материального права преимущественно определяют в фактических (материальных) правоотношениях взаимные права и обязанности их участников.

Другими словами, материально-правовые предписания непосредственно направлены на регулирование наиболее значимых сфер общественной жизни, призваны формировать позитивное поведение участников обще-

¹ Васильев А.М. О правоприменении и процессуальном праве // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 7–8.

ственных отношений. Правоотношения, возникающие в ходе действия рассматриваемых норм, следует именовать материальными регулятивными правоотношениями. Данные материальные нормы и соответствующие им материальные правоотношения напрямую связаны с обладанием различными благами, их приобретением, отчуждением, использованием, с созданием и функционированием юридических лиц, но не сопряжены с процессом правовой защиты и правосудием. К числу материальных норм права также следует относить и охранительные предписания, призванные ограждать от нарушений материальные регулятивные нормы. Ярким примером охранительных материальных норм являются предписания уголовного права. Возникающие на основе действия последних правоотношения также будут охранительными по своему назначению и природе. Материальный характер уголовного права общепризнан в отечественной юридической литературе. Представляется обоснованным и целесообразным отнесение к содержанию материального права и процедурных норм регулятивного свойства, которые непосредственным образом обеспечивают порядок реализации первичных материальных норм права. Речь идет о процедурных материальных нормах избирательного права, процедурных предписаниях, регламентирующих порядок регистрации сделок с недвижимостью, порядок выделения земельных участков, порядок начисления пенсий и т.д.

Следует учитывать и тот факт, что процессуальные правовые феномены, в отличие от материально-правовых, полностью охватываются процедурно-правовой сферой. Процессуальные нормы исключительно увязаны с установлением последовательности реализации процедур по защите и охране материально-правовых предписаний от нарушений, а также с устранением препятствий осуществления материального права иного характера. Содержание же самого материального права не исчерпывается лишь регулятивно-процедурными предписаниями, а включает в себя также первичные регулятивные и охранительные нормы. Следовательно, разграничение материаль-

ного и процессуального права необходимо проводить и в процедурно-правовой сфере, четко отделяя материальные регулятивно-процедурные нормы от процессуальных норм, и в охранительной сфере, проводя разделительную линию между материальными охранительными нормами и предписаниями процессуального характера, направленными на установление порядка их реализации.

Различия между процессуальной нормой права и материальным регулятивно-процедурным предписанием обусловлены самой природой охранительных правоотношений. Последние выступают в качестве основных для юридического процесса и отличаются от регулятивных правоотношений фактической и юридической основой их возникновения, содержанием и целевой направленностью. Охранительные правоотношения в механизме действия права напрямую связаны с обязанностью государства по охране предписаний права от различного рода нарушений, что в итоге и приводит к обязательному участию властного субъекта в юридическом процессе. В этом плане процессуальное право носит производный характер и призвано обеспечить надлежащую реализацию регулятивных и охранительных предписаний материального права. Юридический процесс по своей сути имеет преимущественно охранительную направленность. Именно поэтому место и роль процессуальной составляющей в системе российского права предопределяются сущностью охранительных правоотношений, которая заключается в необходимости властно-принудительного вмешательства соответствующего органа государственной власти в ход правового регулирования в целях обеспечения беспрепятственной реализации материального права.

Помимо цели, существенное значение для понимания предметной специфики процессуального права и выраженных в нем процедур имеет способ связи с материальной областью правового регулирования, к которой они подключаются только в случае возникновения охранительных правоотношений. Таким образом, по предмету правового регулирования процессуальное

право отграничивается от материального права и одновременно диалектически увязывается с ним в единый механизм правового воздействия.

Необходимо учитывать и тот факт, что в отличие от материальных процессуальные явления полностью «размещаются» в процедурно-правовой сфере. Это означает, что процессуальными можно назвать только процедурные явления; материальные же не сводятся к процедурным образованиям, а включают в себя, помимо процедурных, регулятивные и охранительные нормы и отношения. Таким образом, граница между материальным и процессуальным в правовой системе проходит как внутри процедурно-правовой сферы (с одной стороны, между нормами и отношениями материальной процедуры, а с другой, процессуальной), так и вне ее — на стыке процесса и материального охранительного правоотношения.

Специфика процессуальной процедуры, по сравнению с материально-правовой, обуславливается особенностями охранительных правоотношений, которые для процесса являются основными и отличаются от регулятивных основаниями возникновения, нормативной базой, содержанием, целевой направленностью. Смысл существования охранительных правоотношений в системе правового регулирования заключается в том, что в их рамках реализуется обязанность государства обеспечивать нормальное действие правового механизма. Это приводит к обязательному присутствию в составе процесса и предмета правового регулирования процессуального права властного субъекта. Последнее выполняет служебную роль по отношению к охранительной правовой связи, цели которой определяются для него как стратегические, непосредственная же цель процесса — выявление охранительного правоотношения и его реализация. В связи с этим место процессуальной составляющей в системе российского права, его объем и задачи обуславливаются содержанием именно охранительных правоотношений, характеризующихся властным вмешательством компетентного органа в механизм реализа-

ции материальных регулятивных правоотношений для поддержания их функционирования.

Существенное видовое отличие процессуального права и устанавливаемых им процедур наряду с целью составляет способ связи с материально-регулятивной сферой, куда они подключаются лишь при возникновении охранительного правоотношения (или предположения о его существовании) и где действуют, опираясь на сложную и целостную нормативно-правовую базу, которую формируют практически все нормы конкретной процессуальной отрасли.

Опираясь на выводы и положения, сформулированные В.Н. Протасовым при разграничении предметов правового регулирования материального и процессуального права, следует принимать во внимание градацию правовых явлений на регулятивные и охранительные. Обращаясь одновременно к признаку материальности в праве, необходимо учитывать положение о том, что в большей степени материальными будут именно регулятивные нормы и правоотношения. Диалектика регулятивного и охранительного в механизме правового регулирования выступает общей сквозной закономерностью, действующей на всех уровнях построения системы права. Однако наибольшее значение указанная закономерность имеет именно для более точного различения материальной и процессуальной плоскостей права¹, что будет взято нами в качестве отправного методологического постулата для самостоятельного рассмотрения вопросов понятия, природы и социального назначения материального и процессуального права в последующих главах исследования.

¹ Подробнее об этом см.: *Протасов В.Н.* Указ. раб. С. 37.

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО — ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КОМПЛЕКС НОРМ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Дифференциация таких юридических явлений, как отрасли права, правоотношения, юридические факты, нормативно-правовые акты на материальные и процессуальные носит объективный характер, причинно-следственное объяснение которому кроется внутри системных функциональных связей правовой системы общества и в предметной сфере самого процесса правового регулирования. Другими словами, деление права и иных правовых явлений на материальные и процессуальные не является чисто умозрительной конструкцией, а имеет практически-прикладное значение, которое признается абсолютным большинством специалистов в области правоведения.

Само понятие материального права вряд ли стоит соотносить с философской категорией материи, а также с существующим в науке делением социальных явлений на материальные и идеологические. По своей сути, в философском плане юридические явления и процессы имеют идеологическое, сознательно-волевое происхождение, ибо не могут возникнуть вне сознательной деятельности человека, групп людей и общества в целом.

Понятие «материальность» можно распространить практически на любое правовое явление ввиду его участия в том или ином качестве в процессе правового воздействия на общественные отношения. Однако подобное использование термина «материальный» в теории права не имеет столь существенного значения, которое, напротив, заложено в понятийную конструкцию «материальное право» в рамках категориальной дихотомии «материальное и процессуальное право». В самом общем виде научное понятие «материальное право» призвано отразить относительно обособленную единую систему норм права, которые непосредственно, «напрямую» регулируют наиболее важные сферы социальной жизни. Также в систему материального

права включаются и охранительные нормативно-правовые предписания, обеспечивающие действие регулятивных норм. В данном случае не подлежит сомнению, что материальными являются уголовные и административные нормы права, устанавливающие основания и меры юридической ответственности за совершение соответствующих правонарушений.

Именно нормы материального права закрепляют основы общественно-го и государственного строя страны, устанавливают формы собственности, материальные способы и гарантии защиты права, праводеепособность субъектов, их права и обязанности, правовое положение имущества, учреждают порядок образования и структуру органов государственной власти, предусматривают основания и систему мер ответственности за правонарушения, организационно-правовые формы создания юридических лиц и т.д. Предметом регулирования материального права выступают значимые государственно-управленческие, имущественные, личные неимущественные, финансовые, трудовые, жилищные, семейные, экологические и иные отношения. Фактическое содержание перечисленных общественных отношений составляет необходимую объективную основу для наименования норм права, их регламентирующих. Материальное право преимущественно функционально направлено на установление в рамках правовой системы первичных взаимных прав и участников общественных отношений.

В юридической литературе материальной составляющей системы права незаслуженно уделяется недостаточное внимание в том отношении, что отсутствует развернутое определение понятия материального права, описание его сущностных черт, специфики предмета регулирования, не представлена в общетеоретическом плане собственная структура материально-правового блока. При этом в юридической литературе имеется суждение о том, что «общая теория права в ее нынешнем состоянии индифферентна к различиям материального и процессуального права при оценке правовых явлений и в

большей мере ее можно считать «теорией материального права»¹. Парадоксальность ситуации в теоретическом осмыслении материального права состоит в том, что по сути в отечественной юридической науке презюмируется его определяющий характер в системе права, а также теоретическая ясность его содержания и специфики в отношении взаимодействия с процессуальным правом. В результате материальное право как объект самостоятельного правового исследования фактически не представлено в научных публикациях.

Е.Г. Лукьянова справедливо обращает внимание на практически полное молчание в теории права по вопросу о критериях отнесения той или иной отрасли к материальному праву, о самом понимании «материальной отрасли права». Законодательное обособление уголовного и уголовно-процессуального права, гражданского и гражданско-процессуального права дало повод правоведам не затруднять себя дополнительным обоснованием самостоятельной сущности материально-правового блока в системе права. В сложившейся ситуации общая теория права остается без надлежащего раздела знаний о материально-правовой составляющей. Е.Г. Лукьянова следующим образом характеризует столь удивительное положение вещей в отечественном правоведении: «Понятие «материальной отрасли права» в системе права вообще не фигурирует. О материальном праве, материальной норме, материальном правоотношении говорят только тогда, когда надо отделить и не смешивать их с процессуальным правом, процессуальной нормой, процессуальным правоотношением. Гражданское право само по себе никто не называет «материальным», не называют «материальным» само по себе колхозное, трудовое, земельное и другие отрасли права. Такого наименования нет ни в одном из существующих изложений системы нашего права, нет его и в заглавиях учебников по соответствующим отраслям права, нет его в законода-

¹ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 18.

тельных актах. Необходимость в дополнительном эпитете «материальное» появляется только при обращении к процессу»¹.

По вопросам понятия, содержания и структуры материального права практически отсутствуют специализированные научные изыскания как общетеоретического, так и отраслевого характера. В отдельных публикациях проблема природы материальной составляющей системы права обсуждается лишь попутно при анализе иных вопросов, что свидетельствует о существенном пробеле в теоретико-правовом знании.

В общей теории права о материальной составляющей упоминают лишь для указания самого факта деления права на материальное и процессуальное и не более того. Суть подобных высказываний ограничивается, как правило, одним или двумя утверждениями общего свойства. Одним из примеров может служить верное, но весьма общее утверждение С.В. Полениной, охарактеризовавшей соотношение норм материального и процессуального права следующим образом: «Первые определяют правовой статус субъектов будущих процессуальных отношений, условия и основания возникновения таких отношений. Способ разрешения спорных ситуаций при реализации норм материальных отраслей права устанавливается процессуальными отраслями»².

Д.М. Азми, обращаясь к проблемам структуры права, также ограничивается самой общей формулировкой: «Материальное право составляют правовые нормы, регулирующие непосредственно, в собственном смысле слова, правила поведения лиц (складывающиеся именно в ходе самой основной составляющей социального взаимодействия, то есть независимо от процедурных аспектов их реализации, практического воплощения). Оно представлено посредством именно управленческих, имущественных и личных неимущественных (гражданских в узком смысле данного слова), трудовых, семейных,

¹ Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 57.

² Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 8.

образовательных, охранительных (также в «зауженном» значении), иных правовых отношений такого же порядка»¹.

Общие черты материального и процессуального права способствуют формированию крупных блоков, юридических предписаний, образующих в своей совокупности институты отраслей права, объединенные родством своих характерных свойств, отраженных в предмете их правового регулирования. В основе системообразования данных правовых блоков автор указывает такие признаки, как цели и задачи правового регулирования, функциональную направленность, иные юридические особенности.

Еще более краткую характеристику обнаруживаем в специализированных юридических словарях: ««Материальное право — это юридическое понятие, обозначающее правовые нормы, с помощью которых государство осуществляет воздействие на общественные отношения путем прямого, непосредственного правового регулирования»².

Таким образом, материальное право представляет собой своеобразный комплекс юридических предписаний, объединенных в конкретную отрасль (или группу отраслей), направленных на урегулирование разнородных общественных отношений социально-экономической, политической, трудовой, управленческой жизнедеятельности людей, защиты их множественных социальных благ. Материальные нормы в своей совокупности образуют правовую основу, базу механизма юридического урегулирования общественных процессов.

Представители отраслевых юридических наук также не предлагают четкого критерия выделения материального права. Например, В.Н. Скобелкин определяет круг материальных норм в трудовом праве лишь посредством указания их отдельных видов, не оперируя общим критерием. Исследователь

¹ Азми Д.М. К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 27.

² Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984. С. 167.

указывал в связи с этим следующее: «Обычно различие между ними проводится примерно так: материальные нормы устанавливают права и обязанности субъектов, подлежащие реализации, а процессуальные — порядок реализации этих прав и обязанностей. К этому иногда добавляют, что первые предоставляют права и обязанности в интересах самих субъектов, а вторые — в интересах других лиц (это относится, в основном, к правоприменяющим органам). В самой общей форме, в первом приближении такой подход можно считать приемлемым»¹.

Исключительно через противопоставление процессуальному праву определял материальное право П.М. Рабинович: «Процессуальность — это такая регулятивная функция юридических норм, которую они приобретают только по отношению к определенным («материальным») нормам права, только «сотрудничая» с последними в процессе регулирования поведения... «материальность» и «процессуальность» юридических норм — это условные термины, которые отражают определенные функциональные свойства норм, обуславливаемые их ролью в правовом регулировании»². С условностью деления права на материальное и процессуальное позволим себе не согласиться, ибо в данном способе дифференциации нормативно-правового материала усматривается одна из важнейших общих закономерностей функционирования системы права.

Отдельные ученые проводили градацию на материальное и процессуальное не в отношении права, а в связи с рассмотрением правоотношений. Так, И. Сабо утверждал: «Строгое разграничение первичных правоотношений как материальных, а вторичных — как формальных в какой-то мере относительно, ибо и формальное правоотношение, как мы скоро увидим, имеет свое собственное «содержание», и может быть рассматриваемо в этом смыс-

¹ См.: Скобелкин В.Н. Нормы нематериального характера в трудовом праве. С. 105.

² Рабинович П.М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. С. 251 и др.

ле как «материальное». ...Между материальными и процессуальными правоотношениями существует не функциональная, а причинная связь»¹.

Н.Ю. Плотникова, исследуя проблему правоприменения в качестве одной из форм реализации права, усматривает некоторую «двойственность» его природы, что предопределяется диалектическим взаимодействием материальных и процедурно-процессуальных норм в качестве оснований применения права. Автор предлагает краткую характеристику материально-правовых норм в отношении правоприменения, указывая на их предназначение в виде необходимости регламентирования основ правоприменительной деятельности, определения границ ее осуществления, статуса субъектов и участников правоприменения. Кроме того, Н.Ю. Плотникова верно отмечает структурную сложность материального блока системы права: «Блок норм, составляющих материально-правовую основу правоприменения, не монолитен, а многослоен. Это не только нормы, определяющие характер и существо рассматриваемых дел (нормы, подлежащие применению), но и нормы, наделяющие государственные органы и должностных лиц правом разрешать по существу юридическое дело (компетентные нормы). К материально-правовым относятся и нормы, определяющие характер разрешения дел по существу и принимаемого решения, результаты воздействия на конкретное отношение в итоге разбирательства»².

Подобное указание на наличие неоднородной структуры у материального права заслуживает внимания. Однако автор предлагает одновременно небесспорное решение об отнесении ряда предписаний процессуального законодательства к числу именно материальных норм, называя в числе последних положения ст. 212, 213 УПК РФ о прекращении следователем или органом дознания уголовного дела, ст. 409 УПК РФ об отмене обвинительного

¹ Сабо И. Социалистическое право / под ред. В.А. Туманова. М., 1964. С. 53, 55.

² Плотникова Н.Ю. Материальные и процессуальные основания применения права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». Вып. 8. Т. 2. 2006. № 13. С. 148.

приговора с прекращением уголовного дела, ст. 305 ГПК РФ об отмене решения и прекращении производства по гражданскому делу или изменения решения¹. Вполне очевидно, что проблема понимания природы и сущности материального права, его структуры и взаимосвязи с процессуальным правом требует специального исследования, причем не одного, а целого ряда. Подспудное рассмотрение столь сложных вопросов в рамках лишь теории правоприменения преимущественно способствует постановке проблемы и умножает дискуссии. Вопрос природы материального права, на наш взгляд, есть одна из центральных проблем системного строения права, не получившая по настоящий момент полного и всестороннего раскрытия в правовой теории.

Структура материального права может быть рассмотрена в нескольких срезах: отраслевом (предметном) и функциональном. В отраслевом разрезе структуру материального права составляют предписания конституционного, гражданского, административного, уголовного, трудового и ряда иных отраслей права. В функциональном отношении все нормы материального права можно подразделить на регулятивные и охранительные. При этом следует констатировать преобладание в материально-правовом блоке именно регулятивных предписаний. Кроме того, для большей точности функциональный анализ позволяет в структуре материального права выделить три подгруппы норм:

регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений, определяющие их праводее-способность, а также фактические основания их возникновения, изменения и прекращения;

охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права, определяющие субъектов

¹ См.: Плотникова Н.Ю. Указ. раб. С. 148.

юридической ответственности, деликтоспособность, а также основания освобождения и исключения юридической ответственности;

организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера, предусматривающие основания и порядок реализации процедурных материальных правоотношений по регистрации сделок с недвижимостью, начислению пенсий и т.д.

Материальные организационно-процедурные нормы выступают необходимым средством реализации целого ряда материальных первичных регулятивных предписаний, находятся с ними в диалектическом взаимодействии. Особенно важно подчеркнуть тот факт, что в законодательном плане подобные процедурные нормы не могут быть обособлены от соответствующих отраслей материального права.

В этой связи нельзя согласиться с позицией В.М. Горшенева, включающего организационно-процедурные нормы регулятивного свойства не в материальное, а в процессуальное право. По мнению ученого, «каждая отрасль материального права, особенно при наличии в ней норм, которые не могут реализовываться без правоприменительного процесса, имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью группировки... Они обладают определенной самостоятельностью по отношению к отраслям материального права и не входят в их содержание в качестве составных частей»¹.

Рассматриваемая точка зрения не соответствует реальному системному построению нормативно-правового материала, самостоятельность организационно-процедурных регулятивных норм искусственно провозглашается автором и не находит своего подтверждения на практике. Кроме того, следуя

¹ Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 231.

подобной логике, можно и вовсе довести ситуацию до абсурда, что предполагает законодательное разделение процедурных норм, к примеру, гражданского права от основных его материально-правовых институтов (договорного права, вещного права и т.д.), объединив их в некоем отдельном, условно назовем его «нормативно-процессуальном» акте. Весь ход развития отечественного и зарубежного материального права свидетельствует об обратном — о недопустимости смешения организационно-процедурных норм материально-регулятивной направленности с процессуальными нормами охранительного назначения. Материальный характер процедурных норм регулятивного свойства отрицать крайне сложно и вряд ли перспективно в практическом и теоретическом плане.

Рассматривая содержательную специфику и структурные особенности материального права, следует упомянуть о том, что нормы, составляющие основу организации судебных органов, в отличие от процедурных норм их непосредственной деятельности, носят именно материально-правовой характер. Данный вывод подтверждается отраслевыми теоретико-правовыми изысканиями. Так, в ходе анализа права граждан на судебную защиту представители науки конституционного права подразделяют его гарантии на две группы: материально-правовые гарантии, обеспечивающие необходимую системную организацию судебной власти в целях выполнения ею функций по отправлению правосудия; процессуальные инструменты реализации права на защиту в виде норм, регламентирующих процессуальную деятельность судов по рассмотрению и разрешению споров¹. К материальному праву следует относить нормы, устанавливающие основы судебной системы, принципы и гарантии судебной деятельности, а также предписания, регламентирующие правовой статус судей, компетенцию судов.

¹ См.: *Вершинин В.Б.* Материально-правовые гарантии права на судебную защиту // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 5; *Вершинин В.Б., Молева Г.В.* Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 6.

Организационно-процедурные материальные нормы по критерию их связи с правоприменением представляется целесообразным подразделять на две основные группы:

устанавливающие обычный порядок реализации диспозиций первичных материальных правовых норм, которые не связаны с применением права (например, порядок заключения договора, процедуры вступления в наследство, порядок расторжения сделки и т.п.);

предусматривающие процедуры позитивного правоприменения (не связанного с возложением юридической ответственности за совершенное правонарушение), то есть регламентирующие применение регулятивных норм материального права (например, порядок назначения и исчисления пенсии, процедуры выделения земельного участка, порядок осуществления регистрационных действий в отношении сделок с недвижимостью и др.).

Таким образом, с позиции близости к исходной социальной структуре, к материальным общественным отношениям, регулируемым правом, обозначенные группы процедурных регулятивных норм в большей степени «материальны» в сравнении с материальными охранительными правовыми предписаниями.

В юридической литературе ставится вопрос о возможности выделения материальной составляющей в международном праве, что отчасти составляет определенную область для специализированного научного исследования. При самом общем рассмотрении думается, что подобный ракурс видения проблемы имеет право на жизнь. Однако четкой разграничительной линии в международных правовых актах нормативного характера материальных и процессуальных предписаний зачастую не проводится. По этому поводу Д.М. Азми отмечает: «Деление права на материальное и процессуальное признавалось и на уровне международной правовой системы. Но при этом отраслевой состав в рамках самого процессуального блока не выделялся, так как в каждой из признаваемых отраслей норм международного права допус-

калась возможность наличия не только материальной, но и процессуальной составляющей. Такое видение было актуально вплоть до настоящего времени. Отражается оно и в нормативно-юридических данных международного толка»¹. Автор в подтверждение собственной позиции приводит пример распоряжения Правительства РФ от 6 ноября 2008 г. № 1628-р «О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей»², которое содержит в том числе и сам договор, имеющий смешанный по сути материально-процессуальный характер. Материальные правовые предписания установлены в общих положениях договора и касаются общих вопросов сотрудничества стран в обозначенной сфере, обмена информацией. Процессуальные предписания доминируют в количественном отношении в рассматриваемом соглашении. В них устанавливается сама процедура усыновления.

Ввиду того, что Конституция РФ декларирует включение норм международного права в правовую систему России, указанные предписания международного права материального характера также следует включать в структуру материальной составляющей системы российского права.

Обобщая рассмотренные аспекты содержания и структуры материального права, представляется возможным дать его следующую дефиницию: *материальное право — это единая относительно самостоятельная нормативно-правовая подсистема, объединяющая ряд отраслей права, а также нормы международного права материального характера, имеющая своим предметом непосредственного правового регулирования экономические, политические, социально-культурные и иные отношения, структурно включающая в себя регулятивные нормы первичного характера, охранительные*

¹ Азми Д.М. К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 27.

² См.: СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5368.

нормы материального содержания, а также организационно-процедурные правовые предписания.

Отличительные признаки материального права сводятся к следующему:

его предписания закрепляют формы собственности, юридическое положение имущества и лиц, определяют порядок образования и структуру государственных органов, устанавливают правовой статус граждан, основания и пределы ответственности за правонарушения и др.;

предметом его непосредственного, прямого регулирования являются экономические, политические, административно-управленческие, трудовые, семейные и иные общественные отношения. У материального права наблюдается наиболее тесная связь с экономикой, политикой и социально-культурной сферой жизни общества, у него имеется наиболее близкое и прямое соприкосновение с фактическими общественными отношениями;

первичный, определяющий характер материального права в отношении процессуального, что выражается в учредительном характере конституционного права, являющегося по своей природе базовой материальной отраслью права, в определении материальными нормами предмета доказывания в процессуальном праве, в воздействии на институты подведомственности и подсудности и т.д.;

его структуру составляют следующие группы норм: регулятивные нормы материального права первичного характера; охранительные нормы права материального содержания; организационно-процедурные нормы права;

предназначение и социальная ценность материального права выражаются в его основных общих и специально-юридических функциях: политической, экономической, социально-культурной, информационно-идеологической, учредительной, регулятивной, охранительной;

оказывая регулирующее воздействие, оно влечет возникновение, изменение и прекращение материальных регулятивных и охранительных правоотношений.

Ввиду отсутствия специальных общетеоретических работ, посвященных общему пониманию материального права, его характеристику полагаем возможным продолжить кратким *отраслевым анализом*. Для этой цели обратимся к краткому описанию основных отраслей права, имеющих ярко выраженный материально-правовой характер.

Отраслевая структура материального права имеет следующий вид:

конституционное право представляет собой единую систему норм и институтов, закрепляющих основы конституционного строя страны, правового статуса личности, систему высших органов государственной власти, форму государственного устройства, общеправовые принципы, и др. В его составе возможно выделение ряда подотраслей — гуманитарного права, избирательного права, парламентского права (при этом нормы, регулирующие процесс конституционного судопроизводства, мы относим к процессуальному, а не материальному праву);

административное право как отрасль материального права направлено на регулирование общественных отношений, возникающих в ходе деятельности органов исполнительной власти. Позитивные процедуры регулятивного свойства в административном праве, на наш взгляд, также носят материальный характер в отличие от административно-правовых норм, устанавливающих процессуальный порядок разрешения административного спора или привлечения к административной ответственности. Последние подлежат включению в формирующуюся в настоящий момент отрасль административного процессуального права;

финансовое право, регулирующее общественные отношения по движению финансов, которое включает в себя три подотрасли — бюджетное, налоговое и банковское право. Оно регулирует доходы и расходы государства (источники и порядок получения доходов, направления их использования);

гражданское право, представляющее собой одну из наиболее объемных по содержанию отраслей материального права, призванную упорядочивать

имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. К числу подотраслей гражданского права следует отнести: наследственное право, патентное право, торговое и право интеллектуальной собственности;

уголовное право есть материально-охранительная отрасль российского права, устанавливающая преступность и наказуемость деяний, а также основания освобождения и исключения уголовной ответственности;

жилищное право, выступающее комплексной отраслью материального права, имеющее своим предметом регулирования общественные отношения, связанные с жильем, его оборотом, эксплуатацией;

семейное право представляющее собой комплекс норм, регулирующих брачно-семейные отношения;

экологическое право как отрасль материального права устанавливает порядок владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, а также направлено на охрану окружающей природной среды;

трудовое право представляет собой единую систему материально-правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, связанных с применением наемного труда. Оно включает в качестве своей подотрасли право социального обеспечения.

Разнообразие и специфика общественных отношений, их возрастающая динамика предполагают образование новых отраслей материального права. Этот процесс объективный и неизбежный.

ГЛАВА IV. ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО СИСТЕМЫ

Решение задачи по выработке теоретических оснований соотношения материального и процессуального права обуславливает необходимость рассмотрения юридической природы второй составляющей этой пары — процессуального права.

В последнее время вопросы, связанные с пониманием и трактовкой процессуального права, определением оснований его формирования и выделения в системе права, особенностей и роли, представляют не только научный, но и практический интерес. Так, неоднозначность понимания процессуального права, оснований отнесения различных норм права именно к процессуальным на практике имеет непосредственное отношение к работе над объединением арбитражного и гражданского процессуальных кодексов. Как известно, не так давно был принят и введен в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации¹, что позволяет вновь поставить вопрос о необходимости дифференциации процессуальной составляющей отечественной системы права.

Вместе с тем юридическая наука лишена стройной системы знаний о процессуальном праве, отражающем реальную правовую действительность, основанную на закономерностях ее развития и на стройной цепочке научных и эмпирических аргументов. При этом на специально-отраслевом уровне за последние годы накоплено достаточно материала для широкого общетеоретического обобщения знаний о процессуальной составляющей российского права, что и заставляет автора оценить имеющиеся наработки с точки зрения различных подходов к пониманию природы юридического процесса, особенностей современного процесса, как юридической деятельности и определиться с теоретической конструкцией «процессуальное право» для последующего

¹ См.: СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4772.

его соотношения с материальным правом. При этом логично будет обращение к основаниям формирования отраслей права, процессу дифференциации его системы, особенностям процессуальных норм и другим сопутствующим вопросам.

В юридической науке общепризнано, что отрасли права, будучи важнейшим элементом его внутреннего строения, объединяют совокупность правовых норм, направленных на регламентирование однородных общественных отношений, и дифференцируются по двум критериям: предмету и методу правового регулирования. Как элемент системы права отрасли носят объективный характер и в меньшей степени зависят от воли законодателя и во многом определяют систему источников права¹.

Все многообразие отраслей права предлагается делить по различным основаниям, выделяя при этом базовые (конституционное право), профилирующие (гражданское право, уголовное право, административное право, гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное право), специфические отрасли права (например, финансовое, трудовое, семейное и др.), а также отдельные отраслевые семьи, под которыми понимаются совокупность отраслей права, объединенных на основе общности предмета и метода правового регулирования. В последнем случае называются публичное и частное право, материальное и процессуальное право². Для выделения процессуального права большое значение имеет обозначение тех общественных отношений, которые регламентированы его нормами. Поскольку основой корневого содержания процессуальных отраслей выступает процесс, постольку понимание последнего, а также близкого с ним понятия «процедура» кладется в

¹ См.: *Алексеев С.С.* О материалистическом подходе к системе советского права // Правоведение. 1961. № 3. С. 17; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 282–289 и др.

² См.: *Оксамытный В.В.* Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 408–411.

определение предмета правового регулирования процессуального права и его трактовку.

Предметом правового регулирования самостоятельной отрасли права выступают устойчивые и повторяющиеся общественные отношения, не урегулированные уже существующей отраслью по причине их специфики, но нуждающиеся в правовой регламентации. Предметом процессуального права выступают процессуальные отношения, их специфика и его понимание.

Под процессом понимается прохождение, продвижение — закономерное, последовательное изменение явления, его переход в другое явление¹. «Процесс» в специально-юридическом значении (от лат. *processus* — продвижение) представляет собой порядок рассмотрения дел в суде или административном органе, судопроизводство; судебное дело².

Процедура (от лат. *procedere* — продвигаться) — установленный порядок ведения, рассмотрения каких-либо дел³.

Однако предложенная трактовка категорий «процесс» и «процедура» в юридическом словаре на вызывает единодушия ученых в их понимании. Именно вокруг этих понятий ведутся дискуссии о соотношении процесса и процедуры, материальных и процессуальных отношениях, соотношении материального и процессуального права.

К настоящему времени оформилось два основных подхода к определению понятия юридического процесса и его границ, так называемые «широкий» и «узкий» подходы. Первый становится все более популярным и объединяет сторонников рассмотрения процесса и процессуальной составляющей в системе права с использованием исходной методологической установки и философских категорий «содержание» и «форма». Появление идей ши-

¹ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд., М., 1986. С. 393.

² См.: Большой юридический словарь / авт.-сост. В. Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др.; под ред. А.Я. Сухарева и др. М., 1998. С. 566–567.

³ См.: Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1983. С. 1071.

рокого подхода связывается с исследованиями П.Е. Недбайло в середине 50-х гг. XX в., посвященными гарантиям осуществления норм права¹. Одной из гарантий их реализации автором называется процессуальная форма всякой деятельности, связанной с применением правовых предписаний, которая состоит из правил, определяющих порядок проведения в жизнь нормативных правовых актов.

Более обстоятельную разработку эта идея получила в 70–80-е гг. прошлого столетия² и продолжает развиваться в современной науке³ не только российского права, но и зарубежного. Так, в юриспруденции Франции процедура позиционируется как последовательность актов или операций, которые обычно должны быть осуществлены в определенном порядке в присутствии определенных представителей власти или частных лиц с целью добиться исполнения того или иного юридического акта⁴. Как видно, процедуры здесь связаны как с действиями уполномоченных государством должностных лиц, так и с действиями частных лиц, самих участников отношения.

Представителями широкого подхода понимания процесса в его состав включается не только деятельность, регламентированная собственно процессуальными отраслями права, но и деятельность нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния, социального обеспечения и др. Так, например, имеющими процессуальный характер предписаниями являются нормы конституции и иных законов, посвященные разрешению разногласий

¹ См.: Недбайло П.Е. О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 20–29.

² См., например: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972; Краснов Н.И., Иконницкая И.А. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975; Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976 и др.

³ См., например: Саликов М.С. Конституционно-процессуальное право как наука, отрасль права и учебная дисциплина // Право и политика. 2000. № 4. С. 15–26; Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005 и др.

⁴ См.: Сандевуар П. Юридические процедуры во французском праве. Российско-французская серия учебных и информационных материалов. 2-е изд. М., 1994. № 29. С. 130.

палат, порядку утверждения полномочий депутатов¹, статусу личности (производство по делам о гражданстве, производство по делам о беженцах и т.д.), внутрисистемным изменениям в Российской Федерации (порядок изменения статуса субъекта Российской Федерации, порядок изменения наименования субъекта Российской Федерации), избирательному процессу и др.²

Юридический процесс в трактовке широкого понимания связан с совершением действий по реализации норм права на основе стадий правоприменительной деятельности, которая осуществляется компетентными субъектами, наделенными властными полномочиями на осуществление властно-значимой деятельности, направленной на рассмотрение конкретных юридических дел и принятию юридических актов. Такая деятельность нуждается в процедурно-процессуальной регламентации³.

Не сложно заметить, что для сторонников широкого понимания процесса любая процедурная деятельность, связанная с правоприменением, представляет собой процесс. Однако, несмотря на привлекательность и простоту такого подхода к определению юридического процесса в качестве предмета правового регулирования процессуального права, в нем присутствует масса неточностей, делающих его весьма уязвимым. Критические замечания положений широкого подхода основаны на допущении его сторонниками смешения понятий «процесс» и «процедура».

В целях максимально четкой регламентации общественных отношений и реализации их участниками субъективных прав и обязанностей на нормативном уровне устанавливается порядок совершения действий, создается модель движения какого-либо явления, предполагающая наличие нескольких ступеней деятельности. Это и является правовыми процедурами, которые

¹ См.: *Ким А.И., Основин В.С.* Государственно-правовые нормы и их особенности // Правоведение. 1967. № 4. С. 40–47.

² См.: *Саликов М.С.* Указ. раб. С. 17

³ См.: *Горшенев В.М.* Природа юридического процесса как комплексной системы // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1980. С. 3–11.

присущи как материальному, так и процессуальному праву, но они не могут смешиваться, поскольку имеют различное назначение¹. Материальная процедура предназначена для эффективной реализации материального регулятивного правоотношения, в котором осуществляется обычное, позитивное поведение участников, а процессуальная процедура — для материального охранительного правоотношения².

Примером иерархичной, сложносоставной материальной процедуры выступает порядок приема на работу как центральная процедура трудового права. В структуру процедуры приема на работу и заключения трудового договора включаются следующие элементы: определение требований к гражданину, желающему заключить трудовой договор, гарантии при заключении трудового договора, перечень необходимых для заключения договора документов, установление формы трудового договора, определение круга лиц, имеющих право на заключение договора со стороны работодателя, порядок извещения работника о решении администрации работодателя, правила о фактическом допущении к работе, особые условия, трактуемые как заключение трудового договора — фактическое допущение к работе, порядок заключения трудового договора в случае перевода.

Анализ рассмотренной процедуры показывает верность упреков смешения порядка осуществления различных видов правоприменительной деятельности. Проводя сравнение процессуально регламентированной деятельности суда и иных субъектов правоприменения, сходные черты, конечно, обнаруживаются. Однако это не должно становиться предпосылкой нивелирования более важных признаков нетождественных объектов.

Представителями широкого подхода к пониманию процесса не объясняется ситуация, при которой правовая процедура и процедурная деятель-

¹ См.: *Протасов В.Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 44–45.

² См.: Там же. С. 31.

ность имеют место в других формах реализации права, не связанных с правоприменением (исполнение, использование).

Помимо этого, затруднительно найти ответ на вопрос о том, почему при таком распространении процедурно-процессуальной деятельности в различных сферах, регламентируемых правом, далеко не все ее виды становятся предметом регулирования норм именно процессуальных отраслей. И дело здесь, видимо, совсем не в субъективных факторах, влияющих на формирование отраслей права и отраслей законодательства, а в наличии несоответствий выводов представителей широкого понимания процесса теоретической и практической юриспруденции, прежде всего, о различении процедурной и процессуальной форм деятельности.

С.С. Алексеев указывал, что не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана процессом. Юридический процесс — не просто процедура, длящиеся, растянутые по времени юридические отношения, а особая процедура, которая является выражением специфических юридических режимов применения права. Следует не только сохранить категорию «процессуальная форма», но и утвердить в теории права понятие «юридическая процедура»¹.

Верным, на наш взгляд, является утверждение А.М. Васильева о том, что процессуальная форма как юридический феномен установлена законом не для каждой правоприменительной процедуры, а только для такой, в которой охраняемые права и интересы требуют дополнительных гарантий и средств защиты через суд — орган, специально уполномоченный на применение наказаний, определенных административных и гражданских санкций, а также на разрешение споров по гражданским, трудовым, семейным и другим делам². Так, если речь идет о регламентации деятельности государственных

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 237.

² См.: Васильев А.М. О правоприменении и процессуальном праве // Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 13.

органов, правильнее говорить о процедуре, если о деятельности судебных органов — уместно применять понятие «процесс».

Особую связь между характером отношений и пониманием процесса и процедуры вновь находим у С.С. Алексеева, подчеркивающего, что на основе правоохранительных отношений, имеющих материально-правовой характер, складываются и соответствующие процессуальные отношения, опосредующие порядок, процедуру применения государственно-принудительных мер юридической ответственности и защиты¹.

О необходимости разграничения правовых процедур говорилось и в общей теории права, и в отраслевых науках. Представители науки гражданского процессуального права утверждают, что юридические процедуры должны относиться только к материальному праву. В частности, И.М. Зайцев и Н.А. Рассахатская отмечают, что юридические процедуры всегда выступают составной частью материального права, так как регламентированы материально-правовыми нормами в отличие от процессов, регулируемых нормами процессуальных отраслей права².

Указанный недостаток широкого подхода к пониманию процесса преодолевается представителями «узкого» подхода, основанного на отстаивании специфики юридической материи, на строгом различии процедуры и процесса, представляющего собой процессуальную деятельность в рамках судопроизводства, в связи с ним или в связи с деятельностью, подготавливающей осуществление правосудия³.

Понимание процесса в рамках «узкого» подхода основывается на выделении из всего объема материально-правовых отношений охранительного правоотношения, которое позволяет выделить процесс из всех других видов

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 285.

² См.: Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2. С. 50.

³ См.: Мельников А.А., Полянский Н.Н., Савицкий В.М., Строгович М.С. Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. М., 1983. С. 17.

юридической процедуры¹. Главное предназначение охранительного правоотношения — устранение препятствия на пути реализации регулятивного правоотношения и либо дать ему дальнейший ход, либо признать его неудавшимся.

Участниками охранительного правоотношения, естественно, выступают компетентные государственные органы, деятельность которых является сложной формой правоприменительной деятельности — процессуальной деятельностью. С учетом этого предложена характеристика процессуальной деятельности, складывающаяся из следующих признаков: процессуальную деятельность осуществляют органы, призванные выполнять охранительные функции — суда, прокуратуры, полиции, государственных инспекций и т.п.; процессуальная деятельность — сфера реализации правоохранительных задач: установление виновных и применение к ним справедливых мер правового воздействия, охрана прав, свобод и законных интересов личности и т.п.; процессуальная деятельность стадийна; обязательное присутствие в структуре процессуальной деятельности стадии доказывания; наличие и действие системы особых гарантий для участников процессуальной деятельности². Такое понимание процессуальной деятельности получило в юридической литературе название традиционного понимания процесса.

Отметим, что теория охранительного правоотношения позитивно отразилась на решениях вопроса об определении процессуального и процедурного в правовой материи. Именно в ней четко просматриваются вполне аргументированные позиции по разграничению процедуры и процесса, преодолевающие запутанность сторонников теории общего процесса. Кроме того, теория правоохранительного правоотношения позволила разграничить правоприменение-процесс от иной правоприменительной деятельности.

¹ См.: Протасов В.Н. Указ. раб. С. 62.

² См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 80–81.

Вместе с тем, оценивая оба подхода с точки зрения состояния практической сферы юриспруденции, реализации регулятивных и охранительных отношений, развития системы права и законодательства, мы вынуждены отметить, что и традиционное понимание процесса небезупречно и создает почву для сомнений и дальнейших разработок по этому вопросу. В целом, соглашаясь и поддерживая традиционное понимание процесса в большинстве выводов, тем не менее, считаем, что непосредственно процессом можно назвать лишь процессуальную деятельность суда по следующим причинам.

Во-первых, суд — особой природы орган государства, со специфическими задачами и целями, формами и методами деятельности, а потому общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия, имеют специфические особенности, касающиеся особого субъектного состава и содержания¹. Деятельность суда по охране и восстановлению нарушенного права отличается от деятельности иных субъектов правоприменения, осуществляющих правоохранительную функцию, и сложностью, и результатом. В связи с этим не случайным представляется конституционное установление формы осуществления судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (ст. 118 Конституции Российской Федерации). Наличие в Основном Законе этой нормы послужило основанием для формирования позиции, которую занимают отдельные представители процессуальных наук². Они считают, что в современном российском праве есть всего четыре процессуальные формы деятельности (четыре вида процесса), установленные п. 2 ст. 118 Конституции. Все, что выходит за их рамки предлагается признать процедурами.

¹ Подробнее об этом см.: *Боннер А.Т.* Существует ли юридический процесс? // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 56.

² См., например: *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 16.

Во-вторых, все процессуальные отрасли современного права сопряжены с деятельностью именно судов. Создается впечатление, что существование системы судов, специализирующихся на рассмотрении определенных категорий дел, заставляет законодателя создавать процессуальный закон, регламентирующий их деятельность. Ведь, например, прокурорская деятельность, будучи правоохранительной и процедурной по своему содержанию и характеру или деятельность нотариата, хотя и регламентируются процедурными положениями, однако не вызывают появление кодифицированного процессуального нормативного правового акта. Именно деятельность судов как наиболее сложный вид правоприменения становится предметом регулирования последнего.

Подтверждение этой идеи находим в практике формирования не имеющих места ранее процессуальных отраслей права: конституционного, арбитражного, административного. Так, конституционное судопроизводство связано с функционированием Конституционного Суда, деятельность которого регламентирована специальным конституционным законом¹, содержащим преимущественно нормы процессуального характера, а также Регламентом Конституционного Суда Российской Федерации². Это обстоятельство дало возможность утверждать факт зарождения процессуальной отрасли права — конституционно-судебного права³.

Объективно сложившееся и признаваемое многими административно-процессуальное право также связано со специализацией в системе судебных органов, подтвержденной принятием самостоятельного кодифицированного

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 2.

² См.: Регламент Конституционного Суда РФ (в ред. от 10 ноября 2016 г.) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.

³ См.: *Овсепян Ж.И.* Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 196–212.

акта — Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

В некоторых учебных источниках однозначно, без анализа содержания дискуссий по этому вопросу, предметом правового регулирования процессуальных отраслей права называются общественные отношения по поводу применения норм материального права в процессе разрешения юридических дел и споров, по преимуществу в суде¹.

Представители традиционно признаваемой гражданской процессуальной отрасли в качестве предмета правового регулирования рассматривают правоприменительную деятельность судов по защите оспариваемых или нарушенных субъективных прав физических лиц и организаций, признаваемых и не признаваемых юридическими лицами². С учетом изложенного, полагаем, что *предметом правового регулирования процессуального права служат правоприменительные отношения охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений.*

Специфика предмета правового регулирования процессуального права раскрывается в его структуре, включающей следующие элементы: субъекты, их практическая деятельность, объекты регулируемых общественных отношений, социальные факты, способствующие возникновению, изменению или прекращению соответствующих отношений. Основными субъектами процессуальных отношений выступают судебные органы, призванные осуществлять правосудие. Правосудие — деятельность судов по рассмотрению и разре-

¹ См.: Григонис Э.П. Теория государства и права. СПб., 2002. С. 119.

² См.: Свирин Ю.А. О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. 2014. № 10.

нию ситуационных конфликтов гражданско-, административно-, арбитражно-, уголовно-правового характера с целью защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства, юридических лиц и иных организаций.

С учетом того, что под объектом отношений понимаются явления материального мира, по поводу которых субъекты вступают во взаимодействие, получается, что правосудие как специфический вид деятельности выступает объектом в рамках предмета регулирования процессуального права.

Предмет правового регулирования процессуального права следует отличать от предмета конкретного вида правосудия, осуществляемого в форме соответствующего судопроизводства. Так, предметом гражданского процесса являются конкретные гражданско-правовые споры, в то время как предметом гражданского процессуального права — правоприменительные отношения процессуального характера.

Своеобразие любой отрасли права связано не только с предметом правового регулирования, но и с особенностями средств воздействия права на общественные отношения. Метод правового регулирования в качестве одного из критериев деления права на отрасли рассматривался в юридической науке через призму процессов дифференциации в праве, отграничения в системе права одной отрасли от другой или появления новых отраслей права, в том числе процессуальных (например, арбитражно-процессуального права).

Однако устоявшаяся идея о существовании в системе права различных уровней правовых общностей и образований приводит нас к заключению о том, что метод правового регулирования — интегративное свойство отраслей права, имеющих аналогичные цели, задачи, предназначение и т.д. Речь идет о том, чтобы отыскать в применяемых способах воздействия на процессуальные отношения схожие черты, указывающие на возможность объединения отраслей права в более крупную правовую общность, в нашем случае — в процессуальное право. В ходе такого исследования могут появиться допол-

нительные аргументы в пользу существования единого процессуального права и его специфических свойств.

Право располагает различными инструментами регулирования отношений, что позволяет максимально учесть их специфику, установить пределы разумного вмешательства государства в них, создать условия для их развития и т.д. Среди таковых можно назвать рекомендации, строго установленные предписания относительно поведения в конкретной ситуации, предоставление выбора поведения из нескольких вариантов, запреты на совершение действий и др. Различное сочетание указанных средств формирует метод правового регулирования, который в зависимости от доминирования того или иного средства бывает императивным, диспозитивным, рекомендательным, поощрительным, методом убеждения и принуждения, автономии и равенства сторон, субординации и т.п. При всем многообразии методов правового регулирования основными все же являются императивный и диспозитивный в различных их вариациях.

Использование конкретного метода правового регулирования обусловлено несколькими обстоятельствами, в частности, особенностями юридических фактов, влекущих возникновение правовых отношений, состава участников правоотношений и их статуса, характера и распределения прав и обязанностей субъектов правоотношений, применяемых санкций за нарушение правовых предписаний. На указанные обстоятельства следует обращать пристальное внимание при формулировании выводов о методе правового регулирования процессуального права.

В вопросе единства метода правового регулирования процессуального права не стоит игнорировать различные подходы к его пониманию в исследованиях процессуальных наук. Так, например, в рамках науки уголовно-процессуального права наряду с методом уголовно-процессуального права различают методы уголовно-процессуальной деятельности, что, естественно, не одно и то же. В итоге имеют место быть две пары методов: в первом слу-

чае — императивный — диспозитивный; во втором — публичный — частный¹. Однако это, скорее, частное мнение автора, нежели общая характеристика состояния изучения соответствующего вопроса.

Факторами, детерминирующими определение метода регулирования процессуального права, выступают особенности актов реализации права, юридической ответственности, приемы формирования, изменения и прекращения субъективных прав и юридических обязанностей, принципы и функции процессуальных отраслей. Анализ перечисленных факторов, содержания исследований по способам воздействия процессуальных отраслей права на общественные отношения, а также общетеоретические аспекты рассмотрения соответствующих вопросов, официально-властный характер осуществления права в рамках охранительных процессуальных отношений указывают на использование *в процессуальном праве преимущественно императивного метода регулирования*.

Определив предмет и метод регулирования процессуального права, можно предложить его дефиницию: процессуальное право — это *совокупность юридических норм, регламентирующих правоприменительные отношения охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений с использованием средств и способов, составляющих императивный метод регулирования*.

Как и любой структурный элемент системы права, процессуальное право состоит из норм, которые неоднократно становились предметом изучения

¹ См.: Давлетов А.А. Системообразующие элементы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 114–123.

диссертационных и монографических исследований¹, в которых далеко не всегда обнаруживается единообразие в понимании процессуальных норм. Его отсутствие вызвано, как правило, теми же самыми причинами, что и различия в трактовке самого процесса — соотношением понятий «процесс» и «процедура». В связи с этим следует отметить, что на сегодняшний день предлагаемые в литературе определения процессуальных норм свидетельствуют о приверженности автора либо к «широкому», либо «узкому» пониманию процесса.

Примеров формулирования понятий процессуальной нормы права в рамках идеи общего юридического процесса («широкое» понимание процесса) достаточно как в работах советских ученых по проблемам процесса, так и в сравнительно новых исследованиях. В частности, авторы монографии «Процессуальные нормы и отношения в советском праве» под процессуальными нормами предлагают понимать установленные или санкционированные государственной властью общеобязательные правила поведения процедурного характера, регулирующие общественные отношения, складывающиеся в учредительной, правотворческой, правоприменительной деятельности уполномоченных на то органов государства, общественных организаций и должностных лиц².

В соответствии с определением, содержащимся в одной из последних работ, посвященной проблемам процессуальных норм, они представляют собой самостоятельный вид правовых норм, носящих служебный характер и

¹ См., например: *Бессонов А.А.* Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001; *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004; *Железнов Б.Л., Астафьев И.В.* К вопросу об эволюции понятия процессуальной нормы конституционного права // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 52–56; *Колобкова Л.В.* Процессуальные нормы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; *Лукьянова Е.Г.* Указ. раб.; *Процессуальные нормы и отношения в советском праве* / науч. ред. И.А. Галаган. Воронеж, 1985; *Теория юридического процесса* / под общ. ред. В.М. Горшенева. М., 1985; *Юридическая процессуальная форма: теория и практика* / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976 и др.

² См.: *Процессуальные нормы и отношения в советском праве* / науч. ред. И.А. Галаган. Воронеж, 1985.

направленных на реализацию предписаний материальных норм путем создания условий, наделения непосредственных участников отношения правами и обязанностями с целью разрешения спора без вмешательства юрисдикционных органов, а при негативном развитии правоотношения — устанавливающих порядок применения специальными государственными органами властных полномочий в урегулировании конфликта¹.

На приверженность авторов «широкого» понимания процесса указывает ряд обстоятельств: процессуальные нормы регламентируют учредительную и правотворческую деятельность, правоприменительную деятельность общественных организаций; урегулирование спора без вмешательства юрисдикционных органов; санкционированы государственной властью.

Согласиться с подобными положениями не просто, поскольку их признание: а) размывает разницу между материальной и процессуальной составляющими в системе права; б) стирает различие между регулятивным и охранительным началом в праве; в) нивелирует императивный метод правового регулирования процессуальных правоотношений; г) не дает определенности в понимании особенностей самих процессуальных норм. Особенно это заметно, когда авторы, определяя назначение процессуальных норм, состоящее в служебном характере, обеспечивающем реализацию норм материального права, обращаются затем к их видовой характеристике. Все нормы, носящие служебный характер, подразделяются на организационные, процедурные и собственно процессуальные. Процедурные нормы являются самыми многочисленными среди процессуальных. В данном случае имеет место нарушение правил классификации (классифицируем процессуальные нормы, а классифицируемыми получают процедурные), но что более важно, путаница в тексте, когда автор не делает по сути различий между процедурными и процессуальными нормами и не вносит определенности по поводу организационных норм. Для выяснения особенностей процедурных норм рассматрива-

¹ Борисова Л.Н. Указ. раб. С. 19.

ется порядок заключения трудового договора, который является сугубо материально-правовым (порядок совершения действий потенциальным работником и работодателем не делает его процессом).

Можно приводить массу примеров использования законодателем процедурной формы. Однако совершенно очевидно, что процедура применяется во внесудебных действиях, имеющих признаки материальных правовых отношений. Полагаем, что процессуальные нормы — это более сложное явление, нежели процедурные нормы, вкрапленные в материальные отрасли права, хоть и устанавливающие порядок совершения действий, но процессуальными не являющиеся.

Интерес представляет точка зрения на процедурные нормы О.В. Яковенко¹, которая в качестве главной цели правовой процедуры выделяет обеспечение реализации материальной нормы. Однако четко отграничить процедурную норму от процессуальной автору не удастся. Процедурные нормы лежат в основе протекания юридического процесса, который шире и может включать в себя какую-либо комплексную процедуру. В зависимости от конкретных условий правореализации процедуру можно рассматривать и как самостоятельную, предписанную нормами права последовательность совершения определенных действий, и как часть полномасштабного юридического процесса. Соотношение процедурных и процессуальных норм устанавливается через введение понятий «макропроцедура» и «микропроцедура», где «микропроцедура» — непосредственно процедурные нормы, дальнейшая реализация которых порождает «макропроцедуру» — процесс. По нашему мнению, такое весьма спорное соотношение не раскрывает юридических особенностей этих различных по своей природе инструментов.

Определяя место процессуальных норм среди других норм права, анализируем позицию Т.Ю. Баришпольской. Автор дифференцирует проце-

¹ См.: Лазарева О.В. Правовая процедура / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2004. С. 38.

дурные и процессуальные нормы права и называет их несколько иначе на основании соотносимости с материальными нормами. Поскольку процессуальные нормы аналогично процедурным, носят служебный характер, их задача заключается в воплощении материального предписания. Если служебная норма в конкретном правоотношении связана с регулятивной, она будет процедурной; если служебная норма связана с охранительной, она будет процессуальной. В результате автор приходит к выводу, что охранительные отношения и нормы всегда имеют специального субъекта — управомоченный орган, реализующий правоприменение¹.

Во многом соглашаясь с высказанным мнением, наиболее приемлемыми для использования в данном исследовании считаем варианты дефиниций процессуальных норм права, сформулированные в рамках «узкого» подхода к пониманию процесса. Процессуальными нормами признаются «издаваемые государством правовые предписания, направленные на регулирование общественных отношений, складывающихся в связи с необходимостью организовать процесс реализации материальных норм права и заключающие в себе правила поведения (в том числе регламентирующие сроки, формы документов, виды принимаемых решений и т.д.) субъектов, специально уполномоченных государством на осуществление юрисдикционной и иной правоприменительной деятельности, а также других участников процесса»².

Несмотря на допущенную автором ошибку в правилах формулирования дефиниции явления, в целом положительно оцениваем ее и полагаем, что она более точно и научно обоснованно отражает природу и пределы регулирования процессуальных норм. Правда, дополнение к указанной дефиниции, исходя из предложенного нами понимания предмета регулирования процессуального права, все же требуется.

¹ См.: *Баришпольская Т.Ю.* Гражданские процесс и процедура: (Понятие, служебная роль, проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1988. С. 99.

² *Колобкова Л.В.* Процессуальные нормы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Во-первых, не стоит расширять пределы регулирования процессуальных норм и указывать на всякую правоприменительную деятельность субъектов, которая регламентируется такими нормами, а только на связанную с реализацией охранительных отношений.

Во-вторых, основным субъектом, чья деятельность регламентируется процессуальными нормами, выступают органы судебной системы.

С учетом этих поправок и дополнений полагаем, что *процессуальные нормы права — это издаваемые государством правовые предписания, направленные на регулирование правоприменительных отношений охранительного характера, основным участником которых выступают судебные органы, осуществляющие деятельность посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства в целях защиты и восстановления оспариваемых или нарушенных прав и законных интересов участников общественных отношений.*

Признаки процессуальных норм права, отражающие их природу и назначение в системе права и обусловленные предметом и методом регулирования процессуального права, состоят в следующем:

1) сфера распространения и действия процессуальных норм связана с правоохранительной деятельностью государства, основным субъектом осуществления которой являются судебные органы;

2) в силу преимущественно властно-публичного характера отношений и императивного метода регулирования процессуальные нормы максимально категоричны в своих требованиях;

3) содержание процессуальных норм связано с установлением порядка и способа совершения действий участников правоприменительных отношений охранительного характера, а также конечной формы их выражения;

4) особенности структуры процессуальных норм не выходят за рамки представлений о строении иных правовых норм, но связаны со спецификой гипотез и санкций. Первые определяются содержанием материальных норм,

их применением, что еще раз подчеркивает первичность материального предписания и служебный характер процессуального, указывает на существование между ними генетической связи. Кроме того, у нескольких процессуальных норм может быть одна общая гипотеза. Например, в тексте ст. 6 УПК РФ различимы два нормативных предписания, сформулированных в виде диспозиций. Вторые имеют ряд особенностей. Санкции процессуальных норм построены так, что они представляют собой отдельные предписания и обеспечивают исполнение нескольких процессуальных норм; преимущественное распространение имеют восстановительные санкции (отмена процессуального акта, принятого в нарушение данной процессуальной нормы, признание доказательства, полученного с нарушением закона, недопустимым, оставление заявления или жалобы без движения, признание недействительными, юридически ничтожными действия, не соответствующие требованиям процессуальной нормы, и др.);

5) процессуальные нормы имеют особенности в связи с формами их реализации, которые представлены преимущественно исполнением и правоприменением.

Для наиболее полного раскрытия вопроса о процессуальных нормах обратимся к их классификации, которая позволяет установить место каждого вида юридических установлений в системе российского права, более четко показать его системообразующие связи, в том числе с материальными нормами, а также определить их функции в механизме правового регулирования.

В литературе предложено достаточно вариантов оснований классификации процессуальных норм. Все они так или иначе базируются на эмпирических данных и анализе действующего законодательства, а потому меньше подвержены вероятности ошибки.

Выделение видов или групп процессуальных норм можно проводить по следующим основаниям:

по отраслевой принадлежности;

по уровню обобщения — нормы-принципы, нормы-дефиниции; нормы-задачи;

по времени действия;

по функциональной роли;

по характеру предписания (регулятивные и охранительные);

по сфере действия (конкретный процесс);

по степени общности (общие и специальные).

Еще один аспект рассмотрения процессуального права важен, на наш взгляд, в данном исследовании и касается он системы процессуального права. Система права — сложное образование не только по строению и входящим в нее элементам, но и по структуре. Составляющие ее части сами обладают признаками системности и выступают подсистемами по отношению к ней. Это касается и процессуального права, системная общность норм которого, а также имеющиеся результаты их кодификации, лишь подтверждают существование системы процессуального права, системный характер которого не подвергают сомнению представители всех упомянутых подходов к пониманию процесса, говоря об отраслях процессуального права, об институтах, об иных комплексах норм в его системе. Однако понимание системы процессуального права в их исследованиях различно. Так, авторы идеи общего юридического процесса полагают, что каждой материально-правовой отрасли права соответствует самостоятельная отрасль либо подотрасль процессуального права¹ или, по крайней мере, в любой материально-правовой отрасли имеются процессуальные образования (институты) или даже процессуальные нормы, выполняющие функции процедурного обеспечения их реализации.

Представители «узкого» понимания юридического процесса связывают понимание системы процессуального права с имеющимися кодифицирован-

¹ См.: Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. С. 39–40.

ными процессуальными отраслями и полагают, что она представлена уголовно-процессуальным, гражданским процессуальным правом и административно-процессуальным правом¹.

Полагаем, что последняя из приведенных точек зрения заслуживает поддержки, максимально соответствует сложившейся ситуации соотношения системы права и системы законодательства, а также и нашей концепции понимания процессуального права, изложенной выше. Однако она требует уточнения в связи с положениями ст. 118 Конституции РФ и конкретизации вопроса об уровнях и результатах интеграции процессуальных норм.

Решение этой задачи, полагаем, должно быть основано на анализе генетических связей норм и отраслей современного процессуального права, их сходства и различий, а также норм действующего законодательства. Этот анализ показал, что в системе процессуального права наличествует две самостоятельные и полноценные процессуальные отрасли — гражданское процессуальное и уголовно-процессуальное право. С определенными оговорками отраслями процессуального права можно назвать конституционно-процессуальное и административно-процессуальное право. В основу такого заключения нами положены ранее звучавшие рассуждения о том, что процессуальная отрасль права характеризуется особенностями предмета и метода правового регулирования, наличием кодифицированного процессуального акта, а также существованием системы специализированных судебных органов. Всем названным условиям отвечают в полной мере две названные отрасли процессуального права. Что же касается двух остальных, то конституционно-процессуальное право не обеспечено кодифицированным актом, а административно-процессуальное — системой органов правосудия. При определении статуса этих комплексов процессуальных норм необходимо учитывать сказанное.

¹ См.: *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право. М., 1972. С. 51.

Рассуждения о количестве процессуальных отраслей не могут обойтись без освещения ситуации вокруг совокупности арбитражно-процессуальных норм, которые претендуют на отраслевой статус. В этом вопросе мы склоняемся к позиции М.А. Мовсумова, который считает арбитражное процессуальное право подотраслью гражданского процессуального права, обосновывая свой вывод содержанием ст. 118 Конституции РФ, которая не называет арбитражное судопроизводство в качестве самостоятельного вида. Имеющееся в ст. 71 Конституции РФ упоминание арбитражного законодательства наряду с гражданским процессуальным не отождествляет его с судопроизводством; схожестью принципов рассмотрения дел арбитражными судами с принципами рассмотрения дел в судах общей юрисдикции; схожестью структуры и содержания кодифицированного арбитражного процессуального акта с Гражданским процессуальным кодексом¹.

Еще одним срезом системы процессуального права, без упоминания о котором рассуждения о ней были бы неполными, выступает еще меньший уровень подсистемы — системность самой отрасли. В любой процессуальной отрасли права между ее нормами обнаруживаются логические и функциональные связи, детерминирующие расположение норм в ней. Дифференциация всех норм по уровню общности дает нам общие и специальные нормы. Например, среди всей совокупности гражданских процессуальных норм выделяются общие для производства по гражданским и арбитражным делам и всех стадий гражданского процесса. Это нормы, определяющие задачи судопроизводства, закрепляющие принципы гражданского процесса, устанавливающие круг лиц, участвующих в гражданском деле, доказательства, процессуальные сроки, вызовы и извещения, и т.д. Такие нормы, по нашему мне-

¹ См.: Мовсумов М.А. Гражданское процессуальное право Азербайджана и России (опыт системного и сравнительно-правового анализа): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 30–31.

нию, образуют Общую часть гражданского процессуального права. Как правило, они расположены в «Общих положениях» ГПК РФ.

Стадийность процессуальной деятельности лежит в основе объединения норм в группы, то есть комплексы специальных норм, регламентирующих производство по делу в различных инстанциях. Совокупность таких норм образует Специальную часть гражданского процессуального права.

То же самое наблюдается и в подсистеме уголовно-процессуального, административно-процессуального права.

Следующий уровень подсистемы процессуального права — уровень институтов. Институт представляет собой совокупность процессуальных норм как общего, так и специального, конкретизирующего характера, регулирующих одну небольшую, но устойчивую группу правоприменительных отношений охранительного характера, отличающихся своим единством, относящимся к предмету регулирования процессуальной отрасли права. Сложные институты включают в свой состав субинституты, которые занимают не последнее место в ряду состава процессуального права, за ними находятся более мелкие объединения норм.

Таким образом, процессуальное право, будучи составной частью системы права, представляет собой по отношению к ней подсистему процессуальных норм, объединения которых в ней в свою очередь образуют еще более мелкие подсистемы. Поэтому можно говорить, по крайней мере, о четырех срезах и уровнях:

- 1) уровень всего процессуального права;
- 2) уровень отрасли процессуального права;
- 3) уровень института процессуального права;
- 4) уровень ассоциации процессуальных норм;
- 5) уровень отдельной процессуальной нормы.

Такая градация объективна и лишней раз подчеркивает логическую целостность системы российского права.

ГЛАВА V. ФУНКЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Функционирование системы права представляет собой многосложный процесс, подчиняющийся определенным закономерностям. Изучение диалектики взаимодействия материального и процессуального права будет неполным без предварительного изучения вопроса о выполняемых ими функциях. Безусловно, материальное и процессуальное право в единстве осуществляют общие функции, присущие всей системе российского права. Однако этот факт не снимает с повестки дня проблему их отдельного функционирования в ранге относительно самостоятельных подсистем нормативно-правовой материи. Изучение специфики их функционирования позволяет точнее и глубже проникнуть в понимание вопросов диалектического взаимодействия материального и процессуального права. Отражение функциональных связей в системе права на уровне материального и процессуального компонентов в отечественной теории права по настоящий момент выступает актуальной, но слабо изученной проблемой, что обуславливает наше внимание к ней.

Исходные моменты учения о функциях права. Исследование категории функции в советской юридической науке берет свое начало с 50-х годов XX в. в трудах отечественных ученых-правоведов, сначала применительно к государству и праву, а затем — и к другим фундаментальным понятиям. Одними из первых таких работ были труды известных ученых-теоретиков права: Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева¹, М.И. Байтина², Б.М. Лазарева³,

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 63.

² См.: Байтин М.И. К вопросу об основных функциях советского государства // Научная конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1958 год. Саратов, 1959. С. 20–26; Его же. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979.

³ См.: Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972; Его же. Теоретические вопросы компетенции органов советского государственного управления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973.

Л.И. Каска¹, И.Е. Фарбера², Т.Н. Радько³, И.С. Самощенко⁴, Н.В. Черноголовкина⁵ и др.

Параллельно с функциями государства в литературе 60-80-х годов прошлого столетия активно начинается такая близкая категория как «функции права». По этому поводу В.П. Реутов писал: «В современной литературе впервые категория функции права получила права гражданства в 60-е годы, в работах С.С. Алексеева и И.Е. Фарбера. Если С.С. Алексеев подчеркивал, что функция права — это юридическое назначение права для тех или иных общественных отношений, то И.Е. Фарбер упор делал на социальное назначение или основные направления воздействия права. Дальнейшее развитие теория функций получила в работах Т.Н. Радько»⁶.

К 80-ым годам XX века оформляется несколько точек зрения относительно понятия функция права. Под ними понимают «либо социальное назначение права, либо направления правового воздействия на общественные отношения, либо и то и другое вместе взятое»⁷. Вполне приемлемо и правильно, на наш взгляд, согласиться с Т.Н. Радько, являющимся сторонником последнего варианта понятия функции права, и наиболее последовательным его апологетом.

¹ См.: *Каска Л.И.* К вопросу о функциях государства // Вопросы государства и права / отв. ред. В.С. Петров. Л., 1964. С. 66–80; *Его же.* Функции и структура государства / отв. ред. Д.А. Керимов. Л., 1969; *Его же.* Системный подход в познании государства и права // Правоведение. 1977. № 4. С. 31–40.

² См.: *Фарбер И.Е.* Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм. Некоторые вопросы теории государства и права в современный период: сборник статей / под ред. Д.А. Керимова. М., 1962. С. 117–147; *Его же.* О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 38–47.

³ См.: *Радько Т.Н.* О разработке проблемы функций социалистического права // Ученые записки Саратовского юридического института. Саратов, 1966. Вып. 14. С. 36.

⁴ См.: *Самощенко И.С.* О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. М., 1956. № 3. С. 81–91.

⁵ См.: *Черноголовкин Н.В.* Социалистическое государство: сущность и функции // Советское государство и право. М., 1968. № 6. С. 23–30; *Его же.* Теория функций социалистического государства. М., 1970.

⁶ *Реутов В.П.* Функциональная природа системы права. Пермь, 2002. С. 7.

⁷ *Радько Т.Н.* Функции права // Теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 130.

Говоря о соотношении функций государства и функций права, следует поддержать точку зрения В.П. Реутова, отмечающего, что «сравнение функций государства и функций права, базирующееся на близком родстве государства и права, вовсе не означает полного тождества их содержания и единообразия подходов к изучению проблем функциональной характеристики государства и права»¹.

Большой вклад в становление функции как правовой категории внесли также работы, посвященные функционированию иных явлений: правовой системы, механизма правового регулирования, правового воздействия, правового регулирования и др.²

Исследуя историю становления понятия функций права, В.П. Реутов писал: «Логичен вывод о правомерности существования наряду с понятием функции права (правового регулирования) понятия функции правового воздействия (правовой системы)»³. Далее он формулирует весьма схожие определения этих понятий⁴, подчеркивая, «что в реальной действительности функции права и функции правовой системы настолько тесно взаимосвязаны, что их разграничение лишено какого-либо практического смысла. Они просто совпадают» и отмечая, что «разграничение это может иметь значение

¹ Реутов В.П. Функциональная природа системы права. С. 18.

² См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; Витченко А.М. Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1968. Вып. 1; Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 20 и др.; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 177 и др.; Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 23 и др.

³ Реутов В.П. Функциональная природа системы права. С. 14.

⁴ Так, В.П. Реутов определяет функции права следующим образом: «Функции права (правового регулирования) — это вытекающие из сущности, определяемые социальным назначением и теми объектами, на которые они нацелены, направления воздействия права и системы правовых средств на общественную жизнь. А функции правовой системы (правового воздействия) — это вытекающие из сущности, определяемые социальным назначением и теми объектами, на которые они нацелены, направления воздействия всех правовых явлений на социальную действительность». По мнению автора, «в указанных определениях отражены сущностные признаки функций права и правовой системы» (Реутов В.П. Функциональная природа системы права. С. 15–16).

лишь при анализе различий, связанных с особенностями воздействия правовых явлений на некоторые объекты социальной действительности. ... обусловлено наличием у правовой системы специфических функций, направленных не столько на решение целей правового воздействия, но осуществляемых как бы попутно, наряду с осуществлением функций права»¹.

Прежде чем приступить собственно к проблеме функциональной характеристики материального и процессуального права, необходимо в краткой форме обратиться к вопросу о видовом составе функций права в целом. В юридической литературе представлены различные точки зрения о критериях и видах функций права. Наряду с наиболее распространенным их подразделением на общесоциальные и специально юридические² функции права можно классифицировать по степени важности и широте охвата воздействием на основные и производные (вспомогательные)³; по принадлежности тем или иным структурным единицам права на общеправовые, межотраслевые, отраслевые, функции институтов и норм права⁴; по объекту воздействия — функции, воздействующие на поведение, на психику людей, на отдельные сферы жизнедеятельности⁵; в зависимости от направленности воздействия внутрь или за пределы национальной правовой системы на внутренние и внешние⁶; по продолжительности действия — на постоянные и временные¹.

¹ Реутов В.П. Функциональная природа системы права. С. 16.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 190–191; Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 38 и др.

³ См.: Байтин М.И. Функции права. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 157–158; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2001. С. 586; Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 2001. С. 525–526.

⁴ См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 87–88; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2001. С. 586; Радько Т.Н. Функции права // Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 272; Его же. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. С. 9.

⁵ См.: Пьянов Н.А. О понятии и классификации функций права // Сибирский юридический вестник. 2000. № 4. С. 36–37.

⁶ См.: Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М., 2006. С. 55–58 и др.

Думается, что далеко не все классификации равнозначны для отражения действительно сущностных аспектов в понимании функционирования права. Подразделение функций права на общесоциальные и специально-юридические доминирует в учебной и научной юридической литературе. Однако и оно имеет своих сторонников и противников. Часть исследователей занимают промежуточную позицию, высказывая отдельные критические замечания в его адрес, но все же признавая научное значение данной классификации и определенную продуктивность в исследовании природы права².

Присоединяясь к последней точке зрения, отметим определенное несовершенство рассматриваемой классификации, ибо именно посредством специально-юридических функций и осуществляются общесоциальные направления воздействия права — экономическое, политическое, культурное, воспитательное (идеологическое) и др. Осуществление одной группы функций посредством другой уже содержит в себе определенную трудность в их разделении на самостоятельные блоки, свидетельствуя о некоей искусственности и условности подобной градации. Однако с учетом современного знания о природе и функциях права рассматриваемая классификация все же несет в себе эвристический заряд и отражает ряд закономерностей связи системы права с иными сферами общественной жизни.

В целях настоящего исследования наибольший интерес вызывает анализ специально-юридических функций, которые несмотря на их общеправовой характер также присущи и материальному, и процессуальному праву. Достаточно проблематично оспорить наличие регулятивной и охранительной

¹ См.: *Реутов В.П.* О функциях права и правового регулирования // Актуальные проблемы Советского государства и права. М., 1974. С. 45.

² См. о критике классификации функций права на общесоциальные и специально-юридические: *Барнашева Л.П.* Воспитательная функция права развитого социализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 86; *Малахов В.П., Палазян А.С.* Функциональная характеристика права: вопросы методологии. М., 2009. С. 219; *Медведев Е.В.* Классификация функций права // История государства и права. 2012. № 6. С. 6–10; *Палазян А.С.* Сущностные функции позитивного права // Адвокатская практика. 2009. № 5. С. 14–17; *Пьянов Н.А.* Указ. раб. С. 36–37 и др.

функций у названных частей системы права. При этом следует задаться вопросом о возможной специфике осуществления данных функций у материальных и процессуальных нормативно-правовых предписаний. Другим важным моментом в исследовании функциональной природы права считаем необходимость совместного рассмотрения двух взаимодополняющих в теории классификаций, как подразделяющей воздействие права на общесоциальное и специально-юридическое, так и выделяющей функции у частей и элементов системы права. Анализ сложной системы права как функционирующей субстанции будет неполным без учета тех функций, которые выполняются ее отдельными элементами на различных уровнях системной организации. Полагаем продуктивным дальнейшее развитие учения о функциях права именно в данном направлении, которое пока находится лишь на начальной стадии своей разработки. Особую роль может сыграть раскрытие функциональной специфики материального и процессуального права.

При ближайшем рассмотрении представляется вполне очевидным наличие различий в функционировании указанных правовых блоков. Так, возможность реализации прямого воздействия процессуального права на экономику, политику и иные сферы социальной жизни можно поставить под сомнение. Процессуальные отрасли права призваны в первую очередь обеспечить гарантированную реализацию самих материальных норм в случаях возникновения трудностей, препятствий в материально-правовом регулировании общественных отношений. Прямое же упорядочение экономических, политических, социально-культурных и иных социальных связей — прерогатива материальной составляющей системы права. Уже в этом нами усматриваются функциональные различия материального и процессуального права, создающие одновременно прочную основу для их диалектического взаимодействия. При этом полноценное осуществление каких-либо функций возможно только в результате их совместного действия, их функциональная самостоятельность все же весьма относительна.

Следует обратить внимание на саму идею дробления и конкретизацию общих функций права ввиду его системного строения. Одним из первых высказался за необходимость дальнейшей конкретизации функций права с учетом его системности Т.Н. Радько, отметив ограниченность описания с помощью лишь общеправовых функций всего многообразия форм и путей воздействия системы права на социальные отношения. По справедливому мнению ученого, любая общеправовая функция в определённой степени с необходимостью конкретизируется в функциях более низкого уровня¹. Эту идею поддержал и М.Н. Марченко, соглашаясь с возможностью раскрытия специфики функций у структурных частей и элементов системы права, которая определяется предметом и методом правового регулирования таких элементов, что, в свою очередь, свидетельствует о детализации общеправовой функции на более низких уровнях системного строения права в функциях его отраслей, институтов и норм².

Системное видение процесса функционирования права получило определенное развитие в работах Е.Г. Лукьяновой и Е.В. Медведева³. Последний высказывается за продуктивность конкретизации основных функций права в рамках изучения функций отдельных отраслей, подотраслей и институтов права, которые можно характеризовать как неосновные, составляющие дробную часть более общего направления правового воздействия.

Е.Г. Лукьянова еще более точно выражает свою позицию по рассматриваемому вопросу и называет следующие пять групп функций исходя из системной организации права:

 общеотраслевые, присущие праву в целом;

 межотраслевые, осуществляемые двумя и более отраслями права;

¹ См.: Радько Т.Н. Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 9.

² См.: Марченко М.Н. Указ. раб. С. 586.

³ См.: Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М., 2003. С. 87; Медведев Е.В. Указ. раб. С. 6–10.

отраслевые для какой-либо отдельной отрасли права;

функции правовых институтов;

функции, реализуемые на уровне отдельного вида норм права.

При этом автор оговаривает отдельно необходимость специального выделения функций и на уровне крупных подразделений, блоков системы права, к числу которых относит материальное и процессуальное право. Согласимся с мнением Е.Г. Лукьяновой об актуальности подобного подхода в теории права: «...Изучение функций правовых блоков и отраслей права — перспективная задача юридической науки, позволяющая выявить разностороннюю роль права в регулировании общественных отношений и дать более четкую характеристику данных структурных подразделений права»¹.

Отдельное рассмотрение функций материального и процессуального права не только позволяет глубже проникнуть в суть процесса его функционирования, но и понять один из важнейших аспектов диалектического взаимодействия данных правовых блоков.

С учетом изложенного представляется возможным констатировать, что в юридической литературе преимущественно освещаются вопросы функций права, подразделяемых традиционно на общесоциальные и специально-правовые, дается их характеристика. При этом лишь фрагментарно раскрывается проблематика функций и функционирования именно процессуального права в общетеоретическом ключе. Исключением в этом плане выступают работы Е.Г. Лукьяновой² и А.А. Бессонова³. В отношении материального права представители науки общей теории права и вовсе не поднимают вопрос о специфике его функций, по-видимому полагая достаточным наличия общего учения о функциях права в целом. В рамках настоящего исследования недостаточно общих наличных установок в отношении функционирования си-

¹ Лукьянова Е.Г. Указ. раб. С. 87–88.

² См.: Там же.

³ См.: Бессонов А.А. Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

стемы права. Следующим логическим шагом станет более детальное обращение к вопросу о специфике функций материального права.

Цели, задачи и функции материального права

Функциональная характеристика материального права, на наш взгляд, неотделима от вопроса его целей и задач. Отсутствие общетеоретических разработок по данному вопросу заставляет обратить внимание на практику законодательной регламентации целей и задач отдельных отраслей права, а также на труды представителей юридических наук, их изучающих. «Цель — задача — функция — результат» — схема теоретического описания, которая позволяет проследить процесс функционирования материального права в динамике от желаемого наиболее общего ориентира его воздействия вплоть до конечного результата.

Выделение целей у материального и процессуального права в виде обозначения проблемы можно обнаружить в трудах И.С. Самощенко, который подразделял цели права на материальные и юридические. Первые он характеризовал как некие ориентиры, располагающиеся вне правовой сферы, а последние определял в виде целей, «ближайшим объектом которых является само право, особенно его неуклонное исполнение и соблюдение»¹. Думается, что цели материального права как раз обращены в первую очередь за пределы самой правовой системы, направлены в сферу регулирования экономических, политических, социально-культурных и иных отношений. Цели процессуального же права концентрируются уже на организации собственно правовой сферы.

Наряду с целями следует учитывать и конкретизацию в задачах специфики материального права, определяющую набор его функций. Именно задачи выступают определяющим по отношению к функциям материального

¹ Никитинский В.И., Самощенко И.С. Некоторые теоретические вопросы изучения эффективности правовых норм. М., 1957. С. 8.

права фактором, направляющим процесс их реализации¹. Задачи, раскрывая промежуточные ориентиры по достижению генеральной цели, выступают основой для функций, служащих инструментом, алгоритмом по их воплощению в жизнь.

Обращаясь к действующей системе законодательства, обратим внимание на тот факт, что далеко не всякий материальный закон содержит прямое указание на цели его действия. Подобную правотворческую практику «бесцельного» регулирования вряд ли можно признать удачной.

К числу немногих актов материального права, содержащих специальное указание на цели его функционирования, следует отнести Трудовой кодекс РФ, ст. 1 которого в качестве цели трудового права фиксирует установление гарантий прав и свобод граждан, формирование благоприятных условий труда, а также защиту прав и интересов работников и работодателей. В этой же статье обозначены и основные задачи трудового законодательства в виде создания необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых правоотношений, а также правовое регулирование трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений.

Бросается в глаза дублирование во многом цели и задач трудового права. Четкой конкретизации цели в задачах данного материального закона не обнаруживается. Кроме того, установление гарантий вряд ли можно признать целью трудового законодательства. Гарантии и их установление — не цель, а средство правового регулирования. Однако несмотря на не вполне удачную законодательную формулировку, заметим, что основной задачей трудового права как отрасли материального права является именно регулирование трудовых отношений. Данный пример позволяет выдвинуть гипотетическое утверждение о наличии у материальных отраслей права в качестве домини-

¹ См.: Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 23.

рующей именно регулятивной функции, соответствующей обозначенной задаче.

Анализ же ст. 2 Уголовного кодекса РФ свидетельствует об установлении следующих задач: охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Данный пример выводит на первый план уже не регулятивную направленность воздействия материального права, а охранительную. В рамках последней выделяются отдельно общая и частная превенции. При этом уголовный закон не содержит единой цели своей реализации, а обозначение по сути единой задачи по охране основных социальных ценностей не позволяет сделать окончательный вывод о наборе выполняемых уголовным правом функций.

Во многих других нормативных актах материального права цели и задачи напрямую не формулируются. Они, как правило, выводятся лишь системным толкованием общих, отправных норм.

Обратимся к проблеме теоретического осмысления функциональной стороны природы материального права в трудах представителей отраслевых юридических наук. Так, в немногочисленных работах по гражданскому праву обращено внимание на взаимосвязь категорий предмет, метод правового регулирования, задачи и функции отрасли материального права: «Специфика предмета гражданско-правового регулирования, усиленная особенностями метода правового воздействия, влияет на специфику функций гражданского права. Первичным в этом воздействии является предмет гражданско-правового регулирования, абстрагируясь от которого невозможно обеспечить целостную систему отрасли гражданского права. Функции права вторичны в этом контексте, что означает производность функций права от регулируемых отраслью гражданского права общественных отношений. Однако сам по себе

предмет гражданско-правового регулирования не может отразить специфичность функций гражданского права»¹.

В определении функциональной направленности материального права важно учитывать не только цели и задачи, прямо или косвенно выраженные в соответствующих нормативных правовых актах, что порой осложнено субъективным видением самого законодателя, но и объективные детерминанты в установлении функций права в виде предмета и метода правового регулирования. В отраслевых науках материально-правового характера, включая и гражданское право, отсутствует единство мнений в вопросе определения понятия и классификации функций, присущих соответствующим отраслям права, что объясняется и общетеоретическим плюрализмом в трактовке общих функций права, и недостаточностью законодательной регламентации в данной сфере, и неполнотой изучения вопроса на отраслевом уровне.

Завершая рассмотрение соотношения связи предмета и метода правового регулирования с функциями отдельных частей права, согласимся с тем, что отраслевые особенности предмета правового регулирования проявляются в функциях отдельных отраслей материального права посредством установления особенностей способов и средств отраслевого регулирования, аккумулируемых в рамках соответствующего метода. Однако содержание понятия функций права шире в сравнении с понятием метода правового регулирования. В общей теории права, к сожалению, не до конца осознана необходимость в увязке учения о функциях права с вопросами его системного строения, а также с проблемами предмета и метода правового регулирования. В этой связи следует привести авторитетное мнение из области отраслевых наук, согласно которому именно в отраслевых методах права должны воспроизводиться

¹ *Васильев В.В.* Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тверь, 2014. С. 185–186.

главные особенности регулируемых правом социальных отношений, иначе ускользает из поля зрения сама суть регулятивной функции права¹.

Оценивая материальное право как единый правовой блок, следует признать в качестве ведущего направления его действия именно регулятивную функцию, которая по мере необходимости подкрепляется, обеспечивается реализацией охранительного воздействия. При этом регулятивное действие на наиболее значимые общественные отношения материальное право в отличие от процессуального осуществляет напрямую, организуя и упорядочивая тем самым ту или иную сферу общественной жизни — экономическую, политическую, культурную и т.д.

Подчеркивая особое значение регулятивной функции для отраслей материального права, не стоит сводить само понимание функции права к исключительно регулятивному действию. Так, не вполне точно дает определение функции гражданского права В.В. Васильев, признавая, что «...функции гражданского права представляют собой направления воздействия, имеющие своей целью регулирование общественных отношений, результатом которого являются эффективное функционирование гражданского оборота, построение отношений между субъектами гражданского права на началах равенства, договорной свободы и взаимной ответственности»². С одной стороны, подобное утверждение все же нивелирует многообразие функций, осуществляемых материальным правом, включая и гражданское. С другой стороны, оно вполне обоснованно ориентирует на генеральное направление функционирования материального права — регулятивное.

Справедливости ради необходимо упомянуть и о критических замечаниях выделения у права в целом и у его отдельных частей регулятивной функции. Так, отмечается невозможность разделения на самостоятельные ча-

¹ См.: Развитие советского гражданского права на современном этапе / Н.С. Малеин, В.П. Мозолин, И.П. Прокопченко, А.А. Рубанов и др.; отв. ред. В.П. Мозолин. М., 1986. С. 45.

² *Васильев В.В.* Указ. раб. С. 185–186.

сти регулирования и охраны в функционировании права, ибо охрана выражается также в надлежащем регулировании, и наоборот — осуществление регулятивной функции невозможно без охраны¹. Развивая эту мысль, отдельные ученые утверждали, что сам термин «регулятивная» в отношении функции права является несостоятельным по причине тавтологичности с учетом наличия категории «правовое регулирование», что не добавляет, по их мнению, точности и определенности в использовании понятийного аппарата юриспруденции. Учитывая отмеченное замечание, в литературе была высказана позиция о переименовании регулятивной функции в функцию организации и преобразования общественных отношений с одновременным выделением функций охраны общественных отношений и воспитательной².

Наряду с этим общепризнанным стало предложенное С.С. Алексеевым внутреннее структурное подразделение регулятивной функции на статическую и динамическую составляющие. По его мнению, регулятивная статическая функция права выражается преимущественно в его воздействии на общественные отношения посредством закрепления в правовых институтах прав и обязанностей, а регулятивная динамическая функция заключается в реальном движении правоотношений³. В более поздних работах ученый также предложил именовать ее функцией организации⁴. Главное преимущество подобного подхода состоит в том, что он дал старт рассмотрению проблемы неоднородности самой регулятивной функции и возможности ее разделения на подфункции, что служит, на наш взгляд, одним из основных направлений дальнейшего развития учения о функциях права наряду с системным выделением специфики функционирования его отдельных частей и элементов.

¹ См., например: *Тархов В.А.* Избранные труды. М., 2008. С. 342.

² См.: *Максименко С.Т.* Функции советского гражданского права // Актуальные вопросы советской юридической науки: в 2 ч. Саратов, 1973. Ч. 2. С. 6–7; *Рыбаков В.А.* О функциях гражданско-правового регулирования // *Гражданское право*. 2009. № 1. С. 17–20.

³ См.: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 96–97.

⁴ См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. М., 2008. С. 132.

Однако в общей теории права¹ и в отраслевых правовых исследованиях тенденция по раскрытию системного функционирования права достаточно быстро сменилась формальным анализом вопроса и стремлением выделения как можно большего числа функций у права и их отдельного рассмотрения, что отчасти необходимо, но далеко не всегда способствует качественному росту научного знания.

Выдвигаемые классификации функций права порой не производили размежевания между общесоциальными и специально-юридическими направлениями его действия, что вызывало одновременное выделение в рамках одного ряда организационно-преобразовательной, охранительной и воспитательной функций у отраслей материального права².

Часть исследователей, не обращаясь к проблеме структурной сложности охранительной функции права, не вполне оправданно предлагают выделять наряду с ней в качестве самостоятельных компенсационную и восстановительную функции права³.

Рассматривая проблемы специфики функций материального права на примере отдельных отраслевых наук, следует отметить их тяготение к обще-

¹ См., например: *Абрамов А.И.* Проблемы реализации регулятивной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005; *Барнашова Л.П.* Указ. раб.; *Власенко И.А.* Компенсационная функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995; *Грищенко М.В.* Воспитательные функции в отечественной педагогике и юриспруденции. СПб., 2000; *Бадоев М.Т.* Демографическая функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004; *Данченко А.А.* Превентивная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2002; *Дорофеев Д.Ю.* Права человека и функции российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998; *Новиков М.В.* Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004; *Самыкин С.С.* Охранительная функция права в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; *Торопов А.А.* Восстановительная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998; *Цикаришвили О.Г.* Охранительная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008; *Чумак Л.А.* Природа и механизмы реализации охранительной функции советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1986; *Чернявский А.Г.* Экономическая функция права в условиях формирования рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; *Чернявский А.Г., Погребная Ю.К.* Идеологическая функция права. М., 2015 и др.

² См.: *Рыбаков В.А.* Указ. раб. С. 19.

³ См.: *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. С. 45.

теоретической схеме деления функций на регулятивные и охранительные в качестве апробированной познавательной модели. Однако при этом следует учитывать весьма важное замечание В.В. Васильева: «Это обстоятельство никоим образом не позволяет считать разрешение данного вопроса окончательным, поскольку внутреннее содержание регулятивной и охранительной функций гражданского права нуждается в существенной корректировке с учетом детерминирующих связей с другими отраслевыми системообразующими факторами»¹.

Специалисты в отдельных областях отраслевого правового знания осознают тем самым потребность в более углубленном изучении функций в отношении отдельно взятой отрасли материального права, но попытки более детализированного представления данного вопроса имеют единичный и незавершенный характер, что, в свою очередь, делает весьма проблематичным нахождение специфики функционирования материального права в целом. Заслуживают внимания лишь отдельные интересные идеи о перспективности выделения у регулятивной функции материальных отраслей права собственных подфункций как более частных направлений правового воздействия на общественные отношения. К примеру, подобная позиция озвучена Д.Г. Хецуриани, который полагает, что регулятивная функция находит свое выражение в соответствующей системе подфункций. В их числе автор называет правонаделительную, инициативную, стимулирующую и диспозитивную подфункции². Сама мысль о системной конкретизации регулятивной функции материального права в ее подфункциях плодотворна, но ее реализация в представленном Д.Г. Хецуриани виде вызывает критические замечания. Во-первых, подфункции гражданского права фактически отождествляются то с методом правового регулирования, то со средствами правового стимулиро-

¹ Васильев В.В. Указ. раб. С. 196.

² См.: Хецуриани Д.Г. Функции советского гражданского права (теоретические проблемы понятия и системы) / отв. ред. Т.А. Лилушвили. Тбилиси, 1990. С. 84–89.

ванья, то и вовсе (на примере инициативной подфункции) с характеристикой объекта (предмета) правового регулирования, коей выступает инициативная деятельность субъектов гражданского оборота.

Беглый обзор воззрений представителей науки гражданского права в отношении функциональной характеристики соответствующей отрасли права подтверждает наличие в качестве важнейшей функции материального права регулятивного воздействия, но не позволяет сделать окончательные выводы о ее содержательной специфике по сравнению с одноименной функцией, выделяемой и у процессуального права. В этом направлении необходимо продолжить исследования.

Изначально можно предположить, что процессуальное право осуществляет регулятивное действие на принципиально иной основе в сравнении с материальным правом. В отношении материального права полагаем удачным использовать термин «регулятивная функция», а в отношении процессуального права его регулирующее действие связано преимущественно с организацией процедур, обеспечивающих в итоге беспрепятственную реализацию материальными предписаниями своей прямой регуляции общественных отношений, что уже при первом приближении свидетельствует о диалектике функционального взаимодействия рассматриваемых правовых блоков.

Прямого регулятивного воздействия на общественные отношения процессуальное право не оказывает, его функции направлены во внутрь правовой системы, на преодоление препятствий в начавшемся или начинающемся процессе реализации норм материального права. При этом процессуальное право не регулирует напрямую общественные отношения, входящие в предмет отдельных отраслей материального права, а имеет свой собственный предмет, в первую очередь связанный с разрешением спорных, конфликтных ситуаций, обеспечивая тем самым преодоление препятствий, трудностей в реализации материального права. Можно вообще предложить закрепить в

теории классически выделяемые общесоциальные и общеправовые функции исключительно за материальным правом, а для процессуального права выделить особые специфические или избрать некий третий вариант решения теоретической проблемы. Необходимо отметить тесную взаимосвязь метода правового регулирования и функций материального права. В целом при разрешении обозначенных проблем необходимо учитывать две цепи связей «цели — задачи — функции материального права» и «предмет правового регулирования — метод правового регулирования — функции материального права», что по аналогии можно применить и для исследования процессуального права. Именно регулятивная функция материального права наиболее тесно связана с методом и предметом правового регулирования, отражая тем самым содержательные особенности материально-правового воздействия на общественные отношения в той или иной социальной сфере.

В этой связи следует согласиться с позицией В.В. Васильева, рассматривающего на примере гражданского права указанную зависимость: «... Регулятивная функция гражданского права тесно связана с методом гражданско-правового регулирования и принципами гражданского права, отражая их сущностное содержание в направленности гражданско-правового воздействия. Эта связь настолько очевидна, что содержание регулятивной функции гражданского права целесообразно рассматривать посредством анализа признаков метода гражданско-правового регулирования и сущностного содержания принципов. Действительно, регулятивная функция основана на предоставлении участникам гражданского оборота максимальной автономии и это является воплощением диспозитивных начал, свойственных методу гражданского права. В то же время диспозитивность связана с принципом юридического равенства, автономии воли, доказывая функциональную ценность

гражданско-правового детерминизма на уровне отраслевых системообразующих факторов»¹.

Раскрытие охранительной функции в отношении материального права в отраслевой литературе осуществляется посредством указания на такие направления воздействия, как охрана прав и свобод, восстановление права, превенция, репрессия, профилактика. Помимо этого, выделяются отдельно правообеспечительная, воспитательная, сигнализационная, статутная, координационная и иные функции². Во всем многообразии позиций в отношении содержания и специфики охранительной функции отраслей материального права не наблюдается единой целостной концепции, что сопровождается одновременно смешением порой общесоциальных и специально-юридических функций права, дублированием направлений воздействия, неразвитостью идеи о структурной сложности и многоаспектности данной функции, неправомерным отождествлением понятия «охрана» с категориями «защита» и «ответственность».

Дополнительно к регулятивной и охранительной составляющим функционирования материального права выдвигаются положения о необходимости выделения и иных функций. Так, В.В. Васильев предлагает в качестве новой функции гражданского права вычленить функцию обеспечения нравственности³. Согласимся с утверждением о наличии определенных регулятивных связей между материальным правом и нормами нравственности (морали), их взаимное обеспечение имеет место быть в практике общесоциального регулирования отношений.

Возникает лишь вопрос: является ли обеспечение нравственности самостоятельной функцией материального права, да еще и наряду с такими

¹ *Васильев В.В.* Указ. раб. С. 197.

² Подробнее об этом см.: *Васильев В.В.* Указ. раб. С. 202; *Рыженков А.Я.* Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 12. С. 45.

³ См.: *Васильев В.В.* Указ. раб. С. 203–205 и др.

направлениями его действия, как регулятивное и охранительное? Думается, что и в этом случае допускается смешение общесоциального воздействия права и специально-юридического. Кроме того, обеспечение нравственных начал не является основной задачей отраслей материального права. Напротив, они сами в большей степени опираются на категории морали, что имеет место быть и в отношении конституционного, гражданского, уголовного, административного, трудового права и других отраслей. Раскрытие функционального взаимодействия права и иных социальных регуляторов составляет отдельную проблему, которую вряд ли оправданно смешивать с собственно юридическими вопросами функционирования права. Выделять функцию обеспечения нравственности у гражданского права нет жесткой необходимости. Подобную позицию следует подвергнуть критике, ибо отмеченную функцию гражданское право не выполняет в реальности и не призвано ее выполнять. При этом не следует смешивать вопросы регулятивного действия права с обеспечением норм нравственности, ибо последние обеспечиваются, как известно, преимущественно общественным порицанием. Их взаимодействие имеет место быть, но не в таком качестве.

В целях полноты исследования необходимо кратко проанализировать знания, накопленные в отношении функционирования права и в рамках других отраслей материального права. Обратимся к функциям конституционного права. Здесь зачастую этот вопрос увязывается с функциями самой Конституции РФ, что в определенной мере можно признать справедливым. Анализ функциональной характеристики конституционного права свидетельствует о существенном своеобразии данной отрасли материального права. В качестве ее специфической особенности вполне отчетливо просматривается наличие системообразующей и учредительной функций¹, что требует учета в общетеоретическом обобщении в отношении материального права в целом как от-

¹ См.: *Петрова А.В.* Основные функции Конституции Российской Федерации (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

носителем самостоятельной подсистемы права. Все это демонстрирует нам определенную неоднородность функционирования в системе материального права, делает необходимым отражение различных специфических функций у ряда основных отраслей материального права в рамках единой конструкции.

Конституционное право, выступая ядром системы российского права, выполняет важнейшую функциональную нагрузку по системной организации не только материального, но и процессуального права. Оно несет в себе организующее начало, обеспечивает единство, взаимосвязь и сбалансированность материального и процессуального права, стабильность нормативно-правовой базы, ее согласованность. Отмеченные функциональные свойства конституционного права и составляют содержание системообразующей ее функции.

В целом на примере конституционного права у материального права можно также выделить учредительную функцию по отношению к процессуальному праву. Именно материальные предписания Конституции РФ определяют основы судебной системы и юридического процесса, виды судопроизводств, устанавливают общие принципы для процессуального права и учреждают его важнейшие правовые институты, включая право на судебную защиту.

В рамках настоящей работы позволим себе абстрагироваться от таких общесоциальных функций, выполняемых конституционным правом, как политическая, экономическая, идеологическая и другие, ибо данные направления воздействия не отражают напрямую сути деления права на материальное и процессуальное, не содержат собственно юридических аспектов их функционирования. При этом полагаем возможным встроить учредительную и системообразующую функции материального права в качестве подфункций его регулятивного направления действия.

Рассмотрев функциональную характеристику материального права, обратимся к проблеме специфики функций процессуальной составляющей си-

стемы российского права. В общей теории права лишь вскользь упоминается специфика функциональной природы процессуальной составляющей правового регулирования. Так, А.А. Бессонов выделяет следующие функции у процессуальных норм права: процедурно-обеспечительную, организационную, регулятивную, охранительную, организационно-управленческую, восстановительно-компенсационную и воспитательную¹. В целом предлагаемый набор функций процессуальных норм права во многом дает верное представление и о функционировании процессуального права в целом. Однако у автора наблюдается некоторое дублирование организационной и организационно-управленческой функций. Не вполне ясно их различие в авторской интерпретации при схожести наименования. При этом А.А. Бессонов не разделяет в рассматриваемом наборе функций общие, свойственные всей системе права, и специализированные, присущие именно процессуальным нормам.

Далее оговоримся, что, прежде чем вести речь о функциях процессуального права, необходимо определиться изначально с его целями и задачами по аналогии с материальным правом.

Обзор отраслевого процессуального законодательства позволяет сопоставить теоретические наработки по функциям процессуального права и теми задачами, которые ставит перед ним сам законодатель. Так, в ст. 2 ГПК РФ установлено, что задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. При этом гражданско-процессуальное регулирование должно способствовать

¹ Подробнее об этом см.: *Бессонов А.А.* Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 8.

укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

В ст. 2 АПК РФ в качестве задач судопроизводства в арбитражных судах закреплено следующее:

защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

формирование уважительного отношения к закону и суду;

содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

При анализе законодательных сентенций все же бросается в глаза отсутствие единой системы задач процессуально-правового регулирования, их неравнозначность, а также отождествление с принципами права и требованиями законности.

Мы поддерживаем теоретическое моделирование общепроцессуальных задач, предложенное Е.Г. Лукьяновой, по мнению которой процессуальное право решает следующие задачи:

установление материально-правового отношения, связанного с применением материального закона;

всестороннее исследование обстоятельств разрешаемой ситуации и достижение материальной (объективной) истины по делу;

применение материального закона в соответствии с принципом справедливости;

защита прав и законных интересов участвующих в деле лиц;

осуществление конституционного контроля за нормативными актами и правоприменительной практикой¹.

В данной позиции наблюдается большая системность и проведенное автором обобщение задач ряда отраслей процессуального права. Кроме того, в общих чертах проявляет себя и связь процессуального права с материальным в виде направленности первого на обеспечение реализации последнего.

В рамках настоящего исследования особый интерес вызывают именно *специально-юридические функции процессуального права*, к числу которых предварительно можно отнести процедурно-обеспечительную, восстановительно-компенсационную и организационно-управленческую. Первая из указанных функций напрямую отражает характер функциональной связи процессуальных предписаний с нормами материального права. Речь идет об обеспечении процедурой реализации норм материального права. Однако возникает вопрос о полноте отражения взаимосвязи процессуального и материального права в ходе подобной функциональной характеристики. Думается, что в данном случае требуется продолжение изысканий. Вполне очевидной представляется более специализированная функциональная направленность у процессуального права по сравнению с материальным. Если предписания материально-правового характера несут в первую очередь общерегулятивную нагрузку, выполняя тем самым известные нам общесоциальные функции права, то процессуальные нормы обращены преимущественно внутрь право-

¹ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. раб. С. 87.

вой системы, имея своим основным предназначением обеспечение работы материального права и самого механизма правового регулирования.

Е.Г. Лукьянова справедливо отмечая относительную самостоятельность процессуального права, выражающуюся в том числе и в выполняемых им функциях, в качестве важнейшего направления его воздействия на общественные отношения выделяет охранительную функцию¹. Охранительная направленность процессуально-правового регулирования выдвигается автором на первый план. Охранительная функция, в свою очередь, подразделяется на ряд подфункций: компенсационную (или правовосстановительную), превентивную, штрафную (или карательную), правоустановительную².

Однако следует задаться вопросом: является ли охранительная функция главенствующей среди иных направлений воздействия процессуального права? В отношении уголовного права ответ на данный вопрос не вызывает каких-либо затруднений. Процессуальные же отрасли права по своей природе и предназначению выполняют полифункциональную нагрузку, в которой наряду с охранительной функцией не менее отчетливо проявляет себя и организационно-управленческая составляющая его правового воздействия. В этой связи вряд ли правомерно умалить значение процедурно-обеспечительного и организационно-управленческого действия процессуального права по отношению к материальному. Доминирование охранительной направленности в ходе функционирования процессуального права Е.Г. Лукьянова подчеркивает и в предлагаемой ею дефиниции функции: «...Под функцией процессуального права будем понимать основное направление правового воздействия на общественные отношения, обусловленное его служебной ролью — регулированием юрисдикционной и иной охранительной деятельности уполномоченных субъектов»³. Далее автор поясняет, что охранительная функция процес-

¹ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. раб. С. 86, 90 и др.

² См.: Там же. С. 91–92.

³ Там же. С. 89.

суального права конкретизирует, развивает общеправовую охранительную функцию, выступая одной из основных.

В указанном определении функционирование процессуального права напрямую увязывается с регулированием охранительной деятельности специальных субъектов. При этом переплетаются термины «регулирование» и «охранительная деятельность». Кроме того, необходимо выявить различие в реализации охранительной функции отраслями материального и процессуального права. Думается, что такие различия имеют место в отношении, например, уголовного и уголовно-процессуального права. Ввиду этого можно признать недостаточным простое выделение у процессуальных отраслей права охранительной функции. Для уточнения функциональной специфики процессуального законодательства требуется одновременное рассмотрение и вопроса о диалектической его связи с материальным правом. В противном случае разница между охранительным действием материального и процессуального нормативного предписания ускользает от исследователя, не берется во внимание. В дополнительном обсуждении нуждается вопрос и о наименовании охранительного воздействия со стороны процессуального права на общественные отношения в целях обозначения его специфики в сравнении с материальным правом.

Выделяемые Е.Г. Лукьяновой подфункции в рамках рассматриваемой функции процессуального права заслуживают внимания, но и их обозначение можно подвергнуть критике. К примеру, определение карательной подфункции у процессуального права представляется достаточно дискуссионным. Карательное воздействие присуще в качестве одного из основных направлений функционирования уголовного права. Уголовное процессуальное право практически не содержит каких-либо специальных средств наказания. В последнем доминируют меры превентивного характера, а также компенсационно-восстановительные и организационно-процессуальные средства. Установление функциональной составляющей в характеристике материального и

процессуального права не должно приводить к их отождествлению, напротив — основная задача теоретического исследования видится в нахождении специфики и различий, благодаря которым и становится возможным диалектическое взаимодействие анализируемых блоков системы права.

В литературе также представлена точка зрения, согласно которой процессуальное право и юридический процесс выполняют ограничивающую функцию, что во многом перекликается по содержательной части с вышеупомянутым охранительным воздействием. По мнению А.В. Малько, процессуально право имеет преимущественно ограничивающее действие, осуществляя тем самым охрану и защиту высших социальных ценностей, а именно прав и свобод человека и гражданина. Ограничивающая функция процессуального права структурно подразделяется на охранительно-ограничивающее и защитно-ограничивающее воздействие. Охранительно-ограничивающий эффект процессуальное право оказывает посредством угрозы наказания и иных мер юридической ответственности, действуя превентивно, а защитно-ограничивающее направление воздействия реализуется в случае недостаточности превентивного в виде претворения угрозы наказания в жизнь, выступая второй ступенью охраны¹. По сути позиции А.В. Малько и Е.Г. Лукьяновой достаточно близки, различия носят преимущественно терминологический характер. Однако похожие характеристики функционального плана можно дать и в отношении норм материального права, имеющих охранительную направленность, что не позволяет провести четкую грань по функциональному действию между материальным и процессуальным правом. Кроме того, как верно отмечает Е.Г. Лукьянова, в теории права существует вполне обоснованное утверждение о том, что защита является составной частью охраны и выделение последних в качестве самостоятельных

¹ См.: *Малько А.В.* Ограничивающая функция юридического процесса // *Юриспруденция.* 1996. № 5. С. 4–6.

направлений в рамках ограничительной функции права представляется весьма дискуссионным¹.

В завершение анализа функциональной природы материального и процессуального права необходимо акцентировать внимание на следующих моментах.

Материальное право и процессуальное право, вычленяемые в структуре системы российского права как относительно самостоятельные правовые блоки, позволяют по-иному и более детально взглянуть на процесс функционирования права в целом. Выделение процессуального и материального права в виде относительно самостоятельных подсистем правового регулирования есть объективно необходимый итог как эволюции самого права, так и поступательного развития научного знания о нем. На уровне целей, задач и функций между процессуальным и материальным правом прослеживаются как структурные, так и генетические, функциональные и иные связи. Самостоятельность материального и процессуального права в структуре российского права обусловлена целым рядом системообразующих признаков, к которым наряду с традиционными предметом и методом правового регулирования следует отнести их цели, функции и задачи. Однако данным аспектом соотношение и диалектика взаимодействия материальной и процессуальной правовой составляющей не исчерпывается. Более детальный анализ иных уровней и аспектов их связи станет предметом рассмотрения следующей главы работы.

¹ См.: Лукьянова Е.Г. Указ. раб. С. 92.

ГЛАВА VI. ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В общетеоретическом ракурсе продолжают оставаться малоисследованными вопросы содержательно-структурного разграничения предметов регулирования материального и процессуального права, системных параметров их взаимодействия, приоритетности между ними, разграничения, с одной стороны, процессуальных отраслей права и процедурных норм и институтов, с другой, диалектически сложных форм взаимодействия материального и процессуального права и др.

Актуальность исследования проблемы соотношения материального и процессуального права носит многоаспектный характер в силу ее комплексности. На уровне правоприменительной практики недооценка взаимосвязи материальных и процессуальных нормативных правовых предписаний в ходе установления подведомственности спора и круга лиц, участвующих в деле, определения правопреемства и оценки доказательств, уяснения диспозитивных начал вызывает целый ряд негативных последствий вплоть до вынесения незаконного итогового судебного акта, что, в свою очередь, делает весь судебный механизм защиты права неэффективным.

Многие юридические явления, с точки зрения дихотомии «материальное — процессуальное», имеют двойственную природу. Так, судебное решение выступает важнейшим завершающим процессуально-правовым актом и одновременно является в материально-правовом значении юридическим фактом. Общеизвестна материально-процессуальная сущность иска в праве. Оценка доказательств в процессуальном праве самым тесным образом переплетается с нормами материального права.

Представители уголовно-правовой науки поддерживают особую актуальность изучения соотношения предметов правового регулирования уголовного и процессуального законов, способов обратного воздействия уголовно-

процессуальных нормативных предписаний на нормы уголовного права, динамического взаимодействия данных отраслей в таких точках соприкосновения, как юридическая квалификация деяния, придание новому закону обратной силы процессуальными средствами, последствия признания уголовного закона не соответствующим Конституции РФ и иных. При этом выдвигается позиция о существовании смешанных уголовно-правовых и процессуальных институтов¹.

На общетеоретическом уровне проблема соотношения материального и процессуального поднимается в отношении соответствующих отраслей права, при рассмотрении отдельных норм, касательно юридической ответственности, форм права и иных юридических феноменов². Однако собственно вопрос системной комплексной взаимосвязи материального и процессуального права в теории государства и права, как это не парадоксально, по настоящий момент так и не получил своего комплексного монографического исследования. При этом на специально-отраслевом уровне за последние годы накоплено достаточно материала по данной тематике для широкого общетеоретического обобщения знания о сложных системных связях между материальной и процессуальной составляющими динамично меняющегося (иногда даже излишне) российского законодательства.

Продолжается дискуссия в отраслевой юридической литературе по поводу возможности объединения арбитражного и гражданского процессуальных кодексов, которая во многом может быть разрешена благодаря тщательному исследованию проблемы взаимодействия материального и процессу-

¹ См.: Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 3–4.

² См., например: Бабенко Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013; Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность (Соотношение норм материального и процессуального права): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Крамской И.С. Соотношение материальных и процессуальных правоотношений: на примере деятельности органов внутренних дел: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2006 и др.

ального права не столько на уровне отраслевых исследований, сколько на более фундаментальном общетеоретическом уровне.

Актуализируют тематику, обозначенную в заглавии настоящей главы, и новейшие трансформации в процессуальном законодательстве России. Не так давно был принят и введен в действие Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации¹, что позволяет еще раз поставить вопрос о закономерностях и необходимости дифференциации процессуальной составляющей отечественной системы права.

Одним из центральных вопросов дискуссии вокруг проблемы соотношения материального и процессуального права является понимание самого процессуального права, юридического процесса. Соотношение материального и процессуального в праве базируется на двух достаточно противоположных методологических подходах в юриспруденции, которые, как уже отмечалось, условно зачастую определяются как «широкая» и «узкая» трактовка природы юридического процесса. Широкой подход в понимании процессуального права базируется на исходной методологической установке об его соотношении с материальным правом посредством философских категорий «содержание» и «форма». Узкое понимание процессуальной составляющей в системе права апеллирует к собственной специфике юридической материи, традициям в правовой науке и практике, к ссылке на недопустимость объединения в рамках одного понятия совершенно различных по своей природе явлений — с одной стороны, процессуальной деятельности в рамках судопроизводства, с другой стороны, юридических процедур, имеющих место в иных видах правоприменительной деятельности.

При всей привлекательности для общей теории права идеи единого общего юридического процесса, вбирающего в себя все виды процессов и процедур в праве, следует все же поддержать точку зрения сторонников «узкого» понимания юридического процесса. Представляется, что юридический

¹ См.: Российская газета. 2015. 11 марта.

процесс и регламентирующие его виды соответствующие отрасли процессуального права имеют иную природу, нежели юридические процедуры, составляющие форму осуществления таких видов правоприменительной деятельности, как государственная регистрация сделок с недвижимостью, нотариальное удостоверение, регистрация юридических лиц, налоговое администрирование, и др. Основное отличие между юридическим процессом и юридической процедурой можно свести к трем важнейшим моментам — степень сложности, комплексности как самого их содержания, так и форм юридического выражения (закрепления во вне), субъект осуществления и собственно их цель.

Попытка расширения понятия процессуального права неизбежно вызывает ряд трудностей в четком его структурно-содержательном определении в системе права, что уже подчеркивалось нами при рассмотрении вопроса о понятии, природе и назначении процессуального права. В качестве негативного последствия широкой трактовки юридического процесса имеет место размывание отраслей процессуального права, растворение их отчасти и в отраслях материально-правового характера. Смешение понятий «процедура» и «процесс», на наш взгляд, обоснованно критикуется в юридической литературе.

Задачей науки теории государства и права, как и любой иной общетеоретической дисциплины в системе ряда частных наук, является не просто обобщение, поиск черт сходства, но в первую очередь обнаружение действительного единства сложных системных образований, если оно имеет место быть на практике. Порой вольно или невольно, что во многом неизбежно, допускаются и такие общетеоретические обобщения, выстраиваются общеправовые модели, которые носят все же и искусственный характер либо предвосхищают желаемый в будущем результат, либо преувеличивают ряд черт сходства, возводя их в абсолют, объявляют единым целым разноуровневые по назначению и степени сложности юридические явления.

Обратимся к отдельным наиболее значимым аргументам двух обозначенных подходов в соотношении материального и процессуального в праве. Так, представители «узкого», традиционного понимания юридического процесса, признавая факт существенного влияния материального права на процессуальное, приспособления процессуальных предписаний к материальным нормам права, указывают на неточность упрощенного понимания процессуального права как некой производной формы реализации материального права¹. При этом авторы обоснованно указывают на неточность использования философской парной конструкции «содержание — форма» применительно к оценке соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права. Так, Л.А. Грось критически оценивает возможность методологического рассмотрения материального и процессуального права с помощью категорий философии «содержание» и «форма»². В качестве основного довода указывается на то обстоятельство, что далеко не все нормы материального права реализуются при участии процессуального права.

В новейшей юридической литературе, посвященной общетеоретическому аспекту рассматриваемой проблемы, к сожалению, порой без должной аргументации все большую популярность приобретает широкая трактовка юридического процесса как неотъемлемой формы осуществления всякой отрасли материального права. Однако идея подобного видения юридического процесса получила более обстоятельную разработку еще в 70–80-е годы

¹ См., например: *Боннер А.Т.* К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 23–31; *Васильев А.М.* Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 261; *Гуксян Р.Е.* Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Вып. 1. Саратов, 1976. С. 25; Теоретические проблемы хозяйственного права / под ред. В. В. Лаптева. М., 1975. С. 321.

² См.: *Грось Л.А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: Научно-практические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 4.

прошлого столетия¹. Сторонники широкого понимания включают в состав процессуального права наряду с собственно процессуальными отраслями также и ряд процедурных норм, в частности предписания, регулирующие деятельность нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния, социального обеспечения, и др. Действительно, при сопоставлении процессуально регламентированной деятельности суда и правоприменительной деятельности иных органов государственной власти можно провести определенные параллели и зафиксировать некоторые черты сходства. Однако возникает закономерный вопрос: насколько обнаруженные общие черты позволяют вести речь о тождественности природы рассматриваемых явлений и не нивелируются ли тем самым более важные признаки различия между познаваемыми объектами?

При ответе на данный вопрос позиция представителей «узкой» трактовки процессуального права заметно выигрывает как в содержательно-теоретическом, так и в сугубо прикладном, научно-практическом плане. Так, А.Т. Боннер весьма убедительно отмечал недопустимость упрощенного понимания сходства процедурных и процессуальных норм в виде их единства на практике и теоретического обобщения в рамках одной понятийной конструкции «процессуальное право», а также неточность и неполноту трактовки понимаемого в таком виде процессуального права как формы, производной от материально-правового содержания. В частности, ученый подчеркивал на примере гражданского процессуального права необходимость учета следующих обстоятельств: «Более правильно рассматривать процессуальное право в качестве формы осуществления субъективного материального права в случае действительного или предполагаемого его нарушения либо угрозы такого нарушения. Исходя из этого нельзя безоговорочно согласиться и с определе-

¹ См., например: *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972; *Краснов Н.И., Иконницкая И.А.* Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975; *Юридическая процессуальная форма. Теория и практика* / под ред. П. Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М., 1976 и др.

нием соотношения гражданского права и процесса как формы и содержания. Прежде всего субъективные права и обязанности, по общему правилу, осуществляются добровольно, без какого-либо вмешательства государственных органов. При известных обстоятельствах гражданский процесс действительно может оказаться формой, т.е. установленным законом порядком осуществления субъективного материального права. Однако отношения процессуального и материального права гораздо более сложные и многообразные. Между этими двумя самостоятельными правовыми явлениями можно проследить и другие формы диалектических связей, например, условия и обусловленного, причины и следствия и др.»¹.

Иными словами, реализация норм материального права далеко не всегда требует своего оформления в виде определенной процессуальной формы, что вполне характерно для осуществления права в форме добровольного соблюдения, исполнения и использования. Данный факт уже не соответствует императивной философской установке о неразрывности содержания и формы. Более того, не совсем верна отсылка сторонников широкого понимания процессуального права и к обстоятельству о потребности реализации части материальных норм в рамках отдельных процедур. В данном случае речь идет уже не о предписаниях, регламентирующих сложную системную процессуальную деятельность специализированного органа государственной власти — суда, а о процедурных нормах, вкрапленных в содержание ряда отраслей материального права, которые не обладают необходимым уровнем системной организации (не объединены в относительно самостоятельные отрасли процессуального права) и в структурно-содержательном плане представляют собой обособленные институты или субинституты права.

Процедурные нормы, как правило, регламентируют менее сложные формы правоприменительной деятельности, существенно отличные по со-

¹ Боннер А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 31.

держанию, целям и степени развития от правосудия как системной, сложно-организованной и специфичной разновидности правоприменения. Следовательно, в рамках конструкции «широкого» понимания процессуального права и юридического процесса находят отражение существенно различающиеся по степени сложности и юридической природе явления, что порождает определенную терминологическую «путаницу», размывает структуру системы российского права, ведет к упрощенному видению проблемы соотношения материального и процессуального права, не позволяет увидеть необходимых различий между юридическим процессом и юридической процедурой, процедурным институтом и процессуальной отраслью права.

Ситуация осложняется и возможностью, например, для гражданского, арбитражного, уголовного, административного судопроизводства выступать одновременно в качестве процессуальной формы для целого ряда отраслей материального права. Так, гражданское процессуальное право обеспечивает реализацию не только собственно норм гражданского, но и, например, трудового, семейного права. При этом защита материального права может быть реализована в различных процессуальных формах — в рамках уголовного, гражданского или административного судопроизводства. Таким образом, на практике не наблюдается жесткой привязки отдельной материально-правовой нормы или отрасли к какой-либо одной процессуальной форме, и, наоборот — процессуальная норма (или процессуальная отрасль права) не призвана обслуживать отдельно взятую норму материального права (или соответствующую отрасль).

Следует помнить еще об одной опасности отождествления юридической процедуры и юридического процесса. Обращаясь опять-таки к ранее цитируемой работе А.Т. Боннера, которая спустя почти 40 лет не только не утратила своей актуальности, но и является тем методологическим ориентиром, который позволяет точно выделять основополагающие моменты понимания проблемы соотношения материального и процессуального права, важ-

ность теоретического и практического отграничения процесса от процедуры в системе права и в системе юридической деятельности. Ученый указал на недопустимость их отождествления в теории и негативные последствия подобного шага на практике: «...Процесс и его упрощенный вариант — процедуру в области правоприменения следует использовать лишь тогда, когда они действительно необходимы. Совершенствование и демократизация общественных отношений в современный период должны выражаться не только в усилении гарантий, в том числе процессуальных, прав граждан и иных субъектов права, но и в упрощении, ускорении и удешевлении (в разумных пределах) правоприменительной деятельности. Оба процесса должны диалектически и гармонично сочетаться. Чрезмерное же увлечение псевдопроцессуальной формой может привести к отрицательным явлениям (усложнению и удорожанию правоприменительной деятельности, известному отрыву управленческих органов и должностных лиц от населения, формализации и бюрократизации правоприменительного процесса)»¹.

Раскрывая общетеоретическое видение соотношения материального и процессуального в праве, целесообразно учитывать следующий немаловажный момент. Как справедливо отмечал Р.Е. Гукасян, необходимо видеть разницу между соотношением материального и процессуального на уровне отраслей права и правовых норм². С подобной позицией соглашается и С.Л. Кондратьева, принимая во внимание нетождественность указанных двух уровней рассмотрения проблемы³. В целом взаимодействие материальных и процессуальных отраслей права носит сложный, системный и действительно диалектически неразрывный характер. В отношении же взаимосвязи отдельных норм материального и процессуального права подобного не наблюдает-

¹ Боннер А.Т. К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 31.

² См.: Гукасян Р.Е. Соотношение материального и процессуального права — важная проблема юридической науки // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1977. С. 8.

³ Подробнее об этом см.: Кондратьева С.Л. Указ. раб. С. 8–9.

ся. В данном случае имеет место ситуация, в которой «...нормы процессуального права при соответствующих условиях порождают субъективные процессуальные права, которые не находятся с материальными субъективными правами в соотношении формы и содержания, а представляют собой самостоятельные правовые явления, связь которых с материальной отраслью права опосредована отраслью процессуального права, структурным элементом которой является данная процессуальная норма»¹.

Таким образом, современная отечественная общая теория права, содержащая ставшее аксиоматичным положение о подразделении системы права на материальную и процессуальную составляющие, не имеет в должной степени развитого и непротиворечивого учения о единстве и диалектической взаимосвязи данных системных блоков, несмотря на наличие целого ряда обстоятельных специально-отраслевых юридических исследований. Конечно, и специалисты отдельных отраслевых правовых наук далеки от единодушия в понимании обозначенных в настоящей главе вопросов, но даже при отдаленном рассмотрении вполне очевидна большая тщательность и степень проработанности ряда аспектов взаимосвязи материального и процессуального права именно в отраслевой юридической литературе.

Кроме того, с сожалением можно констатировать возрастание популярности среди исследователей науки общей теории права сторонников «широкой» концепции юридического процесса, которая воспринимается порой без должного критического анализа, необоснованно выдается рядом авторов за существенное продвижение юриспруденции в понимании проблемы соотношения материального и процессуального в системе права и системе юридической деятельности, что представляется несколько преувеличенным и не вполне соответствующим реальному положению дел в теоретической и практической юриспруденции.

¹ Подробнее об этом см.: Кондратьева С.Л. Указ. раб. С. 9.

О диалектической природе соотношения и взаимосвязи материального и процессуального права можно привести весьма примечательное высказывание В.Д. Сорокина, который довольно точно подметил функциональную составляющую их взаимодействия: «Отрасль процессуального права начинается тогда, когда определенная группа социальных норм... выходит за пределы одной-именной материальной отрасли и участвует в реализации материальных норм других отраслей, т.е. взаимодействует с другими отраслями права»¹.

Охранительно-регулятивную связку в соотношении материальной и процессуальной составляющих системы права особо выделял К.И. Комиссаров: «Материальное право регулирует порядок и возможность овладения материальными и духовными благами, а процесс есть узаконенный способ принудительной реализации такой возможности»².

Иной ракурс взаимодействия рассматриваемых блоков в структуре права предложила С.В. Поленина, указав на взаимосвязь на уровне правового статуса и способов разрешения споров о праве. Автор подчеркнула соотношение материальных и процессуальных начал в праве следующим образом: «Первые определяют правовой статус субъектов будущих процессуальных отношений, условия и основания возникновения таких отношений. Способ разрешения спорных ситуаций при реализации норм материальных отраслей права устанавливается процессуальными отраслями»³.

Отдельные общетеоретические высказывания по вопросу диалектики взаимодействия материального и процессуального права, несмотря на свою точность и выразительность, не могут исчерпать всего многообразия связей и аспектов подобного взаимоотношения в рамках важнейшего структурно-функционального деления системы права. В теории права представлены раз-

¹ Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право — отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 18.

² Комиссаров К.И. Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 79.

³ Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 8.

личные позиции, посвященные смежным проблемам, но все же ряд специальных работ, затрагивающих в общетеоретическом плане соотношение материального и процессуального в праве на уровне их норм, в рамках правоотношений и юридической ответственности не отразил всех аспектов и нюансов столь сложной проблематики.

На вопрос — что первично процессуальное или материальное право — нельзя дать однозначный ответ, как это зачастую подается в юридической литературе в виде некоей аксиомы о приоритете материально-правовых предписаний. Безусловно, следует учитывать ряд наличествующих в истории фактов, позволяющих усомниться в первичности последних на примере законодательства уголовно-правового цикла. Так, еще И.Я. Фойницкий обратил внимание на следующие исторические обстоятельства: «Были эпохи полного отсутствия законодательных определений по уголовному праву материальному, но определения процессуальные появляются с первой страницы сознательной жизни народов»¹. На столь примечательные для истории развития права факты указывают и современные исследователи, одновременно отмечая имевшие место в эволюции уголовного процесса смены его типов при относительной стабильности содержания материального уголовного закона².

Важнейшим моментом в понимании определенной доли равнозначности материального и процессуального права в общем механизме действия права является юридическая квалификация, представляющая собой динамический процесс комплексного применения материальных и процессуальных норм на различных стадиях правоприменительного процесса. В общей теории права необходимо учитывать выявленную представителями отраслевых правовых наук еще в дореволюционный период развития юриспруденции за-

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 (по изданию 1910 г.) / общ. ред., послесловие, примечание А.В. Смирнова. СПб., 1996. С. 13.

² См.: Кострова М.Б. Языковая форма объективации взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 53–54; Прошляков А.Д. Указ. раб. С. 3–4 и др.

кономерность существенного влияния процессуального права на формирование материального права.

В настоящий момент можно констатировать продолжение научных изысканий в данном направлении на отраслевом уровне, что сопровождается уточнением постулата о соотношении материального и процессуального права как содержания и формы. Так, представляет интерес следующий вывод М.Б. Костровой по данному вопросу: «Не оспаривая действительно тесную взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права, полагаем, что взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права не столь прямолинейно подчинена диалектике соотношения содержания и формы, как это традиционно принято считать. Она проявляется в более сложной системе связей — генетической, функциональной, системно-структурной, причем на двух разных уровнях — внешнем и внутреннем. Объективация этих связей происходит в текстах уголовного и уголовно-процессуального законов, в настоящее время — Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, каждый из которых, как и любой текст, имеет логическую и языковую составляющие»¹.

При этом автор привлекает внимание к столь слабо изученной в теории права проблеме взаимодействия материального и процессуального права на уровне законодательных конструкций, понятий и иных средств юридической техники. По сути ставится актуальнейшая проблема языковой формы объективации взаимосвязи материального и процессуального права. В качестве примера сложности согласования терминов и понятий материального и процессуального права приводится понятие «близкие родственники». М.Б. Кострова обоснованно обращает внимание на тот факт, что в п. 4 ст. 5 УПК РФ дефиниция понятия «близкие родственники» трансформируется в собственный уголовно-процессуальный термин. В результате в перечень лиц, являющихся близкими родственниками, уголовно-процессуальный закон включает

¹ Кострова М.Б. Указ. раб. С. 54.

супруга и супругу, которые не являются таковыми в общеупотребительном значении, ибо не находятся в кровном родстве.

Вслед за представителями отраслевых наук обратим внимание на то обстоятельство, что отмеченное понимание категории «родственник» в процессуальном праве расходится с используемой терминологией в ряде материально-правовых предписаний: ст. 51 Конституции РФ; ст. 2 и 14 Семейного кодекса РФ; ст. 316 Уголовного кодекса РФ. Материальное право достаточно четко разделяет понятия «близкий родственник» и «супруг». На данном примере становится очевидным, что вопрос об объеме языкового согласования материального и процессуального закона однозначно не решается в юридической науке и практике. В этой связи следует согласиться с утверждением такого плана: «Отсутствие системного межотраслевого подхода к формированию и адекватному языковому выражению корреспондирующих с нормативными предписаниями уголовного и уголовно-процессуального законов ведет к их рассогласованности и, как крайне негативный вариант, — к возникновению межотраслевых коллизий»¹.

В общей теории права в должной форме не разработаны теоретические основы взаимодействия материального и процессуального права на технико-юридическом уровне, что требует определенного заимствования накопленного знания по данному вопросу в отраслевых правовых науках. Взаимное согласование необходимо, прежде всего, при использовании понятийно-терминологического аппарата как в рамках той или иной отрасли материального права, так и определенной отрасли процессуального права. При этом в рамках собственного предмета правового регулирования процессуальный закон обладает автономностью в технико-юридическом и языковом выражении процедурных правил в виде порядка осуществления определенных процессуальных действий, которые не оказывают влияния на разрешение вопросов материального права, что справедливо, например, по отношению к правилам

¹ Кострова М.Б. Указ. раб. С. 62.

доказывания. Единых же правил и требований по согласованию понятий материального и процессуального права наука и практика пока не выработали, что, возможно, объясняется диалектической сложностью их взаимодействия. Однако несмотря на это, все же возможно формулирование отдельных общих установок в рассматриваемом отношении. Так, М.Б. Кострова весьма точно отмечает еще одну закономерность, которой необходимо следовать. Семантически производными, по ее мнению, следует рассматривать те процессуальные понятия и предписания, содержание которых основано на материально-правовых критериях и предпосылках. При установлении подобных процессуально-правовых предписаний, особенно в ходе регламентации процедурных правил принятия процессуальных решений материально-правового характера, процессуальное право должно занимать подчиненную позицию по отношению к материальному праву¹. В числе подобных процессуальных документов итогового плана с материально-правовым содержанием можно назвать акты: о наличии либо отсутствии основания юридической ответственности; об освобождении от юридической ответственности или наказания; об иных последствиях совершения правонарушения; о признании того или иного юридического факта; о разрешении правового спора по существу; об утверждении мирового соглашения и т.д. Иными словами, в технико-юридическом плане производными процессуальными нормативными предписаниями следует считать все те, которые основываются на материально-правовых предпосылках. В подобных ситуациях процессуальный закон должен строго следовать нормам материального права.

Наряду с рассмотренными вопросами общетеоретический интерес представляет предлагаемое в отраслевых юридических науках *подразделение влияния материального права на процессуальные предписания на два типа: системное и частное.*

¹ См.: Кострова М.Б. Указ. раб.

Системному воздействию материального права на юридический процесс особое внимание уделил Р.Е. Гукасян, выводам которого можно вполне придать общетеоретический характер. Вслед за ученым выделим следующие четыре вида системного воздействия со стороны материального права на процессуальное:

материальные правоотношения напрямую определяют предмет и основания иска;

субъектный состав материального правоотношения детерминирует состав лиц, участвующих в юридическом процессе;

с учетом материальных норм и правоотношений устанавливается предмет доказывания, а также допустимость доказательств в ходе правоприменительного процесса;

предписания материального права определяют способ защиты нарушенных или оспоренных субъективных прав¹.

При этом, как верно полагает Д.Б. Абушенко, системные формы воздействия материального права на процессуальное следует отграничивать от частных случаев «вкрапления материального права в процессуальную ткань»². В случае системного влияния воздействие носит фундаментальный характер, а при частном — в процессуальном праве находит отражение конструкция материального характера либо косвенно, либо факультативно. Подобные конструкции способны функционировать и без их преломления в процессуальных нормах. Однако по ряду обстоятельств законодатель может счесть необходимым установить нормативные связи между материальным и процессуальным предписаниями. Ярким примером частного, факультативного влияния материального права на процессуальное выступает способ испол-

¹ См.: Гукасян Р.Е. Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве // Вопросы теории и практики гражданского процесса: межвузовский научный сборник. Саратов, 1976. Вып. 1. С. 31.

² Абушенко Д.Б. Вопросы системного влияния материального права на цивилистический процесс // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 154 .

нения судебного акта. Как отмечает Д.Б. Абушенко, в случае исключения подобного института из гражданского процессуального права никакого дефекта в законодательной регламентации и правовом регулировании не образуется по следующей причине. Норма, предусмотренная материальным законом, по-прежнему будет предоставлять право кредитору требовать изменения материально-правового обязательства. Исключение же самой возможности изменить способ исполнения судебного акта вызывает необходимость для кредитора использовать иное процессуальное средство¹.

Суть подобной типологии воздействия материального права на процессуально-правовые предписания и соответствующий им юридический процесс заключается в следующем важном нюансе. Здесь следует учитывать общую закономерность, согласно которой любое изменение процессуального законодательства в области его соприкосновения с материальной составляющей права должно учитывать первичность и приоритетность последней. Другими словами, в зонах системного влияния материального права процессуально-правовые новеллы должны быть в максимальной степени проработаны и системно согласованы. К примеру, нельзя исключить в будущем законодательную трансформацию процессуального института возмещения судебных расходов, но в любом случае правотворческий орган обязан учитывать основополагающее материально-правовое предписание, предусматривающее возмещение расходов, понесенных в связи с процессом восстановления права. В данном случае приоритет будет иметь в неизменном виде материально-правовой принцип возложения таких расходов на лицо, не исполнившее обязанности.

Однако из указанной общей установки возможны исключения. Примером подобного изъятия служит институт процессуального правопреемства, который может быть «отвязан» от прямой корреляции с материальным пра-

¹ См.: Абушенко Д.Б. Указ. раб. С. 155.

вом¹. В любом случае область системного соприкосновения материальной и процессуальной составляющих права требует особой доктринальной и практической проработки.

В случае факультативного типа воздействия предполагается альтернатива в нормативной регламентации правом отношений посредством предоставления выбора одного из двух возможных вариантов: детальная проработка процессуальной регламентации действия той или иной нормы (института) материального права; исключение вовсе специального процессуального порядка реализации материального предписания.

Обратный процесс в виде воздействия процессуального права на материальное подчинен иной закономерности, согласно которой любые трансформации процессуального права, влияющие на материальный закон в направлении изменения его действия, должны быть исключены. Суть данного требования заключается в том, что «сторона материального правоотношения не должна получать преимуществ только потому, что имело место обращение к судебной защите»². Другими словами, материальное правоотношение должно обладать стабильностью, «устойчивостью» вне зависимости от средств юридического процесса.

Однако и данная закономерность предусматривает исключения следующего плана: случаи установления особых судебных процедур, специально предназначенных для трансформации материального правоотношения (например, преобразовательный иск, процедура банкротства и другие); ситуации специальной формы нормативно-правовой регламентации соединения материальной и процессуальной составляющей права, в которых возникновение, изменение или прекращение материального правоотношения не может

¹ Подробнее об этом см.: *Абушенко Д.Б.* Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в цивилистическом процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2012. № 4. С. 16–21; № 5. С. 5–8; № 6. С. 33–38.

² *Абушенко А.Б.* Вопросы системного влияния материального права на цивилистический процесс. С. 157–158.

не сказаться на уже имеющемся процессуальном правоотношении (например, предъявление встречного иска, мировое соглашение, процессуальное правопреемство и т.п.).

Далее с учетом изложенного следует обратиться к проблеме дисбаланса¹ между материальным и процессуальным правом, который возможен в силу игнорирования общих закономерностей их взаимосвязи. Все это порождает дефекты в механизме правового регулирования.

Примером подобного дисбаланса может служить отсутствие надлежащих форм защиты материального права в процессуальных отраслях законодательства. Именно предписания процессуального права выполняют охранительную функцию в отношении обеспечения должной реализации норм материального права в конфликтных ситуациях. Зачастую возможность итоговой реализации материальных норм определяется исключительно процессуально-правовыми средствами, а их отсутствие создает ситуацию системной разбалансированности законодательства. Так, например, отсутствие надлежащих процессуальных норм, регламентирующих порядок признания того или иного материально-правового акта недействительным, может повлечь дестабилизацию как в рамках реализации конкретного правоотношения, так и существенные негативные последствия для всей правовой системы.

Суть возникающего дисбаланса между материальным и процессуальным правом весьма точно и емко выразил С.А. Белоусов в следующем положении: «...Диалектическое взаимодействие указанных парных подсистем российского законодательства не только не исключает, но и напротив предполагает возможное конфликтное отношение между ними, что выражается в формах от простой коллизии предписаний вплоть до системного многоуровневого рассогласования целых законодательных массивов. Дисбаланс в этих отношениях зачастую имеет асимметричный характер — процессуальное за-

¹ Подробнее о законодательном дисбалансе см.: *Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015.*

конодательство в целом или в том или ином аспекте не соответствует материальному, но не наоборот. Материальное законодательство имеет более динамичный характер своего развития, что во многом объективно обусловлено, и консервативный характер процессуальных нормативно-правовых актов далеко не всегда свидетельствует о несовершенстве в системе законодательства. Другими словами, дисбаланс материального и процессуального в нормативно-правовой материи не носит столь явного негативного характера»¹.

При всей сложности диалектики взаимодействия материального и процессуального права для обеспечения баланса в законодательстве необходимо учитывать следующую закономерность. Существенное изменение предписаний материального права должно влечь за собой соответствующую адаптацию, трансформацию норм процессуального права, направленных на обеспечение реализации подобных кардинально обновленных материально-правовых норм. Другими словами, устойчивое развитие системы права требует своевременного совершенствования норм процессуального права вслед за коренной перестройкой материального. В противном случае возникновение системного дисбаланса в праве является вопросом времени.

Примером системного дисбаланса в российском праве в виде рассогласованности его материальной и процессуальной составляющих можно привести значительное число. Так, весьма негативной практикой является «догоняющее», «корректирующее» правотворчество в области юридического процесса. К примеру, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Уголовный процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ испытывают постоянное коррекционное воздействие в силу их изначальной разбалансированности с материальным правом. Законотворческая практика изобилует числом федеральных законов, вносящих соответствующие изменения в процессуальное право. Однако для полного разрешения ситуации и установления реального баланса в российском праве еще необходимо проделать зна-

¹ Белоусов С.А. Указ. раб. С. 56.

чительный путь, что подтверждается усиливающейся дискуссией по вопросу кардинального изменения процессуальной нормативной регламентации вплоть до принятия единого процессуального кодекса.

При этом следует подчеркнуть, что процессуальное право и само, вне прямой привязки к материальному праву, обладает существенной социальной ценностью. Определенная степень совершенства и качества процессуального законодательства, в свою очередь, является обязательным условием для дальнейшего развития самого материального права. Именно в ходе реализации процессуального права осуществляется наработка и обобщение судебной практики, которые кладутся в основу для внесения изменений в материальный закон с целью устранения в нем пробелов, коллизий, обеспечения его соответствия постоянно меняющимся условиям общественной жизни.

В диалектике материального и процессуального особое место занимает законодательство о судоустройстве, которое следует относить к материальной составляющей системы права, специфика которого заключается в том, что оно призвано обеспечивать процессуальное право в виде установления общих начал и гарантий справедливого и законного отправления правосудия.

Таким образом, основным дефектом взаимодействия материального и процессуального в праве выступают различного рода расхождения между ними. Лишь в виде исключения возможны ситуации, обратные указанной в виде несоответствия материального закона уровню развития процессуального права.

В настоящее время в теории права и отраслевых юридических науках не выработаны четкие критерии по необходимому количеству процессуальных отраслей в системе права, а также по-прежнему не решена задача по выявлению пределов дифференциации процессуального права. Не находит ответа и вопрос о допустимости унификации арбитражного и гражданского процесса. Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ, несмотря на некоторые положительные стороны, также сопряжено с усложне-

нием ситуации и внутренним дублированием одной процессуальной отрасли другой процессуальной отраслью права. В юридической литературе и на практике высказывается позиция об избыточности в выделении отрасли административного процессуального права. Еще более запутывает существо рассматриваемой проблемы природа норм, устанавливающих порядок рассмотрения дел Конституционным Судом РФ. Некоторые ученые и вовсе полагают, что каждой отрасли материального права должна сопутствовать соответствующая отрасль процессуального права. Думается, что последняя точка зрения далека от истины и не отражает многовековой опыт развития системы права, а также основана на неверном посыле об абсолютном равенстве и простом количественном соответствии материальных и процессуальных нормативно-правовых предписаний.

В связи с этим полагаем необходимым избегать ситуаций искусственного усложнения процессуальной формы или, напротив, ее неоправданного единообразия, избыточной унификации. Нахождение баланса в соотношении материального и процессуального права должно опираться не только и не столько на исключительно правовые факторы, содержащиеся внутри правовой система, а в первую очередь, должно быть обусловлено потребностями самих общественных отношений в соответствующей юридической регуляции. Иными словами, пределы дифференциации процессуального права предопределяются предметом правового регулирования, несмотря на тот факт, что природа самого деления права на материальную и процессуальную составляющие носит специально-юридический функциональный характер.

Следует обратить внимание и на тот факт, что процессуальное право в плане скорости его изменения должно все же уступать материальному праву, носить достаточно консервативный характер. В противном случае становится невозможным обеспечение стабильности и поступательности в процессе правового развития общества. Чрезмерная степень трансформации процессуальной части права не позволяет ей выполнять обеспечительную функцию по

отношению к материальному праву, что опять-таки создает предпосылки для возникновения системного дисбаланса в праве и юридической практике.

Обобщая достижения отраслевых правовых наук по вопросам диалектики взаимодействия материального и процессуального права, полагаем возможным выделить соответствующие уровни их взаимосвязи, а также способы и формы их воздействия друг на друга. Типичные формы и способы связи материального и процессуального права проявляют себя на следующих уровнях механизма правового регулирования:

- отдельных норм, институтов и отраслей права;
- правоееспособности;
- субъектного состава правоотношения материального и процессуального;
- судебного решения, имеющего смешанную материально-процессуальную природу;
- института иска с его двойственной природой;
- института доказывания, а точнее в ходе юридической квалификации в правоприменении, что ряд исследователей вполне обоснованно именуют динамическим аспектом их взаимодействия;
- установления и реализации таких смешанных материально-процессуальных институтов, как амнистия и помилование;
- понятий и терминов, технико-юридических конструкций;
- предмета правового регулирования;
- осуществляемых функций материальным и процессуальным правом;
- процессов интеграции и дифференциации в системе права в целом.

Основные способы воздействия материального права на процессуальное можно свести к следующему:

- определение со стороны материального права видов процессов и судопроизводств, то есть основополагающие материально-правовые предписания являются важнейшим фактором, определяющим содержание и структуру процессуального права;

влияние материального права на формирование института процессуальной правоспособности, на правовой статус лиц, участвующих в деле;

установление материальным правом таких элементов конструкции иска, как предмет и его основание;

разрешение посредством материально-правовых признаков (критериев) вопросов, связанных с определением компетентного суда;

обеспечение со стороны материального права охраны процессуально-правовых предписаний (например, предписания уголовного права призваны обеспечить должную реализацию процессуального права с помощью специальных мер уголовно-правовой охраны и обеспечения режима законности в уголовном процессе в виде наказания за заведомо неправосудное решение и т.д.).

установление правил распределения судебных расходов, исходя из общих идей материального законодательства в сфере восстановления права;

влияние норм материального права на конструирование смешанного института мирового соглашения и др.

В качестве основных форм и направлений воздействия процессуального права на материальное представляется необходимым выделить:

использование по аналогии предписаний процессуальных отраслей права к понятиям материального закона;

устранение из содержания материального закона отдельных норм по процессуальным основаниям (соображениям);

раскрытие содержания отдельных бланкетных норм материальных отраслей права посредством обращения к процессуальным нормам;

стимулирование действием процессуального права дальнейшего совершенствования и развития материального права;

придание новому материальному закону обратной силы при помощи процессуальных средств;

исключение действия отдельных материально-правовых предписаний посредством признания материального закона неконституционным.

Таким образом, материальное и процессуальное в системе российского права — явления взаимосвязанные и диалектически обусловленные. Их раздельное существование бессмысленно и практически невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что познание диалектики взаимодействия материального и процессуального права составляет один из важнейших этапов в раскрытии системного строения российского права. Общие закономерности предметных и структурно-функциональных связей материальной и процессуальной составляющих системы права пронизывают все основные уровни нормативно-правовой материи, определяют отраслевую компоновку нормативных предписаний, влияют на процессы дальнейшей интеграции и дифференциации права в целом и его отдельных элементов.

Диалектика взаимосвязи указанных правовых блоков подлежит учету в правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности. В противном случае высока вероятность возникновения коллизий, противоречий и дисбаланса в механизме правового регулирования. В случае же существенного расхождения материальных и процессуальных нормативно-правовых предписаний возможно установление системного дисбаланса в законодательстве, что, в свою очередь, чревато масштабным «параличом» для права, подрывом глубинных основ его функционирования и воздействия на общественные отношения. Особую опасность имеют случаи сознательного установления механизмов нейтрализации действия материальных норм права посредством ненадлежащей законотворческой деятельности и целенаправленного практического применения процессуальных средств правового регулирования по неисполнению материально-правовых предписаний.

Актуальность продолжения исследований единства и соотношения материального и процессуального в системе права детерминирует и то обстоятельство, что в перспективе сложность взаимодействия указанных блоков нормативно-правовой материи будет только усиливаться. Полагаем возможным предположить, что материальное право со временем будет требовать все

более совершенных и сложных по содержанию и форме процессуальных инструментов обеспечения его реализации и защиты. Модернизации процессуальной юридической деятельности способствуют набирающие темп процессы информатизации, внедрения цифровых технологий в общественную жизнь. В настоящее время уже активно используются такие средства в юридическом процессе, как специализированные сайты хранения и размещения важнейшей процессуально-правовой информации, видеоконференцсвязь в судебных заседаниях, электронные формы документов, электронная почта и др.

Кроме того, значительная часть общественных отношений, регулируемых непосредственно материальным правом, также сопряжена с технологическими новациями и реализуется посредством интернет-технологий, что неизбежно вызывает соответствующую трансформацию материально-правовых предписаний. Применение электронной формы заключения договора, электронной цифровой подписи, подача посредством информационно-цифровых технологий заявлений, жалоб и обращений в органы государственной власти самым существенным образом влияет в случае возникновения в последующем спорных ситуаций на процедуру доказывания процессуального права. В связи с этим представляется одним из наиболее перспективных направлений исследования взаимосвязи материального и процессуального права влияние на них процессов глобальной информатизации общества.

Представленное научное исследование, безусловно, не претендует на рассмотрение абсолютно всех аспектов заявленной тематики. В диссертации нами были рассмотрены лишь базовые, основополагающие и наиболее актуальные в настоящий момент, на наш взгляд, вопросы теоретического и практического характера.

Что же касается перспектив дальнейшей научно-теоретической разработки темы «Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве», то здесь можно указать следующие направления, требующие своего разрешения в будущем:

1) корректировка понятия, предмета правового регулирования и природы материального права, его структурного строения и содержательных особенностей в целях формирования полноценной, развернутой общей теории материального права;

2) проведение ряда специальных исследований материально-процедурных норм права, определение их понятия, построение научной классификации, выяснение роли и значения в общей структуре материального права, а также отражение в юриспруденции отраслевых особенностей их соотношения с процессуальными нормами права;

3) изучение вновь появляющихся и ранее не изученных разновидностей материальных и процессуальных норм права, устанавливающих между ними системно-структурных связей;

4) развитие знаний по вопросу об особенностях юридической техники в деле законодательного оформления диалектики взаимосвязи материальных и процессуальных нормативно-правовых предписаний;

5) систематизация выявленных ошибок законодателя в ходе проектирования материальных и процессуальных норм права в целях предупреждения, профилактики возможного дисбаланса между ними в будущем;

6) осуществление сравнительно-правового анализа соотношения материальной и процессуальной составляющих в российском и зарубежном законодательстве;

7) проведение специальных монографических исследований, посвященных специфике функций материального и процессуального права, что в перспективе позволит существенно дополнить и расширить общее учение о функциях права;

8) междисциплинарное изучение в юриспруденции вопросов дальнейшей унификации и специализации процессуальных форм обеспечения и защиты материального права;

9) анализ влияния процессов информатизации и глобализации на соотношение материального и процессуального в российском и международном праве;

10) разработка научно-практических рекомендаций по противодействию механизмам нейтрализации действия норм материального права посредством процессуально-правовых средств;

11) специальное изучение вопросов коллизий материальных и процессуальных норм права и способов их разрешения, феномена дисбаланса материального и процессуального права, форм и уровней его законодательного проявления.

Таковы основные перспективы исследования данной проблемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 2.
3. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 15 февраля 2016 г.) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
4. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2014. № 6. Ст. 551.
5. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 15 февраля 2016 г.) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.07.2017).
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 1 мая 2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Официальный

интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.05.2017).

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.07.2017).

9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.07.2017).

10. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4805.

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4772.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

14. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

15. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2017 г.)

// СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

16. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3532; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4816.

17. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (в ред. от 10 ноября 2016 г.) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 4.

18. Распоряжение Правительства РФ от 6 ноября 2008 г. № 1628-р «О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей» // СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5368.

Научная литература

19. *Азми Д.М.* Правовая структуризация и систематика. М.: Юстицинформ, 2010. 318 с.

20. *Азми Д.М.* Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 391 с.

21. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1963. Вып. 1. 265 с.

22. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.

23. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

24. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.

25. *Байтин М.И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. 301 с.

26. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
27. *Власенко Н.А., Мацкевич И.М.* Модернизация специальностей в юриспруденции / отв. ред. Н.И. Аристер. М.: Проспект М., 2014. 240 с.
28. *Власенко, Н.А., Мацкевич, И.М.* Паспорт специальностей научных работников по юриспруденции / отв. ред. Н.И. Аристер. М.: Проспект, 2016. 184 с.
29. *Вопленко Н.Н.* Очерки общей теории права. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. 898 с.
30. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.
31. *Грищенко М.В.* Воспитательные функции в отечественной педагогике и юриспруденции. СПб.: ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2000. 260 с.
32. *Каск Л.И.* Функции и структура государства / отв. ред. Д.А. Керимов Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. 65 с.
33. *Кашанина Т.В.* Структура права. М.: Проспект, 2014. 580 с.
34. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560 с.
35. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 472 с.
36. *Краснов Н.И., Иконицкая И.А.* Процессуальные вопросы советского земельного права. М.: Наука, 1975. 150 с.
37. *Лазарев Б.М.* Компетенция органов управления. М.: Юридическая литература, 1972. 280 с.
38. *Лазарева О.В.* Правовая процедура / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2004. 152 с.

39. *Лукьянова Е.Г.* Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. 233 с.
40. *Малахов В.П., Палазян А.С.* Функциональная характеристика права: вопросы методологии. М.: Московский ун-т МВД России, 2009. 232 с.
41. *Мельников А.А., Полянский Н.Н., Савицкий В.М., Строгович М.С.* Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. М.: Наука, 1983. 224 с.
42. *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса и практика процессуального регулирования / науч. ред. В.М. Ведяхин. Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самарская государственная экономическая академия», 2005. 100 с.
43. *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы / под ред. В.М. Ведяхина. Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самарская государственная академия права», 2005. 480 с.
44. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. 472 с.
45. *Петров Д.Е.* Отрасль права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 192 с.
46. *Протасов В.Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юридическая литература, 1991. 143 с.
47. Процессуальные нормы и отношения в советском праве: (В «непроцессуальных отраслях»). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985. 208 с.
48. *Рабинович П.М.* Упрочение законности — закономерность социализма / отв. ред. В.С. Кульчицкий. Львов: Вища школа. Изд-во при Львовском ун-те, 1975. 260 с.
49. Развитие советского гражданского права на современном этапе / Н.С. Малеин, В.П. Мозолин, И.П. Прокопченко, А.А. Рубанов и др.; отв. ред. В.П. Мозолин. М.: Наука, 1986. 267 с.

50. *Радько Т.Н.* Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. 142 с.
51. *Радько Т.Н.* Функции права // Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ВШ МВД РФ, 1993. 544 с.
52. *Реутов В.П.* Функциональная природа системы права. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. 162 с.
53. *Сабо И.* Социалистическое право / под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1964. 396 с.
54. *Скобелкин В.Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. М.: Юридическая литература, 1969. 183 с.
55. *Скобелкин В.Н.* Нормы нематериального характера в трудовом праве.
56. *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право. М.: Юридическая литература, 1972. 240 с.
57. *Стрельникова И.А.* Понятие и место транспортного права в системе права России. М.: Юрлитинформ, 2009. 200 с.
58. *Тархов В.А.* Избранные труды. М.: Юрист, 2008. 631 с.
59. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Вища школа, 1985. 192 с.
60. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962. 575 с.
61. Теоретические проблемы хозяйственного права / под ред. В.В. Лаптева. М.: Наука, 1975. 412 с.
62. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2006. 648 с.
63. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношениях. М.: Юридическая литература, 1974. 352 с.

64. *Хецуриани Д.Г.* Функции советского гражданского права (теоретические проблемы понятия и системы) / отв. ред. Т.А. Лилуашвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 149 с.

65. *Черноголовкин Н.В.* Теория функций социалистического государства. М.: Юридическая литература. 1970. 215 с.

66. *Чернявский А.Г., Погребная Ю.К.* Идеологическая функция права. М.: Альфа-М, 2015. 304 с.

67. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / под ред. П.Е. Недбайло и В.М. Горшенева. М.: Юридическая литература, 1976. 280 с.

Учебные издания

68. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2008. 576 с.

69. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.

70. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1972. 396 с.

71. *Григонис Э.П.* Теория государства и права: курс лекций. СПб. [и др.]: ПИТЕР, 2002. 317 с.

72. *Кулапов В.Л.* Теория государства и права: учебник. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. 486 с.

73. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2001. 504 с.

74. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 520 с.

75. *Оксамытный В.В.* Теория государства и права: учебник для вузов по специальности 021100 «Юриспруденция». М.: Импэ-Паблиш, 2004. 563 с.

76. *Поляков А.В.* Общая теория права: курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 642 с.

77. *Сандевуар П.* Юридические процедуры во французском праве. Российско-французская серия учебных и информационных материалов. 2-е изд. М.: Изд-во Фр. Орг. Техн. Сотрудничества, 1994. 92 с.

78. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 1999. 592 с.

79. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1999. 776 с.

80. Теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.

81. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 (по изданию 1910 г.) / общ. ред., послесловие, примечания А.В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.

82. *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора: учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с.

**Статьи в периодических изданиях, материалах конференций,
сборниках научных трудов**

83. *Абушенко Д.Б.* Согласованное волеизъявление заинтересованных субъектов как основание процессуального правопреемства в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4. С. 16–21; № 5. С. 5–8; № 6. С. 33–38.

84. *Абушенко Д.Б.* Вопросы системного влияния материального права на гражданский процесс // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 154–159.

85. *Азми Д.М.* К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 24–30.

86. *Алексеев С.В.* Источники и система олимпийского права // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 4. С. 3–10.
87. *Алексеев С.С.* О материалистическом подходе к системе советского права // Правоведение. 1961. № 3. С. 15–24.
88. *Алыпина А.В.* Место корпоративного права в системе российского права // Хозяйство, право и наука: сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. Вып. 5. С. 158–168.
89. *Асадов А.М., Драхенберг Т.В.* К вопросу о системе отраслей права и критерии отраслевой дифференциации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (15 марта 2011 г.): в 2 ч. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та МВД России, 2011. Ч. 1. С. 34–43.
90. *Байтин М.И.* К вопросу об основных функциях советского государства // Научная конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1958 год. Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин-та, 1959. С. 20–26.
91. *Батрова Т.А.* Спорные вопросы предмета и системы торгового права // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 27–30.
92. *Барышев М.А.* Место инвестиционного права в системе российского права и законодательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 2 (72). С. 154–158.
93. *Беликов К.А.* Дифференциация системы права: критика традиционных критериев, выдвижение новых подходов (с позиций субъекта права) // Юридическая мысль: научно-практический журнал. 2007. № 3 (41). С. 5–16.
94. *Белых В.С.* Понятие банковского права и его место в системе права России // Государство и право. 2011. № 4. С. 5–13.

95. *Бережная Е.А.* К вопросу о системе бюджетного права // Финансовое право. 2011. № 6. С. 9–13.
96. *Боннер А.Т.* Существует ли юридический процесс? // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 51–60.
97. *Боннер А.Т.* К. Маркс о соотношении материального права и процесса // Правоведение. 1978. № 4. С. 23–31.
98. *Братусь С.Н.* Отрасль советского права: понятие, предмет, метод // Советское государство и право. 1979. № 11. С. 22–30.
99. *Бринчук М.М.* Особое место и особая роль экологического права в правовой системе России // Экологическое право. 2010. № 5. С. 2–11.
100. *Бунина С.Г.* Потребительское право в системе современного российского права // Современное право. 2007. № 9. С. 2–5.
101. *Васильев А.М.* О правоприменении и процессуальном праве // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 4–13.
102. *Васильева И.Н.* К вопросу о нормах, правоотношениях, предмете и системе ювенального права России // Кулагинские чтения. VIII Всероссийская научно-практическая конференция. Ч. III. Чита: ЧитГУ, 2008. С. 107–111.
103. *Вершинин В.Б.* Материально-правовые гарантии права на судебную защиту // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 5–7.
104. *Вершинин В.Б., Молева Г.В.* Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 6–9.
105. *Витченко А.М.* Механизм правового регулирования социалистических общественных отношений, его понятие и структура // Вопросы теории государства и права / под ред. М.И. Байтина. Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин-та, 1968. Вып. 1. С. 65–92.

106. *Гарбар А.В.* Страховое право и страховое железнодорожное право как элементы правовой системы России // Российское законодательство на рубеже веков: традиции и перспективы развития: сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2007. С. 43–50.

107. *Головина А.А.* К вопросу о понятии критериев отраслеобразования в системе российского права, их теоретическом и практическом значении // Право и государство: теория и практика. М., 2011. № 6 (78). С. 10–14.

108. *Горшенев В.М.* Природа юридического процесса как комплексной системы // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1980. С. 3–11.

109. *Лукасян Р.Е.* Соотношение материального и процессуального права — важная проблема юридической науки // Вопросы развития и защиты прав граждан: межвузовский тематический сборник. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1977. С. 5–14.

110. *Лукасян Р.Е.* Влияние материально-правовых отношений на форму процесса в исковом производстве // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. Вып. 1. С. 25–27.

111. *Гуреев В.И.* Предмет правового регулирования: теория и практика // Юридический мир. 2013. № 7 (199). С. 47–49.

112. *Даадаев С.Г., Котов В.В., Чадин М.В.* Бухгалтерское право как инновационный элемент российской системы права // Государство и право. 2008. № 10. С. 89–92.

113. *Давлетов А.А.* Системообразующие элементы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 114–123.

114. *Драхенберг Т.В.* К вопросу о телеологическом критерии дифференциации системы российского права // Проблемы права. 2012. № 2. С. 176–181.

115. *Денисов С.А.* Нейтрализация норм материального права с помощью норм процессуального права // Государство, право и управление: мате-

риалы III Всероссийской межвузовской научно-практической конференции / под ред. С.М. Кобаненко. М.: ГГУ, 2003. Вып. 1. С. 71–74.

116. *Денисов С.А.* Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 2–8.

117. *Денисов С.А.* Механизм нейтрализации института юридической ответственности должностных лиц // Государство, право, управление: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. М.: ГГУ, 2004. Вып. 1. С. 113–116.

118. *Ефимцева Т.В.* Место инновационного права в системе российского права // Предпринимательское право. Приложение к журналу. 2010. Вып. 3. С. 51–54.

119. *Железнов Б.Л., Астафьев И.В.* К вопросу об эволюции понятия процессуальной нормы конституционного права // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 1. С. 52–56.

120. *Зайцев И.М., Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2. С. 47–52.

121. *Иванов В.И.* Исследование предмета правового регулирования системным методом // Вестник Томского государственного ун-та. 2009. Вып. 324. С. 223–225.

122. *Казанцев М.Ф.* Общетеоретические проблемы учения о предмете правового регулирования // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. Вып. 5. С. 420–447.

123. *Каск Л.И.* Системный подход в познании государства и права // Правоведение. 1977. № 4. С. 31–40.

124. *Каск Л.И.* К вопросу о функциях государства // Вопросы государства и права / отв. ред. В.С. Петров. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964. С. 66–80.

125. *Ким А.И., Основин В.С.* Государственно-правовые нормы и их особенности // Правоведение. 1967. № 4. С. 40–47.
126. *Клюкин Б.Д.* Горное право и его место в системе российского права // Проблемы совершенствования методики преподавания эколого-правовых и аграрно-правовых учебных дисциплин в юридических вузах России: материалы Всероссийского научно-методологического семинара. М.: Таглитмат, 2007. С. 83–97.
127. *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 115–118.
128. *Комарова И.А.* Место конституционно-процессуального права в российской системе права // Право и практика. 2010. № 7. С. 94–99.
129. *Комиссаров К.И.* Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права: сборник ученых трудов СЮИ. Вып. 27. Свердловск, 1973. С. 79–85.
130. *Кострова М.Б.* Языковая форма объективации взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 53–54.
131. *Кругликов Л.Л.* Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов // Юридическая техника. Ежегодник. № 5. Вторые Бабаевские чтения «Преемственность в праве: доктрина, российская и зарубежная практика, техника». Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2011. С. 273–280.
132. *Майоров В.И.* Генезис административного судебного права: теоретико-методологические проблемы // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 1. С. 5–9.
133. *Макаров О.В.* Новеллизация российского гражданского материального и процессуального права: основное содержание и результаты // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2016. Т. 3. С. 234–239.

134. *Максименко С.Т.* Функции советского гражданского права // Актуальные вопросы советской юридической науки: в 2 ч. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1973. Ч. 2. С. 6–7.
135. *Малько А.В.* Ограничивающая функция юридического процесса // Юриспруденция. 1996. № 5. С. 4–6.
136. *Марочкин С.Ю.* Материальные и процессуальные вопросы применения норм международного права в судебной практике // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 42–45.
137. *Мартышин О.В.* О дифференциации отраслей права // Труды Московской государственной юридической академии: сборник статей. М., 2002. № 9. С. 32–34.
138. *Медведев Е.В.* Классификация функций права // История государства и права. 2012. № 6. С. 6–10.
139. *Мозолин В.П.* Система российского права. (Тезисы доклада на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. в Московской государственной юридической академии) // Право и политика. 2002. № 2. С. 4–6.
140. *Недбайло П.Е.* О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 20–29.
141. *Никитинский В.И., Самощенко И.С.* Некоторые теоретические проблемы изучения эффективности правовых норм // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью. Информационное письмо. М., 1970. № 25. С. 44–55.
142. *Никовский А.А.* Основные факторы формирования комплексных образований в современной системе права // Право и образование. 2007. № 8. С. 139–145.
143. *Овсепян Ж.И.* Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 196–212.

144. *Павлов И.В.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 3–18.
145. *Палазян А.С.* Сущностные функции позитивного права // Адвокатская практика. 2009. № 5. С. 14–17.
146. *Петюкова О.Н.* Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 146–147.
147. *Плотникова Н.Ю.* Материальные и процессуальные основания применения права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». Вып. 8. Т. 2. 2006. № 13. С. 147–149.
148. *Поленина С.В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // Правоведение. 1975. № 3. С. 71–79.
149. *Поленина С.В.* Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5–12.
150. *Попондопуло В.Ф.* Проблемы единства и дифференциации российского права и законодательства // Российский юридический журнал. 2011. № 1 (76). С. 26–37.
151. *Пьянов Н.А.* О понятии и классификации функций права // Сибирский юридический вестник. 2000. № 4. С. 36–37.
152. *Радько Т.Н.* О разработке проблемы функций социалистического права // Ученые записки Саратовского юридического института. 1966. Вып. 14. С. 24–36.
153. *Разуваев Н.В.* Правовая система и критерии отраслевой дифференциации права // Правоведение. 2002. № 3. С. 31–55.
154. *Ребане И.А.* О построении системы отраслей советского права // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 102–103

155. *Реутов В.П.* Развитие взглядов на отраслевую дифференциацию права // Проблемы развития российского законодательства: сборник статей. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. С. 4–18.
156. *Реутов В.П.* О функциях права и правового регулирования // Актуальные проблемы Советского государства и права. М., 1974. С. 136–138.
157. *Русакова Е.М.* Образовательное право в системе российского права // Юридическое образование и наука. 2010. № 3. С. 22–25.
158. *Рыбаков В.А.* О функциях гражданско-правового регулирования // Гражданское право. 2009. № 1. С. 17–20.
159. *Рыженков А.Я.* Функции гражданского права: вопросы теории // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №12. С. 44–49.
160. *Саликов М.С.* Конституционно-процессуальное право как наука, отрасль права и учебная дисциплина // Право и политика. 2000. № 4. С. 15–26.
161. *Самощенко И.С.* О правовых формах осуществления функций Советского государства // Советское государство и право. 1956. № 3. С. 81–91.
162. *Свирин Ю.А.* Теоретические проблемы отраслевого деления системы российского права // История государства и права. 2011. № 9. С. 32–34.
163. *Свирин Ю.А.* О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. 2014. № 10. С. 26–30.
164. Система российского права (тезисы докладов на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г. в Московской государственной юридической академии) // Государство и право. 2003. № 1. С. 25–34.
165. Система права в Российской Федерации: проблемы теории и практики: сборник научных статей // Материалы V ежегодной Международной научной конференции, 19–22 апреля 2010 г. / отв. ред. В.М. Сырых, С.А. Рубаник. М.: РАП, 2011. 674 с.

166. *Сорокин В.Д.* Административно-процессуальное право — отрасль права // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 12–20.
167. *Старилов Ю.Н.* Российское административное право: к вопросу о соотношении материальных и процессуальных норм // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 53–58.
168. *Фарбер И.Е.* О воспитательной функции общенародного права // Советское государство и право. 1963. № 7. С. 38–47.
169. *Фарбер И.Е.* Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм. Некоторые вопросы теории государства и права в современный период: сборник статей / под ред. Д.А. Керимова. М.: Госюриздат, 1962. С. 117–147.
170. *Хабриева Т.Я.* Миграционное право в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 10. С. 22–26.
171. *Чеглаков К.В., Яковлев А.В.* Процессуальные отрасли в системе современного российского права // Мир юридической наук. 2010. № 3 (март). С. 11–19.
172. *Червонюк В.И.* Структура права: закономерности формирования и развития: в 9 вып. Вып. 1: Категория системы права в общей юриспруденции // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 69–71.
173. *Черноголовкин Н.В.* Социалистическое государство: сущность и функции // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 23–30.
174. *Шакарян М.С., Сергун А.К.* К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Труды Всесоюзного заочного юридического института. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 61–86.
175. *Шарапов С.Н.* Военно-уголовное право в системе отечественного права // Право в вооруженных силах. 2007. № 6. С. 113–121.
176. *Щелокаева Т.А.* Сколько кодексов нужно России? // Правоведение. 2009. № 4. С. 102–108.

Справочные издания

177. Большой юридический словарь / ред. А.Я. Сухарев, В.Д. Зорькин, В.Е. Крутских (Библиотека словарей ИНФРА-М). М.: ИНФРА-М, 1999. 789 с.
178. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 1632 с.
179. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
180. Гутин Б. Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

181. Абрамов А.И. Проблемы реализации регулятивной функции права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.
182. Азми Д.М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 44 с.
183. Бабенко Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
184. Бадоев М.Т. Демографическая функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 23 с.
185. Баришпольская Т.Ю. Гражданские процесс и процедура: (Понятие, служебная роль, проблемы теории и практики): дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1988. 226 с.
186. Барнашева Л.П. Воспитательная функция права развитого социализма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 220 с.
187. Бастрыкина О.А. Системообразующие связи внутреннего содержания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 28 с.
188. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 62 с.

189. *Бессонов А.А.* Процессуальные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 194 с.
190. *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 26 с.
191. *Васильев В.В.* Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 59 с.
192. *Власенко И.А.* Компенсационная функция права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. 18 с.
193. *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 195 с.
194. *Грось Л.А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: Научно-практические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 62 с.
195. *Данченко А.А.* Превентивная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 23 с.
196. *Долгополова М.В.* Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 26 с.
197. *Дорофеев Б.Ю.* Права человека и функции российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 26 с.
198. *Колобкова Л.В.* Процессуальные нормы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
199. *Кондратьева С.Л.* Юридическая ответственность (Соотношение норм материального и процессуального права): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.
200. *Крамской И.С.* Соотношение материальных и процессуальных правоотношений: на примере деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.

201. *Курдюк Г.П.* Отрасль права как элемент системы права (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 26 с.
202. *Лазарев Б.М.* Теоретические вопросы компетенции органов советского государственного управления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 40 с.
203. *Лукашев М.А.* Предмет правового регулирования как категория теории государства и права: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 220 с.
204. *Мовсумов М.А.* Гражданское процессуальное право Азербайджана и России (опыт системного и сравнительно-правового анализа): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 319 с.
205. *Новиков М.В.* Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 22 с.
206. *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 58 с.
207. *Павлушина А.А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. 459 с.
208. *Петров Д.Е.* Отрасль права: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 205 с.
209. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 505 с.
210. *Петрова А.В.* Основные функции Конституции Российской Федерации (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 232 с.
211. *Прошляков А.Д.* Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 39 с.

212. *Радько Т.Н.* Теоретические и методологические проблемы функций социалистического права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1978. 40 с.
213. *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 19 с.
214. *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981. 23 с.
215. *Самыкин С.С.* Охранительная функция права в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 25 с.
216. *Торопов А.А.* Восстановительная функция права (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. 25 с.
217. *Цикаришвили О.Г.* Охранительная функция российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 26 с.
218. *Чернявский А.Г.* Экономическая функция права в условиях формирования рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 21 с.
219. *Чумак Л.А.* Природа и механизмы реализации охранительной функции советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1986. 21 с.
220. *Шагиева Р.В.* Процессуально-правовые нормы и некоторые вопросы их реализации в зрелом социалистическом обществе (Общетеоретические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1982. 174 с.